

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Колледж иностранных языков и культур
Отделение славистики

ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ БЕЛИКОВ (1911–1982) КАК ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ
ДОВОЕННОЙ ЭСТОНИИ 1930-х ГОДОВ

Магистерская работа
студента отделения
славянской филологии
Ирины Сяэск

Научный руководитель –
Dr. P. C. Войтехович

Тарту 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. П. Ф. Беликов и зарождение рериховского движения Эстонии.....	17
1.1. Н. К. Рерих и рериховское движение до 1933 г.	17
1.2. В. Е. Гущик и общество «Витязь».....	23
Глава 2. Литературные кружки и переписка с Галиной Маховой.....	31
2.1. Павел Беликов до 1934 г.	31
2.2. Письма 1934/1935 учебного года № 1–8.	37
2.3. Письма лета и осени 1935 г. № 9–13.....	53
2.4. Письма зимы 1935/1936 гг. № 14–23	61
2.5. Письма весны и лета 1936 г. № 24–27	72
Глава 3. П. Ф. Беликов и рериховские группы в Таллинне.....	77
3.1. Начало переписки Беликова с Рерихом (1936)	77
3.2. Рижский музей и юбилейный конгресс (1937)	84
3.3 «Поток Евразии» (1938)	91
3.4 Замысел эстонской монографии о Н. К. Рерихе	98
Глава 4. Свой кружок, “Töökool” и закат движения (июнь 1938 – июнь 1940) ...	112
4.1. Книготорговля и семейное счастье	112
4.2. Организация кружка, расхождение с В. Гущиком и А. Раннитом	122
4.3. Доклад «После прочтения книги “Л. С. М.”»	127
4.4. Б. Новосадов и попытка репатриации Н. К. Рериха	137
Заключение.....	151
Приложение.....	159
П. Ф. Беликов. Философия Иммануила Канта и ее значение (1935).....	159
П. Ф. Беликов. Борису Новосадову (1956) <i>стихотворение</i>	166
Б. Х. Тагго-Новосадова. Неопубликованные стихи	167
Ни глад, ни кары, ни крамола... (1936)	167
Я не певец войны, и разве смеет... (1941).....	167
Проклятый год, война и голод... (1942)	168
Грядет зловещий — сорок третий... [1942]	168
В года сплошного безучастья... (1943).....	169
Список использованной литературы	170
Kokkuvõte	177

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей работы — осветить некоторые стороны культурной деятельности уроженца Эстонии, известного корреспондента Н. К. Рериха и исследователя его жизни и творчества — Павла Федоровича Беликова (1911–1982). Как исследователь Рериха (а точнее – Рерихов¹) Беликов снискал широкое признание², но его роль в культуре этим не ограничивалась. В. Л. Мельников убежден в том, что Беликов — достаточно крупная фигура, заслуживающая самостоятельного изучения:

Сама по себе жизнь и творчество этого крупнейшего писателя-рериховеда, философа, поэта, лектора, наставника многих исследователей рериховского наследия достойна отдельного монографического исследования. [Мельников]

Полагаем, что в контексте истории русской культуры в Эстонии это суждение представляется особенно справедливым.

Павел Беликов реализовал себя как ученый, не будучи сотрудником научного учреждения. В изучении Рериха он прошел почти такой же путь самобразования, как в своей области — В. П. Купченко, энтузиаст и крупнейший исследователь творчества М. А. Волошина, и Л. А. Мнухин — коллекционер и один из основоположников российского цветаеведения. Без этих и подобных им людей трудно представить себе соответствующие области знания. Их энергия, исследования, собранные ими материалы, библиотеки, архивы, коллекции, библиографии стали основой для музеев, сделали возможной работу других исследователей.

Деятельность этих людей, вкладывающих бесконечные усилия в работу «не по специальности» (Купченко — журналист, Мнухин — ученый-электротехник, Беликов —

¹ П. Ф. Беликов посвятил специальную монографию художнику С. Н. Рериху [Беликов 2004] и статью востоковеду Ю. Н. Рериху [Беликов 1982]. Поскольку семья Рерихов (включая писательницу Е. И. Рерих) представляет собой редкий пример продолжительного и теснейшего сотрудничества четырех членов одной семьи, исследование трудов одного из них неизбежно затрагивает и деятельность остальных.

² Достижения П. Ф. Беликова отмечены публикациями в престижных научных изданиях Тартуского университета, ИМЛИ РАН, СО АН СССР, Восточной комиссии Географического общества СССР, НИИ теории и истории изобразительных искусств [Беликов 1965; Беликов 1968а; Беликов 1968b; Беликов 1972; Беликов 1974; Беликов* 1974а; Беликов 1974b; Беликов 1976; Беликов* 1977; Беликов 1978; Беликов 1980]. Астериском отмечены совместные публикации. Соавторами исследователя были известные ученые академик А. П. Окладников, Е. П. Маточкин и Л. В. Шапошникова. Совместную монографию Беликов написал и с В. П. Князевой [Беликов* 1972]. Несмотря на научно-популярный формат этой книги, она обладала научной новизной и до сих пор сохраняет определенную научную ценность.

экономист³ и т. д.), в освоение «несоветских» деятелей культуры в глубоко советскую эпоху, оказалась чрезвычайно благотворна для русской и мировой культуры. Существование такой прослойки «дилетантов», преодолевающих гигантское сопротивление среды, — интересный феномен, нуждающийся в изучении. Особенность этого типа энтузиастов заключается еще и в том, что их неакадемический статус, помимо очевидных и не нуждающихся в пояснении ограничений, предполагает и определенную свободу. Как правило, это — люди широких культурных запросов и разнообразных творческих связей. В полной мере это относится и к П. Ф. Беликову, который писал 14 мая 1979 г. Д. А. Прокопюку:

Занимаясь какой-то одной проблемой, мы обязаны вводить ее в русло других аналогичных, а не пытаться решать изолированно. <...> Ведь сам Рерих никогда этого не делал. <...> у него всегда были в ходу сотни разных мероприятий, контактов и самый широкий фронт культурной, научной, общественной работы. [НВ: III, 327]

Именно аспект широких культурных, в том числе – литературных, связей П. Ф. Беликова мы и решили избрать в качестве основного объекта нашего исследования.

Культуру можно представить как сложную сеть взаимодействия творческих индивидуальностей, а каждую из этих индивидуальностей — как центр пересечения множества отношений. В случае П. Ф. Беликова его связь с Н. К. Рерихом представляется наиболее важной и плодотворной. Но она не могла бы осуществиться без В. Е. Гущика, который создал первый рериховский кружок в Эстонии, отчасти — без Б. Х. Тагго-Новосадова, связавшего Беликова с книготорговлей, без латышского поэта Р. Я. Рудзитиса, лидера рериховского движения в Прибалтике, без Д. С. Мережковского, в книгах которого Беликов черпал материал для своей философии и т. д. И в рамках, и отчасти вне рамок движения Беликов общался с А. Раннитом, И. Северяниным, художниками А. Д. Кайгородовым, Н. Ф. Роотом, М. А. Сидоровым и т. д. При этом Гущик, Новосадов, Северянин — крупнейшие представители русской словесности Эстонии межвоенного периода. Уже одно это делает фигуру их общего знакомого достойной

³ Т. О. Книжник писала: «Экономист по роду деятельности, он был рериховедом по призванию <...> его труды ни в чем не уступали трудам остепененных ученых» [Книжник]. При этом сам Беликов был исключительно строг к себе. 22 декабря 1978 г. он писал А. Н. Анненко: «Когда мне было лет тридцать, я думал, что я могу много сказать о Рерихе, и стремился к этому. Жизнь сложилась так, что вышел я на профессиональную арену с чувством, что теперь-то я могу сказать о Рерихе так, как надо, когда был на исходе пятый десяток лет. А теперь, когда мне на исходе шестой десяток, я гадаю — сумею ли я до конца жизни вообще сказать о Рерихе то, что нужно, и так, как нужно» [НВ III: 266].

интереса исследователей. Интерес этот может быть вознагражден интересными архивными находками, часть из которых представлена в приложении к настоящей работе.⁴

В истории русской культуры довоенной Эстонии Беликов играл скромную роль, отчасти в силу своей молодости. Но, как показывает составленная С. Г. Исаковым, Т. К. Шор и Т. Т. Гузаировым «Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940)», совсем не упомянуть о деятельности Беликова в этот период все-таки невозможно [Хроника: 216, 228, 259, 281, 306, 345]. Хорошим дополнением к этой хронике служит составленный А. П. Соболевым XII том «Петербургского Рериховского сборника» (2019), посвященный «малоизученной теме “Рерихи и Эстония”» [ПРС: 4], а также подготовленный нами⁵ трехтомник «Непрерывное восхождение» (формально — двухтомник, но второй том пришлось разделить на две книги, равные по объему первому; ссылки на эти книги даются как на II и III тома для простоты описания), составленный из текстов Беликова и о нем. Полезен и подготовленный А. Н. Анненко сборник «Странник Державы Рериха» (2011), посвященный столетию со дня рождения Беликова (здесь впервые опубликован доклад Беликова «После прочтения Л.С.М.», см. 4.3), а также существующие издания писем Е. И. Рерих, дневников Р. Я. Рудзитиса и переписки членов латвийского общества Н. К. Рериха с семьей Рерихов в индийский период их жизни («Письма с гор»). Большим подспорьем являются материалы рериховского архива, размещенные в открытом доступе на сайте Государственного Музея Востока [АМР].

Как ни мало Беликов успел сделать до войны, без него картина русской культуры этого периода была бы неполна. Беликов писал стихи, выступал с докладами и лекциями на литературные и философские темы, вел небольшой кружок по изучению рериховской Живой Этики (Агни Йоги), участвовал в продвижении подписанного в США Пакта Культуры (1935), отметился статьей об А. С. Пушкине в сборнике «Поток Евразии» (1938). На его выступления откликались, порой — достаточно пространными отчетами, в латвийской, эстонской и американско-индийской (вестник рериховского движения „Flamma“) прессе. Беликов занимался книготорговлей и выставками, переписывался со многими деятелями культуры Эстонии, Латвии, Литвы, России, США, Индии и т. д.

⁴ В частности, это — ранее не публиковавшиеся стихи Б. Х. Тагго-Новосадова, первые сведения о которых стали известны благодаря статье Г. М. Пономаревой [Пономарева 2009: 115–116] и совместной монографии Г. М. Пономаревой и Т. К. Шор [Пономарева, Шор: 122].

⁵ То есть коллективом участников издательского процесса, в котором свою роль сыграли Т. О. Книжник, К. П. Беликов, К. А. Молчанова, И. И. Нейч, А. И. Дьяченко, С. А. Аникин, О. Е. Цветкова, Е. П. Рундзя, Т. Г. Черных, Л. Г. Лоркина, Л. П. Сидоренко, И. В. Биткова, И. С. Жарова, М. М. Благодар и автор этих строк. Выход сборника был приурочен к 90-летию П. Ф. Беликова, но в 2001 г. вышел только I том.

Самостоятельный интерес представляет серия его философских писем к невесте Галине Маховой (1934–1936), в которой он излагает свое мировоззрение и отношение к философским воззрениям Гераклита, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Л. Н. Толстого, Н. Ф. Федорова, Д. С. Мережковского, Е. П. Блаватской, Н. К. Рериха, к творчеству Гомера, Дж. Г. Байрона, И. В. Гете, М. Ю. Лермонтова, Н. С. Гумилева, М. М. Зощенко, Н. Я. Агнивцева, косвенно — В. В. Маяковского, И. А. Бунина, А. Н. Островского, к местным литераторам и звездам театра «Эстония» М. Лайд и К. Сави. С тематикой писем перекликается тематика его стихов, героями которых является не только возлюбленная или условный «жрец», но и философ Дени Дидро, а также поэт Д. Бедный, объект хлесткой эпиграммы Беликова. Одно из писем посвящено воспоминаниям детства и юности: о Нарве, Кавказе, «гранитном барине» Петрограде и Причудском Сыренце.

Эти письма — один из замечательных источников для воссоздания интеллектуальной атмосферы, в которой жила значительная часть русской молодежи и вообще интеллигенции Эстонии 1930-х гг. Здесь в эмиграции сохранилась культура эпохи модернизма, о которой Н. А. Богомолов писал:

Уже вполне общим местом стало представление о том, что возникновение европейского модернизма <...> не просто хронологически совпало с так называемым «оккультным возрождением», а в значительной степени было им определено. [Богомолов: 5]

В такой ситуации, по Богомолову, исследователь в первую очередь обязан выявить «воздействие той или иной доктрины» на объект своего изучения. В 20-е и особенно 30-е гг. одним из наиболее влиятельных источников таких доктрин в культуре русской диаспоры стали пост-теософские труды Е. И. Рерих по Живой Этике (в основном, в «синтезе» с творчеством ее мужа Н. К. Рериха).

Богомолов не раз упоминает о Рерихах в своей книге «Русская литература начала XX века и оккультизм» (1999), начиная уже с вводной статьи [Богомолов: 7, 261, 293, 464, 473, 482, 508, 512]. Касается он мимоходом и деятельности корреспондента Елены Рерих — поэтессы Н. П. Рудниковой в таллиннский период ее жизни [Богомолов: 261]. Методологически наше исследование примыкает к этому направлению, поскольку мы описываем культуру Эстонии в период наибольшей славы и популярности («культура», как написал с полным одобрением эстонский критик Яан Перт [ПРС: 280]) художника Н. К. Рериха, вступившего в седьмое десятилетие жизни в статусе духовного авторитета, своей неутомимой деятельностью свидетельствующего о жизнеспособности культуры, не только русской, но и культуры вообще, неустанно пропагандирующего толерантность, мир и

защиту культуры в период всеобщего озлобления накануне новой мировой войны. Но вместе с влиянием Н. К. Рериха распространялось и влияние Е. И. Рерих.

«Ренессансное» разнообразие деятельности Николая Рериха поражало воображение: юрист – защитник культурных ценностей (вдохновитель *Rax Cultura*, *The Roerich Pact*, 1935), археолог и историк, оригинальный поэт и прозаик, публицист и автор путевых заметок, отважный путешественник, натуралист и этнограф, художник (с 1910 г. — руководитель возобновленного объединения «Мир искусства»), один из создателей балета «Весна священная» (1913), философ-мистик, меценат и организатор благотворительных акций и учреждений, один из создателей Института гималайских исследований «Урусвати» (*санскр.* утренняя звезда), современник, собеседник, единомышленник и сотрудник многих деятелей культуры конца XIX – начала XX в. (среди них М. Метерлинк, Р. Тагор, Л. Толстой, И. Стравинский, А. Блок, С. Городецкий, Л. Андреев, Н. Гумилев, А. Ремизов, Г. Гребенщиков и т.д.).

Неутомимый труженик, Рерих и в эмигрантский свой период оставался фигурой, привлекающей всеобщее внимание (за *Rax Cultura* он выдвигался на Нобелевскую премию мира). Неудивительно, что к его заступничеству, моральной и материальной помощи пытались прибегать многие представители русской культуры в Эстонии, с которой он оказался в итоге довольно тесно связан. С Рерихом вели переписку А. Раннит (А. Долгошев), И. Северянин, Б. Тагго-Новосадов, В. Гущик, художники Н. Роот и А. Кайгородов и т.д. Сочинения Рериха выходили в эстонской и русской прессе Эстонии (газеты «Свой путь», «Витязь», „Kunst ja Kirjandus“, „Päewaleht“, „Kaunis Kodu“). Ему посвятил большую статью известный художественный критик Яан Перт. Благодаря Ранниту Рерих косвенно поучаствовал в местной полемике о творчестве Э. Вийральта. К рериховскому движению примкнуло несколько художников, включая скульптора А. Старкопфа из Тарту. К творчеству и общественной деятельности Рериха проявляли внимание именитые эстонские политики — К. Р. Пуста, А. Пийп, семейство Пятсов (а заодно и Вейлеров) и т.д.

При этом Эстония сильно уступала Латвии по части вовлеченности в рериховское движение и шла у нее в фарватере. По-настоящему активных и продуктивных «рериховцев» в Эстонии было немного: поначалу это был В. Е. Гущик, позднее П. Ф. Беликов и А. Раннит и несколько на периферии — Б. Х. Тагго-Новосадов и Н. Ф. Роот. Были и другие интересующиеся, но следов их интереса осталось меньше (а Н. Рудникова, М. Сидоров, Е. Гагемейстер и др. больше интересовались учением Е. И. Рерих, чем ее мужем). Художник Кайгородов вел нечто вроде салона, где тексты Рериха также обсуждались. З. Н. Дормидонтова устраивала лекции о Рерихе и в своем школьном

литературном кружке, и в Союзе русских академических женщин. Интересовался Рерихом и знаменитый педагог А. И. Макаровский.

Беликов не сразу стал «рериховцем» и вообще не очень любил этот термин, но постепенно именно Н. К. Рерих занял для него место учителя, жизненного ориентира, и уже через Рериха Беликов расширял круг своих знакомств, впитывая одновременно и знания обо всех многочисленных сферах, с которыми Рерих соприкасался. После войны это привело его к расширению знакомств в литературной и художественной, а также кинематографической сфере, к общению с учеными самых разных направлений: филологами, географами, археологами, медиками, этнографами, искусствоведами и т. д. (среди них были В. А. Мануйлов, А. М. Пятигорский, Ю. М. Лотман, Д. С. Лихачев и др.). Дружба связала его с выдающимся ученым и замечательным писателем И. А. Ефремовым [Ефремов 2016; Сязск 2017; Сязск 2018а; Сязск 2020].

П. Ф. Беликову посвящена недостаточная, но уже довольно большая литература, нуждающаяся в библиографическом описании. В библиографии, составленной А. Н. Анненко в 2020 г., значится 176 номеров, охватывающих публикации с 1972 по 2020 гг. [Анненко]. В зависимости от принципов подсчета и учета материала этот список может быть и увеличен, и сокращен. С одной стороны, в нем много републикаций. С другой стороны, не охвачены довоенные тексты, в которых упомянут Беликов, а также тексты, выходящие за рамки собственно рериховедения. Конечно, в большинстве случаев довоенные тексты (собранные в [ПРС]) не посвящены специально П. Ф. Беликову, и вопрос об их включении в подобную библиографию носит дискуссионный характер.

Попробуем вкратце охарактеризовать имеющуюся о Беликове литературу всех жанровых разновидностей. В советский период Беликов начал публиковаться с 1965 г., но первая его научная публикация состоялась за рубежом, в Индии [Беликов 1965], и только с 1967 г. он начал публиковать свои труды в СССР [Беликов 1967]. Его самый известный труд, книга «Рерих» [Беликов* 1972]⁶, изданная в серии «ЖЗЛ» (в соавторстве с В. П. Князевой), появилась в 1972 г. — в преддверии 100-летнего юбилея Н. К. Рериха (1974). Из-за большого спроса в 1973 г. книга вышла 2-м стереотипным изданием. На период

⁶ Астериском здесь и далее обозначены работы, написанные Беликовым в соавторстве. Цель такого обозначения не в том, чтобы умалить вклад соавторов Беликова, а в том, чтобы не загромождать текст. Все соавторы указаны в списке использованной литературы. Но специально в этом случае следует оговорить, что вклад В. П. Князевой был скорее символическим. Имя профессионального искусствоведа служило пропуском к публикации в престижной серии «ЖЗЛ». Разумеется, Князева была рериховедом [Князева 1963; Князева 1968], первым рецензентом и отчасти оппонентом Беликова, и ее роли не следует преуменьшать.

1972–1975 гг. приходится шесть публикаций, так или иначе сообщающих о Беликове как авторе книги «Рерих».

В газете «Книжное обозрение» за 1972 г. появилось две публикации, посвященные книге: 1 января — безымянный анонс и следом, 7 июля, — статья А. Д. Алехина «Художник, ученый, педагог» [Алехин], конечно, больше связанная с героем книги, чем с ее автором. Два года спустя в каталоге изданий серии «ЖЗЛ» появилась биографическая справка «Беликов Павел Федорович» [ЖЗЛ. Каталог: 202]. В те же годы (1972–1973) материалы о Беликове появились в русскоязычной эстонской прессе. В газете «Вечерний Таллин» 18 ноября 1972 г. вышла статья Н. В. Надточий «“По специальности я не искусствовед...” (В гостях у П. Ф. Беликова)» [Надточий 1972], а через полгода, 20 мая 1973 г., в «Советской Эстонии» — статья Г. И. Геродника «“Рерих” и автор» [Геродник]. С Натальей Надточий (позднее Надточий-Санниковой) у Беликова завязались дружеские и творческие отношения, что привело к появлению ее статьи «Рерих и Эстония» [Надточий 1975] и ряда более поздних статей и публикаций мемуарного характера [Надточий 1984; Надточий 1986; Надточий 1986а; НВ: I, 31–46], а также републикаций [СДР: 122–124; ПРС: 335–338; 341–354].

В 1976 г. в Новосибирске состоялись первые всесоюзные научные «Рериховские чтения», проведение которых было отчасти и заслугой Беликова. Видимо, косвенным отзвуком этого события стали еще две публикации, посвященные ему. 27 февраля 1977 г. в газете „Edasi“ появилась статья Л. Кеввай „Kaminaõhtu Pavel Belikoviga“ [Кеввай], позднее переведенная на русский язык Лейдой-Алине Луукас [Кеввай 2011]. В статье рассказывалось о вечере, посвященном Н. К. Рериху и проведенному в Тарту, куда П. Ф. Беликов был приглашен в качестве лектора и доставлен на редакционной машине газеты „Edasi“ из Коэе-Уеумыйза, где он жил и работал. В том же году в газете «Новгородская правда» появилась статья известного новгородского журналиста Г. Т. Нарышкина «Из библиотеки Н. К. Рериха» [Нарышкин], посвященная «Повести об Антонии Римляине» (Харбин, 1932), раритетной книге бывшего эмигранта, поклонника Рериха (автора известной статьи-брошюры о нем [Иванов]) и автора исторической прозы Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971). Поводом послужили описанные в статье разыскания Беликова, связанные с биографией Иванова, который состоял в переписке и с самим Беликовым. Большую часть статьи занимает обширное письмо Беликова с подробным анализом историко-фантастической повести Иванова. На этом известные нам прижизненные публикации советского периода, полностью или частично посвященные Беликову, заканчиваются.

Последние пять лет жизни (до 1982 г.) Беликов продолжал работать и печататься, но публикации о нем не появлялись. На «Рериховских чтениях» 1982 г. прозвучал доклад Н. Д. Спириной и Л. А. Андросовой «Павел Федорович Беликов — исследователь творчества Н. К. Рериха». К статье по докладу прилагалась библиография трудов Беликова из 28 работ [Андросова, Спирина]. Эта статья неоднократно перепечатывалась. Поэт, прозаик и музыкальный педагог Н. Д. Спирина (1911–2004) была ровесницей Беликова и человеком с частично сходной судьбой: она родилась в Харбине и выросла в эмиграции, в 1959 г. оказалась в СССР и позднее стала исследователем и популяризатором наследия семьи Рерихов, одним из организаторов «Рериховских чтений». Л. А. Андросова работала научным сотрудником Дома-музея Н. К. Рериха в Изваре и совершила восхождение на алтайскую горную вершину, получившую имя Пик Беликова (Катунский хребет).

Позднее, 16 февраля 1991 г., на таллиннской конференции, посвященной 80-летию со дня рождения П. Ф. Беликова, Спирина выступила с докладом «Слово о Друге», воспроизведенным в изданиях, вышедших к 90-летию [НВ: I 79–80] и 100-летию ученого [СДР: 130]. Были опубликованы письма Беликова к Спириной [НВ: III] и книга «Письма Наталии Дмитриевны Спириной» [Спирина], в которой много страниц посвящено Беликову (упоминания в переписке с В. И. Ничипоруком, мемуары последнего, статьи Беликова). Андросова также оставила воспоминания о Беликове [Андросова 2008], позднее неоднократно воспроизводившиеся.

С 1983 по 1987 гг. вышла целая серия публикаций, закрепляющих память о П. Ф. Беликове. В «Вечернем Таллине» стали выходить статьи племянницы Г. В. Беликовой (Маховой) – К. А. Молчановой [Молчанова 1983; Молчанова 1984; Молчанова 1984а; Молчанова 1987]. В 1984 г. публикации были приурочены к 110-летнему юбилею Н. К. Рериха. Тогда же вышла одна из статей Н. Надточий-Санниковой (в ж. «Таллин»), статья Х. Танклера в «Советской Эстонии» — «Папка с надписью “Рерихи”» [Танклер] и статья Н. Дико «Наследие Рериха» в журнале «Азия и Африка сегодня» [Дико]. В 1985 г. случился перерыв с публикациями. Но затем в 1986 г. вышло две статьи Надточий-Санниковой, а в 1987 г. — статья Молчановой «Эстония – Индия: (О П. Ф. Беликове. 1911–1982)», которая печаталась с продолжением в пяти номерах тартуской газеты «Вперед». К публикациям подключился и сын ученого, К. П. Беликов, опубликовавший в газете «Вечерний Кишинев» статью об архиве своего отца [Беликов К. 1987].

Далее вновь наступил трехлетний перерыв, завершенный статьей Р. Поповой в «Молодежи Эстонии» от 16 февраля 1991 г. [Попова], опубликованной в день выступления Н. Д. Спириной на таллиннской конференции «Рерих — гуманист»,

посвященной памяти и 80-летию юбилею П. Ф. Беликова (но проводимой ближе к дню рождения Е. И. Рерих, 12 февраля). На той же конференции, проходившей в Институте истории Эстонской АН, эстонский искусствовед Эви Пихлак прочитала доклад «Н. Рерих и эстонское изобразительное искусство» [Пихлак]. В том же году в «Рериховском вестнике» вышли письма С. Н. Рериха к П. Ф. Беликову [С. Рерих 1991: 13–17] с преамбулой, посвященной адресату, а в Москве был создан «Международный центр Рерихов». В 1993 г. был учрежден «Государственный музей Н. К. Рериха», вышел том сочинений С. Н. Рериха, включающий письма к П. Ф. Беликову [С. Рерих 1993: 47–50] и две публикации в журнале «Библиография». В январском номере В. Г. Семенова опубликовала статью «Носитель культуры (Павел Федорович Беликов)», посвященную достижениям Беликова-библиографа [Семенова], а в №6 статья была дополнена новыми материалами к биографии отца, опубликованными К. П. Беликовым [Беликов К. 1993].

В 1995 г., помимо статьи Молчановой о «вкладе Эстонии в исследование художественно-философского наследия Н. К. Рериха» [Молчанова 1995], в газете «Хакасия» появилась и статья А. Н. Анненко «“Рериховские университеты” Павла Беликова» [Анненко 1995], которая впоследствии многократно переиздавалась (в частности, дважды в 1997 г. — к 50-летию со дня смерти Н. К. Рериха). В 1998 г. в журнале «Перед восходом» (№8) появилось две публикации: в одной из них Беликов упоминался; цитировались его письма к Н. Д. Спириной (Жукова Н. В. «Сибирский путь», с. 10–11). Другая статья («Чуткость сотрудничества» А. П. Юшкова) была уже целиком посвящена Беликову, совмещая черты биографической статьи и мемуаров [Юшков].

Настоящего триумфа Беликов дождался в 2001 г., когда вышел первый том трехтомного издания «Непрерывное восхождение» (см. рец. О. Е. Цветковой [Цветкова]). Поскольку изначально планировался двухтомник, что получило отражение уже в аннотации первого тома [НВ: I, 4], второй и третий тома позднее пришлось оформить как две книги второго тома. Первый том издания включал 25 прозаических сочинений П. Ф. Беликова (включая автобиографию), 8 стихотворений (9-е процитировано в письме к Г. Маховой [НВ: II, 68]), письма к нему Н. К. Рериха и его сыновей, вступительную статью К. А. Молчановой и блок из воспоминаний 15 авторов.

Раздел воспоминаний [НВ: I, 17–116] начинается с цитаты из письма Рихарда Рудзитиса от 27 августа 1938 г. к старшим Рерихам. Латышский поэт, действительно, делится воспоминаниями, но еще совсем свежими, так что это не мемуары в привычном смысле слова, а живой обмен впечатлениями. Далее следует статья К. П. Беликова «Непрерывное восхождение» (1992), давшая название всему изданию и тесно связанная с проблематикой двух предыдущих статей сына исследователя. Историко-биографический

элемент в них явно преобладает. В статье Молчановой «Абсолютный авторитет» ситуация аналогична. Классическим мемуарным очерком, наделенным определенными литературными достоинствами, является эссе Санниковой-Надточий «От водопада до Новой Мызы». Текст Л. В. Шапошниковой «Хранитель» представляет собой полижанровую композицию, одна из частей которой является собственно воспоминаниями, а другая – образцом художественной прозы на документальной основе (по мотивам воспоминаний Беликова военного периода). Беликов выведен в этой новелле под именем Хранителя, а Рерих — Мастера.

Статья искусствоведа Гунты Рудзите, дочери Рихарда Рудзитиса, «Поэт и борец, биограф Николая Рериха» содержит элементы воспоминаний, но в целом построена как биографическая статья научного типа. Более лирический характер имеет статья сибирского исследователя Е. П. Маточкина «Зажигающий миры-звезды...» В статье художника Л. Р. Цесюлевича «Научный подход» Беликов был описан как организатор научного изучения творчества Н. К. Рериха. Эти воспоминания хорошо дополняют краткий мемуарный эскиз Е. Г. Сойни, авторитетного исследователя русско-финских литературных связей. Сойни с благодарностью вспоминает, как Беликов прочитал первые главы ее диссертации и поделился с ней своими соображениями.

Далее следует уже упоминавшееся краткое «Слово о Друге» Н. Д. Спириной и небольшие, но развернутые воспоминания искусствоведа А. Д. Алехина. Следом — короткая заметка московского журналиста Е. В. Кончина с крупными личными воспоминаниями. Затем довольно развернутые воспоминания Г. В. Гаврилова («Духовный наставник») и В. И. Кадомцева («Друг и учитель»). Завершают блок воспоминания создателя Оптического театра С. М. Зорина «Свидетельствовал собой...»

Мемуары, публицистические и научные работы о П. Ф. Беликове (в основном в рамках рериховедения, конечно) отныне стали появляться ежегодно, хотя в отдельные годы это были только републикации (например, в 2005 г. появилась только уже названная статья А. Н. Анненко; позднее выходили и другие его работы). В 2008 г. Е. Г. Петренко в Одессе подготовила к изданию книгу «Письма Павла Федоровича Беликова (1975–1982)» [Беликов 2008]. 2009 — редкий год, когда публикаций о Беликове вообще не зафиксировано.

Зато год столетия Беликова, 2011, был отмечен целой лавиной публикаций и републикаций. В издании книги Беликова «Рерих: опыт духовной биографии» (2011) помещена статья О. Е. Цветковой «Классик рериховедения: к 100-летию Павла Федоровича Беликова» [Цветкова 2011]. В Одессе издается книга писем К. П. Беликова с мемуарами В. И. Ничипорука и статьями Е. Г. Петренко и В. Л. Мельникова [Беликов К.

2011]. А. Н. Анненко издал в Абакане сборник «Странник “Державы Рериха”»: сб., посвящ. 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова – писателя, ученого, архивиста, библиографа, обществ. деятеля» [СДР].⁷ Состав книги представляет собой своеобразную хрестоматию «беликововедения». Здесь собраны многие ранее опубликованные материалы и некоторые новые, но продублированные в других изданиях. В частности, здесь имеется первая статья Анненко, фрагменты из книги Л. С. Митусовой (племянницы Е. И. Рерих), статья К. А. Молчановой с мемуарными вкраплениями, упоминавшаяся статья Л. А. Андросовой, ценная мемуарная статья А. П. Беликовой, показывающая отца своего мужа с закрытой от других бытовой стороны. Статья философа и писателя Ю. В. Линника совмещает ценность интеллектуального анализа и художественного изложения. Здесь же статья А. П. Юшкова, две мемуарные статьи В. И. Ничипорука и воспоминания А. А. Шпунта. Мемуарной ценностью обладают и некоторые части раздела «Опрос». В частности, воспоминания Сергея Мартынова интересно описывают не столько даже личность Беликова, сколько его семейную обстановку и деятельность близкого ему сообщества.

Что касается научных работ о Беликове, то они по большей части носят пока что очень частный или, напротив, слишком обобщенный характер. Порой они представляют собой полумемуарные сочинения. В сугубо научных трудах Беликов чаще предстает как исследователь, а не объект изучения. Мы попытаемся подойти к его жизни с позиций истории литературы и культуры, рассмотрев и те связи, которые могут представляться периферийными изнутри рериховедения, но в перспективе истории русской литературы и культуры Эстонии, напротив, приобретает дополнительный интерес и значение. В своей книге «Русские в Эстонии (1918–1940)» С. Г. Исаков утверждал:

К сожалению, русская культура, литература и общественная жизнь в Эстонии в 1918–1940 гг. еще не изучены. <...> в советский период, эта тема была полузапретной <...> Между тем, потребность в такого рода работах есть. [Исаков 1996: 5-6]

Исследователь упоминает статью Беликова «Пушкин и государственность» из сборника «Поток Евразии» (Таллинн, 1938), аттестуя Беликова как «большого поклонника и пропагандиста учения Н. К. Рериха⁸ в Эстонии» [Исаков 1996: 139].⁹ Связь самого Рериха

⁷ В названии книги использована формула из статьи Л. Н. Андреева «Держава Рериха» (1919), которая начинается словами: «...Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения» [Держава: 34].

⁸ С. Г. Исаков знал П. Ф. Беликова по совместному участию в «Горьковском сборнике» (Тарту, 1968). Публикации Беликова о Рерихе попали в сборник отчасти потому, что Ю. М. Лотман непременно хотел поместить в нем материал «с изюминкой и с перчинкой», о чем писал Б. Ф. Егорову: «На 1966 г. запланированы: а) «Горьковский сб<орни>к» а la «Блоковский». <...> нужны хорошие материалы.

с культурой довоенной Эстонии также неоднократно им отмечается: в связи с выставкой русской живописи из собрания В. Тирмана, в связи с коллекцией П. Софронова, евразийской газетой «Свой путь», изданиями общества «Витязь». Отметим, что для публикации в газете «Витязь» В. Е. Гущиком был отобран фрагмент, тесно связанный с литературными и музыкальными связями Рериха. С. Г. Исаков отмечает роль Гущика в развитии рериховского движения в Эстонии. Это было движение в защиту культуры, осмысляемой с религиозно-философских позиций. Первым его поддержал в Эстонии К. Р. Пуста, а затем (и более существенно) именно Гущик, о творчестве которого Рерих всегда доброжелательно отзывался [Исаков 1996: 249-250]. С. Исаков приводит отклик Рериха на сборник Гущика «Забытая тропа» [Исаков 1996: 249–250]. Но исследователь выделил только самые заметные факты, связанные с присутствием Рериха и «рериховцев» (в частности, П. Ф. Беликова) в культуре довоенной Эстонии. Следует также упомянуть, что под его руководством была написана и защищена курсовая работа Александра Шиндяпина «Рерих и Эстония» (Тарту, 1994).

Деятельность Беликова всегда имела много аспектов. Он был поэтом, исследователем и философом, который придавал своей философии значение не только умозрительное, но и практическое. В своей деятельности он видел нравственный смысл. Довоенный период его жизни объясняет истоки его мировоззрения и жизненной миссии. В работах по русской культуре в Эстонии (С. Г. Исакова, Г. М. Пономаревой, Т. К. Шор и других исследователей) П. Ф. Беликов, по существу, только упоминается. Думается, настало время уделить ему больше внимания и дополнить историю русской культуры довоенной Эстонии описанием рериховской «струи» в ее течении. Такие попытки уже предпринимались. Мы упоминали статью Н. В. Санниковой-Надточий, доклад Эви Пихлак и курсовую работу А. Шиндяпина «Рерих и Эстония» (1994). На их основе отчасти была написана и обобщающая статья В. Л. Мельникова «О влиянии Н. К. Рериха на культуру первой Эстонской республики» [Мельников]. Позднее Петербургский музей Рерихов выпустил хорошо подготовленный том материалов [ПРС]. Но с этими материалами исследователи еще не пытались по-настоящему разобраться, а в содержательной статье Мельникова, к сожалению, имеются неточности.

Именно материалы, а не статьи. Нужна и изюминка, и перчинка. <...> Давать жвачку неохота» [Лотман 1997: 190]. Подготовленная Беликовым статья о Рерихе и М. Горьком с приложением библиографии Рериха полностью отвечает этой задаче [Беликов 1968; Беликов 1968а].

⁹ Поклонниками Рериха в какой-то степени были и другие авторы сборника: В. А. Пейль печатал Рериха в кохтла-ярвской газете «Свой путь» (в №4 за 1931, посвященном Г. Д. Гребенщикову, деятельному американскому сотруднику Н. Рериха). В. Е. Гущик вообще был первым «рериховцем» в Эстонии.

Из-за слабой изученности Беликова даже в редких упоминаниях о Беликове главного специалиста по теме «Россия и Эстония» С. Г. Исакова имеются утверждения, требующие уточнений для своего правильного понимания. Так, в одной из статей Исаков называет Беликова «заведующим советском книжным магазином в Таллинне» [Исаков 1996а: 251], но это не совсем верно. Беликов работал в фирме „Töökool“, которая сотрудничала с советской «Международной книгой». Но Беликов и сам отчасти смешивал эти вещи в рассказах о себе. О Гущике в трудах Исакова сообщается, что он пытался создать отдел им. Рериха при обществе «Витязь», но Гущик, действительно, создал этот отдел (даже писал письма на бланках этого отдела), а пытался создать он независимое от «Витязя» рериховское общество. Впрочем, и отдел скоро закрылся, так что можно это назвать и просто «попыткой».

Много ошибочных сведений содержится в самых разных работах, посвященных Беликову и рериховскому движению довоенной Эстонии у самых разных авторов. Например, большая путаница существует с хронологией деятельности Беликова. Из-за его позднейшего статуса старейшего «рериховеда», его роль и активность преувеличиваются, так что все эстонские «рериховцы» чуть ли не автоматически зачисляются в «группу Беликова». Действительность выглядит иначе. Беликов постепенно выдвинулся в конце 30-х гг. и вел занятия со своей небольшой группой, но существовали и другие группы, и сам Рерих долгое время больше надежд возлагал на других деятелей Эстонии.

Из-за тесной связи Беликова именно с Рерихом его участие в общей культурной жизни также недооценивается. Мы попытаемся соединить два этих аспекта: покажем и формирование рериховского движения, и «нерериховские» связи Беликова, затронем его стихи, общественную работу и попытку создать своего рода «трактат в письмах» — по примеру многих знаменитых мудрецов древности и нового времени (письма Сенеки, Монтескье, Чаадаева, Гершензона и Вяч. Иванова и т.д.).

В первой главе мы рассмотрим предпосылки проникновения рериховского движения в Эстонию и вовлечения П. Ф. Беликова в его ряды. В первом параграфе будет рассмотрена деятельность Н. К. Рериха по защите объектов культуры, особенно активная с конца 20-х гг. Во втором параграфе излагаются обстоятельства возникновения первого рериховского общества в Таллинне, созданного В. Е. Гущиком как отделение при обществе «Витязь».

Вторая глава описывает начало участия Беликова в таллинских литературных кружках, совпавшее по времени с годом подписания Пакта Рериха в США (1935). Но в первом параграфе дается краткая характеристика жизни П. Ф. Беликова до начала активного участия в таллиннской культурной жизни. Основной материал для анализа —

философские и эстетические воззрения Беликова, изложенные в письмах к Галине Маховой (1935–1936), и отражение в тех же письмах культурной жизни эстонской столицы (докладов о современной молодежи, о значении Г. Р. Державина, И. Канта; литературного суда над героем И. А. Бунина; юбилеев Толстого, Мережковского, Островского; эстонской оперетты и т. д.). Членение на параграфы задается группировкой имеющихся писем.

В третьей главе описываются обстоятельства более тесного вовлечения Эстонии в деятельность рериховских обществ (1936–1938) и место Беликова в образовавшейся среде. В первом параграфе фиксируется начало переписки Беликова с Н. К. Рерихом и контакты Н. К. и Е. И. Рерихов с другими деятелями культуры из Эстонии. Во втором параграфе охарактеризован конгресс, приуроченный к 50-летию творческой деятельности художника и открытию его музея в Риге, а также последствия этих событий (включая образование эстонского Комитета Пакта Рериха и подписание пакта тремя министрами иностранных дел балтийских республик). Третий параграф посвящен статье Беликова о Пушкине в журнале «Поток Евразии». Четвертый параграф освещает участие Беликова в деятельности Комитета Пакта Рериха и его проект издания эстонской монографии о Рерихе при участии А. Раннита и А. Тамма.

В последней четвертой главе описан период накануне катастрофы 1940 г., когда Беликов приобрел авторитет в рериховских кругах, организовал свой кружок по изучению Живой Этики и занялся книготорговлей в фирме “Töökool”. В первом параграфе описано изменение его положения в связи с приобретением новой работы. Во втором — сближение с членами Латвийского общества и напряжение в отношениях с А. Раннитом и особенно В. Гущиком. В третьем параграфе анализируется текст доклада, связанного с деятельностью его кружка. В четвертом параграфе описано участие в движении Б. Х. Тагго-Новосадова и неудачная попытка Рериха получить визу в СССР и вернуться на родину.

В приложении помещены некоторые неопубликованные тексты П. Ф. Беликова и Б. Х. Тагго-Новосадова из архива П. Ф. Беликова.

Глава 1.

П. Ф. Беликов и зарождение рериховского движения Эстонии

Задача главы — показать, к чему пришло развитие рериховского движения в Эстонии на момент 1934 г., до активного вступления в него П. Ф. Беликова (1911–1982). В первом параграфе дается краткая характеристика Н. К. Рериха и объясняется, как его деятельность в защиту культуры породила международное общественное движение за распространение Рах Cultura (Пакт Рериха), охватившее Эстонию в начале 1930-х гг., начиная с визита эстонского посла К. Р. Пуста в парижский комитет движения (1931). Во втором параграфе рассматривается ранний период участия В. Е. Гущика в этом движении: публикация рериховского очерка в газете «Витязь» (1932), создание рериховского отдела при обществе «Витязь» (1933) и доклад о Рерихе на заседании Литературного кружка (1934). Работа Гущика вовлекла в движение молодого Беликова. В третьем параграфе кратко характеризуется биография Беликова до начала публичной деятельности.

1.1. Н. К. Рерих и рериховское движение до 1933 г.

Как деятеля культуры Павла Федоровича Беликова сформировало в 1930-е гг. увлечение философией и участие в том движении за защиту мира и культуры, которое развивалось в довоенной Эстонии под патронажем Н. К. Рериха (1874–1947), юриста, художника, археолога, писателя, мыслителя и путешественника.¹⁰ Разные аспекты деятельности Рериха связывала между собой забота о сохранении мира между народами и спасении культуры, что и привело его к идее Пакта Культуры и организации международного движения в его поддержку. В российский период своей жизни Рерих активно участвовал в проектах по защите и возрождению русской старины и в деятельности благотворительных организаций. Интерес к истории и бережное отношение к культуре прошлого отражались

¹⁰ Судьба Н. К. Рериха была обусловлена тягой к «ренессансной» широте видов деятельности и одновременно — к их гармоничному синтезу. Рерих получил три образования одновременно: он был дипломированным юристом, археологом и художником. Звание художника он получил за картину «Гонец. Восстал род на род» (1897), а итогом изучения права стала дипломная работа «Правовое положение художников в Древней Руси» (1898). Занятия археологией обогатили его пониманием хрупкости любой культуры, а стремление к синтезу, преодолевающему религиозную и национальную разнь, — к религиозно-философским исканиям теософского толка. Вместе с женой, Е. И. Рерих, Н. К. Рерих сформулировал свое понимание идей Е. П. Блаватской, отличное от антропософии Р. Штейнера и получившее название Живая Этика (или Агни Йога). В своей общественной деятельности Рерих не выдвигал свою философию на первый план, но для его идейных сторонников (для П. Ф. Беликова) борьба за гармоничный мир и культуру виделась прямым следствием положений Живой Этики.

и на его творческих проектах. Он участвовал в росписи церквей, работал директором школы Императорского общества поощрения художеств для малоимущих студентов (далее – ИОПХ), с 1910 г. возглавлял художественное объединение «Мир искусства», работал как сценограф («Русские сезоны» в Париже), успешно используя свои исторические и археологические познания.

С 1917 г. Рерих жил в эмиграции, но не «выживал» в изгнании, а использовал максимум пользы из сложившегося положения: в 1921 г. создал в Чикаго (США) международное объединение художников “*Cor Ardens*”, в 1922 г. — международный культурный центр “*Corona Mundi*” («Венец мира»), осуществлявший международное сотрудничество деятелей науки и искусства. В 1925–1929 гг. Рерих был вдохновителем постройки “*Master Building*” — 29-этажного небоскреба на острове Манхэттен (Нью-Йорк). В здании располагалась экспозиция работ Рериха, а также “*Master Institute of United Arts*” (основан в Нью-Йорке в 1921 г.) и гостиница.¹¹ Рерих основал более десятка культурных и образовательных учреждений в различных странах, в том числе Институт Гималайских исследований «Урусвати» в Индии (1929)¹² и Всемирную лигу культуры (начале 30-х гг.).¹³

¹¹ Музей Рериха в Нью-Йорке превратился в штаб-квартиру нового движения. Здесь работали Ф. Грант, З. Г. Лихтман (Фосдик), М. Лихтман и др.

¹² Институт, основанный в долине Кулу (Куллу), располагался в нескольких зданиях и занимался обработкой результатов Центрально-Азиатской экспедиции (1923–1928). Он имел отделы: 1) Археологический (с секциями общей истории, истории культуры народов Азии, истории древнего искусства, лингвистики и филологии); 2) Отдел естественных наук (с секциями ботаники, зоологии, метеорологии и астрономии); 3) Отдел медицины (с биохимической лабораторией, где изучали древне Tibетскую медицину, фармакопею и средства лечения рака). Директором был Ю. Н. Рерих. Его младший брат С. Н. Рерих занимался ботаникой и орнитологией. С институтом сотрудничали индийские ученые и деятели культуры (Ч. В. Раман, Дж. Ч. Бош, Р. Тагор, А. Тагор, А. К. Халдар, С. К. Чаттерджи, Р. Чаттерджи, С. Радхакришнан, С. С. Сарасвати, Т. Синг, Д. Гупта, К.П.П. Тампи, Р.М. Равал и др.). Институт вел переписку с зарубежными коллегами (А. Эйнштейн, Р. Милликан, Л. Бройль, Р. Магоффин, С. Гедин, С. И. Метальников, Ч. Ланман, К. К. Лозина-Лозинский, К. Бюнссон, Э.Д. Меррилл и др.). С. Н. Рерих участвовал в пополнении коллекции Ботанического сада АН СССР семенами редких злаков по просьбе генетика Н. И. Вавилова, с которым С. Н. Рерих переписывался с 1936 г. [НВ: I, 385]. Переписка велась через друзей в Риге [С. Рерих: I, 199, 202–203, 206–207], а семена посылались напрямую.

¹³ П. Ф. Беликов и В. П. Князева писали: «Он не мог бездействовать. Если появлялась малейшая возможность, сулившая хоть какой-нибудь успех, то Рерих обязательно должен был ею воспользоваться. Николай Константинович писал о Лиге Культуры: “В слове лига выражены общественность, объединение <...> ибо правда одна, красота одна и знание одно, <...> служение свету, утонченное и возвышенное сердце – общечеловечны”» [Беликов* 1972: 151–152].

Бурная созидательная деятельность Рериха покоилась на солидном юридическом фундаменте и семейных традициях. Николай Рерих был потомственным юристом, сыном петербургского нотариуса К. Ф. Рериха, известного своей общественной деятельностью:

Отец будущего художника был известен как опытный юрист и прогрессивный общественный деятель. Константин Федорович принимал участие в подготовке реформы по освобождению крестьян, состоял членом Вольно-экономического общества и Сельскохозяйственного клуба, был инициатором петербургского Общества им. Тараса Шевченко. [Там же: 12]

В 1898 г. Николай Рерих закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета под руководством проф. Федора Федоровича Мартенса (Friedrich Fromhold Martens, 1845–1909), российского юриста-международника эстонского происхождения¹⁴. Через год после защиты диплома он впервые заговорил о необходимости защиты памятников археологии. Для реализации этой цели он три года (1900–1903) трудился над созданием «Археологической карты Санкт-Петербургской губернии» и серии этюдов памятников древнерусского зодчества (1903–1904), по которым позднее некоторые церкви были восстановлены. Первая мысль о международном договоре по охране культурных памятников всех стран возникла у Рериха в начале Русско-японской войны (1904).

В 1910 г. Рерих входит в Совет Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины, в комиссии по сохранению памятников Санкт-Петербургской губернии и по реставрации Ферапонтова монастыря. С началом Первой мировой войны (1914), еще до разрушения Лувена и Реймса, Рерих обратился с призывом об охране памятников культуры к верховному командованию русских армий, а затем (в сентябре 1914 г.) – вместе с коллективом возглавляемой им Рисовальной школы ИОПХ – к представителям Франции и США. В 1915 г. он становится соучредителем Общества возрождения художественной Руси и делает доклад Императору Николаю II и Великому князю Николаю Николаевичу (младшему) с призывом принять серьезные государственные меры по всенародной охране культурных сокровищ, рассмотреть возможность законодательного утверждения Положения об охране исторических памятников в России.

Когда в 1920-е гг. стало нарастать ощущение, что войны еще не кончились, и культуре по-прежнему грозит опасность уничтожения, Рерих вплотную занялся проектом

¹⁴ Мартенс был автором фундаментального труда «Современное международное право цивилизованных народов» (1882), вице-президентом Европейского института международного права (1885) и одним из организаторов Гаагских мирных конференций (1899, 1907), членом «Постоянной палаты третейского суда» в Гааге – старейшей организации по разрешению международных споров. Ему посвящен роман Яана Крооса «Professor Martensi ärasõit» («Уход профессора Мартенса», 1984).

международного пакта по защите культуры сразу по завершении Центрально-азиатской экспедиции (1923–1928). Он стал инициатором и разработчиком Рах Cultura – международного «Договора об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников» — первого международного договора, установивший преимущество защиты культурных ценностей перед военной необходимостью.

К этой работе Рерих привлек другого ученика профессора Мартенса, своего двоюродного брата Михаила Александровича Таубе (1869–1961).¹⁵ Под руководством Таубе служил юрист-международник доктор Георгий Гаврилович Шклявер (1897–1970), который в 1928 г. вместе с членом международного Гаагского суда профессором Альбертом Жоффром де ла Праделем (1871–1955) разработали юридическую форму основного документа Пакта в соответствии с нормами международного права. В 1929 г. Николай Рерих обратился к государственным и культурным деятелям всех стран с призывом неотложно обсудить вопрос охраны культурных памятников и рассмотреть разработанный во Франции проект. Тогда же Департамент Международного права Парижского Университета номинировал его на Нобелевскую премию Мира.¹⁶

Для распространения идей Пакта были созданы Комитеты во Франции, в Бельгии, в Индии и в США. Началось стремительное распространение обществ в поддержку Пакта по всему миру. В 1930 г. проект Пакта (как международного договора по охране художественных и научных учреждений, миссий и коллекций) с обращением Н. К. Рериха публикуется в прессе и рассылается в правительственные, научные, художественные и образовательные учреждения всего мира [Знамя Мира: 25-27], включая Комитет по делам музеев в Лиге Наций, который, дав одобрение, передал его на рассмотрение Международной комиссии интеллектуального сотрудничества. В 1931 г. член Королевской Комиссии по охране памятников Бельгии Камилл Тюльпинк (1861–1946) предложил сделать Брюгге центром для распространения идеи Пакта Мира и основал Международный Союз Пакта Рериха. В 1931–1932 гг. в Брюгге были проведены две международные конференции (Peace Pact Conference in Bruges), в которой приняли

¹⁵ В 1903 г. Таубе сменил Мартенса на кафедре в Петербургском университете, в 1909 г. стал представителем России в Постоянной палате Международного третейского суда в Гааге. С 1917 г. оказался, как и Рерих, в эмиграции: работал в Финляндии, Швеции, Германии, Бельгии и Франции (Парижский университет, Европейский центр Фонда Карнеги за международный мир). 20 сентября 1933 г. Рерих писал Таубе: «<...> благодарю Вас за Вашу прекрасную книгу о Международном Арбитраже. Она полна ценнейших фактов и читается увлекательно. <...> Ваши книги именно отличаются этим качеством, которое <...> не всегда было выражено в трудах Мартенса» [Знамя мира: 254].

¹⁶ Конкурентами Рериха были политики из США, Великобритании и Франции. Победил американец Фрэнк Келлог-Бриан.

участие 22 страны.¹⁷ Конференции сопровождалась фотовыставкой архитектурных памятников, подлежащих охране (6000 фотографий). Вторая конференция постановила войти в сношения с различными государствами в целях признания Пакта как международного документа. Третья проводилась в Вашингтоне в ноябре 1933 г. и была поддержана 35 странами.

С момента первой конференции начались и первые контакты рериховских организаций с Эстонией. Первопроходцем с эстонской стороны следует признать эстонского дипломата Каарела Роберта Пуста (1883–1964), который заинтересовался рериховским движением после проведения в Брюгге первой конференции (13–15 сентября 1931 г.). Он нанес визит профессору Г. Г. Шкляверу и высоко оценил деятельность Парижского комитета Пакта. Рерих откликнулся на этот визит благодарственным письмом на английском языке¹⁸ и предложением сотрудничества (перевод А. А. Сорокиной):

Я всегда вспоминаю с самым теплым чувством мои неоднократные посещения Эстонии¹⁹
<...> В школе, которой я руководил долговременно, было много уроженцев Эстонии, и я всегда тепло вспоминаю об этих бывших моих учениках. <...> наши Культурные Общества уже имеются в 22-х странах, и я не вижу причины, почему такое же Общество не может <...> работать в Эстонии, помогая культурным задачам страны. [ПРС: 8]

¹⁷ Рерих видел в своей организации аналог Красного Креста, который использовал в качестве символа швейцарский флаг (с переменной красного поля на белое и белого креста на красный). Рерих использовал эту основу для своего «Знамени Мира», заменив крест на окружность с тремя вписанными в нее кругами — символом объединения. Соглашаясь с любыми позитивными толкованиями, он подчеркивал важную для него самую связь этого знака с образом христианской Троицы на иконе А. Рублева и даже создал картину «Знак Троицы», на которой композиция Рублева вписана в очертания «Знамени Мира» (см. письмо Рериха к Таубе от 13 февраля 1932 г.).

¹⁸ Индия была британской колонией, и Рерих знал, что его переписка могла просматриваться местными чиновниками. Это создавало неудобства. Например, письма в СССР на почте не принимались. Из опасений, что письма не дойдут (это случалось), Рерихи и в самих письмах избегали упоминаний России (писали «Родина», «Швеция», Москву называли «Стокгольмом» [НВ: I, 117]). Рерих писал на английском, чтобы письмо быстро и наверняка дошло до адресата (Пуста отвечал на французском).

¹⁹ Ср. в следующем письме при получении от Пуста книг об Эстонии: «Среди снежных вершин Гималаев предо мной вновь возникли очертания исторических мест вашей доблестной страны, которые я так часто посещал. Великолепные башни Таллинна, романтические силуэты Нарвы и незабываемые святыни монастыря Петсери, хорошо сохранившиеся благодаря культурному попечительству Эстонии <...> вновь ожили в моем сердце» [ПРС:11].

14 января 1932 г. К. Р. Пуста ответил обещанием найти рериховских учеников, которые могли бы поддержать его начинания,²⁰ приложив к письму свою статью о Европейском Союзе²¹ и книги об Эстонии (перевод с фр. А. А. Фесько):

Я был очень тронут Вашим посланием <...> которое г-н Жорж Шклявер любезно доставил мне, и <...> воспоминаниями, что Вы сохранили об эстонцах и их стране. Я уверен, что мне удастся в Эстонии найти некоторых из Ваших бывших учеников,²² которые могли бы представлять в компетентных органах Эстонское Общество друзей Музея Рериха. [ПРС: 10]

30 марта 1932 г. Рерих поблагодарил Пуста за созвучный его идеям «научный труд о Европейском Союзе» и за обещание содействия:

Наш Генеральный секретарь в Париже сообщил мне, что вы любезно выразили желание помочь в создании Общества Рериха в Эстонии, которое станет одним из значимых среди наших 52-х обществ²³ во всем мире. [ПРС: 11]

На этом переписка с К. Р. Пуста закончилась, но Эстония уже рассматривалась как обязательный участник второй конференции в Брюгге (7–9 августа 1932 г.). В следующем 1933 г. в ходе подготовки к Вашингтонской конференции М. А. Таубе посетил Таллинн и побеседовал с министром Иностранных дел, профессором международного права Тартуского университета, выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета Антсом Пийпом, который, как и К. Р. Пуста, был одним из первых эстонских дипломатов и так же позитивно настроен по отношению к Пакту Рериха. Однако вскоре он ушел с поста министра, и дело вновь забуксовало, хотя ситуация менялась (например, 3 ноября 1933 г. Рерих благодарил Таубе за хорошие новости об Эстонии).²⁴ 16 декабря

²⁰ Действительно, Рерих преподавал многим уроженцам Эстонии, и некоторые из них стали известными художниками и деятелями культуры (Я. Вахтра, Н. Трийк, А. Ууритс и др.) [Пихлак; Мельников].

²¹ Статья «Идея Европейского союза правительствам и Лиге Наций» (1931) на французском языке [Пуста].

²² Среди эстонских художников, действительно, нашлись желающие поддержать рериховские инициативы (А. Янсен, Р. Ниман и др.), но прямые ученики Рериха не были вовлечены в движение, хотя Яан Вахтра тепло вспоминал уроки профессора Рериха уже после войны [Пихлак]. Легче оказалось найти бывших соучеников и коллег (А. Д. Кайгородов, Н. Ф. Роот и К. Ф. Цейдлер), которые, действительно, проявили с Рерихом солидарность (а Роот также выступал с лекциями и опубликовал статью о Рерихе).

²³ В первом письме к Пуста упоминались культурные общества «в 22-х странах», теперь «52 общества во всем мире». Это показывает не только быстрый рост числа обществ, но и появление параллельно действующих кружков. Так, по оценке П. Ф. Беликова, в Эстонии к началу 1938 г. имелось четыре действующих порознь группы, симпатизирующих рериховскому движению [Письма с гор: II, 19–20].

²⁴ В саму Эстонию поступали разнородные сведения о Рерихе, в том числе – подтверждающие опасения художника. 12 октября 1933 г. газета „Postimees“ (№ 239, стр. 5) сообщила о случае вандализма, жертвой

1933 г. VII международной конференции американских государств (Монтевидео) приняла резолюцию, рекомендовавшую правительствам американских государств подписать Пакт.

1.2. В. Е. Гущик и общество «Витязь»

Знакомством с рериховской литературой П. Ф. Беликов был в первую очередь обязан крупнейшему русскому прозаику довоенной Эстонии Владимиру Ефимовичу Гущику (1892–1947), по своей инициативе вступившему с Н. К. Рерихом, а затем с рижским, парижским и нью-йоркскими рериховскими обществами в переписку. Своеобразным манифестом его нового увлечения становится первый и единственный номер газеты «Витязь» (1932), появившейся как печатный орган литературного отдела при одноименном — первоначально спортивном — обществе в Таллинне:

С 1932 года сфера деятельности «Витязя» значительно расширяется <...> В декабре 1932 года оно выпускает один номер литературной газеты «Витязь», в которой наряду с произведениями местных авторов (В. Гущика, В. Никифорова-Волгина, Л. Акса, И. Шефера) был опубликован очерк Н. К. Рериха «Огонь претворяющий». [Исаков 1996: 112]

Этот очерк, представляющий собой фрагмент вскоре опубликованной книги Рериха «Твердыня пламенная» (1933), выполнял роль своеобразного программного текста, задающего литературному отделу «Витязя» высокие культурные задачи. В очерке Рериха упоминались дореволюционные литераторы, цитировались беседы Рериха с А. А. Блоком и ставились проблемы, которые волновали и Рериха, и его младших современников из Эстонии.²⁵ Состав группы был довольно обширен:

В. Гущик, В. Никифоров-Волгин (он вместе с Игорем Северяниным был избран почетным членом отдела), Л. Акс, Б. Свободин, А. Севастьянов, Ю. Иванова, Л. Виснапуу-Игнатьева, молодой О. Гущик и др. Литературный отдел <...> насчитывал примерно 50 человек и в конце 1930-х гг. объединял большинство таллинских <...> писателей. [Исаков 1996: 112]

которого стала в СССР панно Рериха «Покорение Казани» (перевод А. Г. Николаева): «В здании ленинградской Академии художеств начался громкий процесс. <...> уничтожена картина маслом, написанная Рерихом, за которую когда-то заплатили 30 000 рублей. <...> Маслов вынес распоряжение о том, что “полотно <...> студенты могут использовать в своей пролетарской работе”, после чего панно разрезали на 165 кусков» [ПРС: 248].

²⁵ В. Л. Мельников отмечает близость очерка (статьи) Рериха к мотивам соседнего рассказа Гущика: «Статья повествует о духовном кризисе человечества <...> затрагивается широкий круг проблем, вплоть до безработицы. <...> Со статьей в номере соседствует рассказ Гущика “Святочной ночью”, в который вставлены фразы-советы, созвучные мыслям Рериха: “Вперед, ни шагу назад”, “Будь точным, владей собою”, “Держи свое слово”» [Мельников].

С. Г. Исаков писал, что «именно В. Гущик находился в переписке с Н. К. Рерихом и даже пытался организовать при “Витязе” религиозно-философский “Отдел имени проф. Н. К. Рериха в Эстонии”» [Исаков 1996: 112]. Точнее было бы сказать, что Гущик организовал этот отдел, но просуществовал он недолго. На письмо Гущика об открытии этого отдела Н. К. Рерих ответил 24 января 1933 г.:

Сердечно рад был узнать об Учреждении Вами нашего Общества в Ревеле. <...> Если хватает сил начать Журнал — начните. [Архив Г. Рудзите]

В августе 1933 г. Рерих получил официальное сообщение об открытии отдела от председателя правления общества «Витязь» К. Г. Бадендика, о чем известил Таубе:

Из Ревеля получено от председателя общества «Витязь» полковника Б[адендика] официальное извещение об открытии при их Обществе нашего Просветительного Отдела. В их Обществе имеется более 300 членов <...> [Знамя мира: 256]²⁶

В работе своего отдела Гущик опирался на помощь Ф. Д. Лукина (1875–1934), председателя Общества имени Н. К. Рериха в Риге, который ушел из жизни 28 марта 1934 г.²⁷ В то же время в «Витязе» у Гущика возникли трения на почве юдофобии членов правления. Н. К. и Ю. Н. Рерихи находились в экспедиции, и Е. И. Рерих в их отсутствие вела их переписку. 3 апреля 1934 г. она сообщила сыну и мужу:

Получена открытка от Гущика <...> «За картины и книги сердечное спасибо. <...> «Витязь» не идет дальше патриотической организации, не допуская к себе евреев. <...> Не порвал (с «Витязем» — *И.С.*), но если налажу задуманное — порву. [Е. Рерих: II, 51]

Гущик мечтает создать независимое от «Витязя» общество имени Рериха и старается изыскать на это средства у всех рериховских обществ, начиная с нью-йоркского. Он пишет директору Музея Н. Рериха в Нью-Йорке З. Г. Лихтман 23 апреля, 5 мая и, не дождавшись ответа, еще раз в мае 1934 г. В первом письме он представляется и сообщает суть дела:

Наш ревельский отдел на краю преобразования в самостоятельное О-во имени Н. К. <...> мы приобрели ряд нужной литературы <...> Не буду распространяться, какое ошеломляющее и глубокое впечатление произвела эта литература на меня и моих друзей. <...> Много людей, еще не примкнувших к нам <...> ощущают большой голод в нашей

²⁶ Та же информация и в другом письме [Знамя мира: 256].

²⁷ 2 января 1934 г. Гущик писал Ф. Лукину на бланке «Отдела имени профессора Николая Константинов. Рериха в Эстонии при Русском просветительном и спортивном обществе “Витязь”»: «Еще большое спасибо за слова учения, письмо с которыми до сего дня идет по рукам наших друзей. <...> Хотелось бы наладить дела с распространением литературы Н. К. и репродукций с его картин». [ПРС: 15]

литературе. Мои друзья из русских книжных магазинов не раз обращались ко мне с просьбой достать им <...> репродукции с картин Н. К. <...> Карл Иванович Стуре сообщил мне сегодня, что им пересланы <...> в Таллинн книги рижского издания <...> Но ни «Сердца Азии», ни «Чаша Востока» у них нет. <...> посоветовал мне обратиться к г. Шкляверу в Париж и к Вам в Нью-Йорк. <...> Предс. отдела Н. К. в Ревеле Влад. Гущик [ПРС: 17]

5 мая 1934 г. Гущик настойчиво просит материальной субсидии:

Одним из острых вопросов, <...> является вопрос о финансовой субсидии нашей группы <...> если мы до июня достанем 250–300 <...> мы прочно встанем на ноги <...> через 1½–2 месяца мало будет и пятисот. <...> нужны помещения (сейчас они 21 грош, а через 2 месяца на вес золота) и более продуктивная работа не с десятками, а с сотнями лиц, жаждущих и чающих, начиная от профессора и кончая солдатом и студентом. <...> А тут еще лже-пророки <...> рисуют (публично) Николая Константиновича каким-то «модным учителем» <...> берут за лекции бешенные деньги <...> [ПРС: 20]

В третьем письме Гущик предложил найти в Нью-Йорке издателя для ветеринарного атласа С. В. Пунина (1890–1963). На первые письма Лихтман ответила 24 мая 1934 г., что денежно помочь не может, но договорится о доставке книг и репродукций [ПРС: 22–23]. По поводу третьего письма Лихтман обратилась к Е. И. Рерих, которая решила лично представиться Гущику письмом-трактатом от 2 июня 1934 г. [ПРС: 29–41].

В качестве повода она использовала письмо Гущика Рериху от 9 апреля 1934 г., посланное в Нью-Йорк и пересланное в Индию. Как можно понять из ответа, Гущик сообщал о своем уходе из «Витязя». Поводом к разногласиям послужила и антирериховская позиция о. Иоанна, Д. А. Шаховского (возможно, использованная в споре кем-то из членов правления «Витязя» в период турне Шаховского по Эстонии в декабре 1933 г.), а также спор из-за некоего раввина, мечтающего о Лиге Хороших Людей. Писатель сообщал, что ему понравились труды Вивекананды, Рамакришны и книжечка Н. Яровской (Е. И. Рерих) «Знамя Преподобного Сергия Радонежского» (1934). Он сетовал, что не смог издать свою книгу (на которую, видимо, Н. К. Рерих выделил средства) и просил разрешения проставить на ней посвящение художнику, а также – писать копии с репродукций его картин (к чему-то упоминался в письме и рассказ Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон»).

Сообщив писателю, что она ведет переписку Н. К. в его отсутствие, Е. И. Рерих постаралась ответить максимально полно, сообщив по ходу дела, что в трудах Вивекананды и Рамакришны сохранились «великие Основы индусского мирозерцания, Великие Основы Живой Этики», представленные и в учении Е. П. Блаватской. Она

спрашивает, читал ли он книги Живой Этики «Листы Сада Мории», «Сердце», «Мир Огненный» и «Беспредельность»? И готова переслать свою книгу «Основы Буддизма» на английском языке. Советует прочесть «Бхагавад Гиту» в переводе Ю. Балтрушайтиса и цитирует из нее: «Человечество приходит ко Мне разными Путиями, но каким бы путем человек ни приближался ко Мне, на этом пути Я его приветствую, ибо все пути принадлежат Мне» [ПРС: 35]. Этим иллюстрируется мысль о вреде квасного патриотизма и «квасной религии», искажившей Заветы Христа. В религии для Е. Рерих существенна не форма, а «сама идея» (завет Христа «Любите друг друга!», Ин. 13:34). Она не может допустить мысли, что всеблаготворитель Бог мог послать спасение лишь одному народу. Рерих отвергает упреки ее мужу в «интернационализме» и равнодушии к страданиям родины, сообщает о своей причастности к роду М. И. Голенищев-Кутузова (она была его двоюродной праправнучкой) и неприятию юдофобии («Среди наших ближайших сотрудников имеются и евреи»), а также о том, что Н. К. имел «духовным наставником отца Иоанна Кронштадтского» и учредил храм им. Преподобного Сергия в Нью-Йорке. Идею раввина она отождествляет со Всемирной Лигой Культуры и подробно описывает переписку о. Иоанна (Шаховского) с Рерихом, в которой Иоанн, по ее мнению, был посрамлен. Одобряет выход из «Витязя» и надеется, что книга выйдет, и Н. К. не будет против посвящения и копий с репродукций («раз Вы пишете на них, что это копия»), а деньги можно не отдавать («Когда разбогатеете, тогда и вернете»). Важнейшую роль в письме играет проповедь нестяжания:

Поверьте опыту, хотя деньги и нужны, все же самое важное — духовное горение. <...> Из наших Обществ <...> самое успешное — Общество Спинозы, членами которого являются самые бедные <...> они <...> даже выпускают журнал, не требуя никакой субсидии. <...> денежный кризис тяжело отразился на нас <...> нападки начались из-за того, что Н. К. после кризиса в Америке не смог больше помогать так, как он делал это раньше. [ПРС: 38]

В свое письмо Рерих в знак добрых чувств вложила «веточку дерева моруа» (местный вид рододендрона), но в письмах к более доверенным лицам отзывалась о Гущике довольно резко, повторяя характеристику, что он из тех интеллигентов, которые любят творить «на готовом» [Е. Рерих: II, 182, 199]. С ее одобрения З. Г. Лихтман также транслировала Гущику мысль о финансовой самостоятельности обществ, особенно в период кризиса. Гущик продолжал торговаться, просил у Лихтман «хотя бы» 50–60 долларов, и 27 июня 1934 г. Е. И. Рерих уже жалуется мужу и сыну, что «Гущик разошелся и начинает писать в Америку и Ригу, всюду требуя денег» [Е. Рерих: II, 199]. Однако в письме к председателю латвийского общества К. И. Стуре (6 июля 1934 г.) она хочет быть объективной:

<...> кажется, Н. К. немного помогал ему. Положение материальное его трудное <...> Не думаю, чтобы ему удалось наладить группу. Но даже если он просто кому-то даст прочесть книгу Учения <...> и то хорошо. [Е. Рерих: II, 217]

11 августа 1934 г. президент США Ф. Д. Рузвельт уполномочил министра сельского хозяйства Г. Э. Уоллеса подписать Пакт Рериха от имени США, а 2 сентября 1934 г. был создан Комитет Пакта и Знамени Мира в Харбине. Тем временем Гущик объявил о том, что не может продолжать руководство обществом им. Рериха (см. письмо Е. И. Рерих Г. Г. Шкляверу от 30 августа 1934 г.). 13 октября 1934 г. Е. И. Рерих излагала Н. К. и Ю. Н. Рерихам ситуацию в Эстонии с опорой на письмо К. И. Стуре. Согласно этому письму, Рериху, а заодно и Гущику, на тот момент благоволила едва ли не вся семья Пятсов:

Карл Иванович перечисляет твоих друзей. «Президент <...> православный, большой почитатель искусства Н. К., еще больше его брат-художник [Вольдемар Пятс], работавший у Н. К., жена художника [Йоханна Пятс (Вейлер)] – самый близкий друг Президента и тоже ревностная поклонница искусства Н. К. Она обещала всеми мерами поддержать основание местного Общества имени Рериха и устройство выставки репродукций картин Н. К.». <...> также среди друзей нужно считать брата жены Президента, г-на Вейлера, главного аукционера крупнейших органов печати, профессора истории Пиипа, бывшего посланника во Франции Пуста и знакомого жены Президента Таску, затем редактора Ламана; медиков Станкевича и Перля. Центром же и сердцем всего будет г-жа Пятс, жена брата Президента. <...> не нужно ли жене брата Президента послать какие-либо твои книги? <...> о Гушке: тут идет сплошная чеховщина <...> После беседы с Карлом Ивановичем немного успокоился, но все же находит, что «необходимо заменить г-жу Лихтман соответствующим лицом!» <...> Ответ на мое письмо передал Карлу Ивановичу, ибо <...> не имеет денег на марки <...> для начала Общества ему необходимо 1030 крон. <...> Для устройства выставки репродукций с твоих картин, которую он хочет устроить при помощи жены брата Президента и г-на Таску, он требует 170 крон. Карл Иванович вместе с ним уже посетил этих лиц, и они согласились оказать всякую поддержку. Он имеет в распоряжении 42 репродукции, и Карл Иванович думает достать ему еще сорок <...> собирается выставить и свои копии <...> как бы избежать этого. Карл Иванович <...> собирается, видимо, достать ему эту сумму <...> из своего кармана. [Е. Рерих: II, 437–439]

Е. И. Рерих затрагивает и других сочувствующих, упомянутых в письме Стуре:

Посетил Карл Иванович и г-жу Зейдлер (не Цейдлер ли?), заведующую художественной ремесленной школой, сотрудницу Н. К., она как иноподданная может только поддержать Общество <...> В школе он встретил видного деятеля Общества эстонских художников Рейнсдорфа, который заинтересовался Пактом Охранения Культурных ценностей и обещал привлечь на этой почве всю организацию эстонских художников. <...> повидал директора

Департамента художеств, министра народного просвещения г-на Нея, он обещал быть официальным представителем со стороны Правительства по вопросу Пакта и Знамени. <...> Посетил <...> Кайгородовых, которые будто бы глубоко понимают книги Живой Этики <...> супруга Иксуля писала мне <...> о Кайгородовых абсолютно противоположные сведения. <...> По словам Гущика, этот Иксуль основал Общество «Мысли Круг» и применяет Знак Музея. [Е. Рерих: II, 437–438]²⁸

Е. И. Рерих пытается как-то повлиять на Гущика и одновременно не оттолкнуть Йоханну Пятс, которая поддерживает писателя (15 ноября 1934 г.):

Получила копии писем Гущика. <...> И это пишет интеллигентный человек и еще писатель! <...> Не могу сказать, как беспокоит меня задуманная им выставка репродукций с картин Н. К. Я еще могу понять такую выставку при достойной лекции, посвященной искусству и творческой деятельности Н. К. <...> Очень беспокоит меня сотрудничество г-жи Пятс с неуравновешенным г-ном Гущиком. <...> он пользуется очень плохой репутацией среди своих сослуживцев по военному делу. Как было бы прекрасно, если бы образовалась группа без участия г-на Гущика! [Е. Рерих: II, 485]

1 декабря 1934 г. К. И. Стуре сообщил в письме к Е. И. Рерих, что Гущик вновь отказался от планов создания своего рериховского общества. 20 декабря 1934 г. Рерих писала:

Большая тяжесть свалилась с моей души <...> И прекрасно, что, уведомив г-жу Пятс об отказе г-на Гущика, Вы добавили, что «переубедить его не имеется причин». <...> Георгий Гаврилович (Шклявер – И. С.) <...> известил Артура Пеаля о Постановлении Европейского Центра временно не разрешать организации новых групп в Европе <...> это не может касаться группы г-жи Пятс, если таковая состоится <...> имя г-жи Пятс уже является полной гарантией. [Е. Рерих: II, 555]

²⁸ Далее тема выставки развивается в письме Е. И. Рерих к К. И. Стуре от 18 октября 1934 г.: «Теперь о выставке репродукций <...> г-н Гущик собирается тут же выставить свои копии с этих репродукций! <...> я просила бы Вас <...> списаться по этому вопросу с г-жой Пятс, которая, будучи близка искусству, поймет этот крайне деликатный вопрос <...> Может быть, <...> предложить выставку его копий в отдельной комнате и с неременным аншлагом, что это копии <...> и работа г-на Гущика? <...> художественное чутье устроителей, особенно супруг г-жи Пятс, подскажет, как лучше подступить. <...> Не думаете ли Вы, что следовало бы послать г-же Пятс некоторую литературу об искусстве Н. К. или же его книги? <...> можно будет сказать, что именно я против выставки копий <...> Конечно, я рискую, что он потребует от Н. К. развода со мною, ведь настаивает же он на необходимости замены нашей ближайшей сотрудницы г-жи Лихтман за то, что она осмелилась написать ему, что художественный Музей не может издавать ветеринарных атласов! Но что делать, я согласна подвергнуться такому риску» [Е. Рерих: II, 444–447].

Тем временем, в понедельник 3 декабря 1934 г., В. Е. Гущик все же выступил с сообщением о творчестве Рериха на заседании Литературного кружка. С параллельным докладом о М. А. Врубеле выступил председатель кружка Н. Ф. Роот, в прошлом — преподаватель Императорского общества поощрения художеств, директором которого был Н. К. Рерих. 4 декабря 1934 г. о вечере написала газета «Вести дня» (№284, стр. 2) в статье «Вечер, посвященный Н. Рериху и М. Врубелю», подписанной инициалом «М.»:

Вчерашний «понедельник» Литературного кружка был посвящен характеристике личности <...> художника и мыслителя Николая Рериха и <...> Михаила Врубеля <...> О Н. Рерихе говорил Влад. Гущик. Его, как художника, нельзя рассматривать обособленно от мыслителя и писателя. <...> Нью-Йорк воздвиг ему 25-этажный небоскреб, в котором расположено не только собрание его картин (музей им. Н. Рериха), но и сконцентрированы многие научные учреждения и лаборатории <...> 4 основных тезиса Н. Рериха: через культуру — ко всеобщему миру; лишь через синтез религий может быть создан подлинный двигатель культуры; национальность для народа то же, что индивидуальность для отдельного человека; общечеловеческая устремленность ко благу ведет по пути подлинной культуры. <...> Н. Рерих впервые выдвинул мысль о защите культурных ценностей от варварства войны — идею <...> «пакта Рериха». <...> Рерих — борец за то, чтобы искусство стало достоянием <...> широких масс, ибо лишь устремление к красоте может объединить всех людей, невзирая на разные политические, общественные, религиозные и национальные перегородки. <...> Религиозной философии Рериха, связанной с традициями Востока, докладчик не коснулся вовсе, заявив, что тема эта слишком сложна. Н. Роот не дал собственной характеристики Мих. Врубеля, ограничившись лишь прочтением текстов <...> различных авторов. [ПРС: 13]

К. И. Стуре, побывавший на заседании, поделился с Е. И. Рерих впечатлениями 5 декабря 1934 г. 5 января 1935 г. Елена Рерих известила мужа, что Гущик читал о нем лекцию с демонстрацией репродукций, придерживаясь книги «Рерих. Фрагменты биографии» Жана Дювернуа (Эстер Лихтман), изданной в Риге в 1932 г. Рерих процитировала Стуре:

<...> я будто нарочно приехал на это чтение и в конце дополнил несколько лектора. Несколько слов об искусстве Н. К. сказал и художник Роот и просил передать Н. К. свой поклон. <...> Кайгородов от предложенного ему слова отказался ввиду неподготовленности и глубины темы. Заинтересовались культурным творчеством и водительством Н. К. несколько молодых литераторов и просили адрес. Н. К. Кайгородов — антропософ, но я не заметил в нем <...> яда, о котором говорит чета Иксуль (поэтесса-мистик Н. П. Рудникова и ее муж А. В. Иксуль, — *И. С.*). Гущик признался в своей недопустимой циничности, но допущен в число учредителей Общества Рериха не будет, ибо он не в силах владеть своими эмоциями. [Е. Рерих: III, 18]

Ссылаясь на данные писем Стуре от 5 и 12 декабря 1934 г., Е. И. Рерих писала старшему сыну и мужу 5 января 1935 г.:

Присоединение трех Прибалтийских стран положит начало в Европе. <...> Карл Иванович Стуре явился <...> большим подспорьем по продвижению Пакта в Прибалтийских государствах. <...> по распоряжению Министерства Иностранных Дел заведующий делами Лиги Наций г-н Палло и директор политического Департамента г-н Мюллерсон заявили, что Эстония постановила ратифицировать Пакт <...> Карл Иванович получил официальное извещение из Министерства Иностранных Дел в Латвии, что все три страны <...> изъявили согласие на ратификацию <...> Карл Иванович сообщает, что организовать Общество имени Рериха в Таллинне взялись г-жа Пятс и супруг ее, брат Президента, и также художник Таска. [Е. Рерих: III, 15–19]

Глава 2.

Литературные кружки и переписка с Галиной Маховой (1934–1936)

Беликов вошел в культурную жизнь Эстонии в год рериховского триумфа. В 1935 г. Пакт Рериха был подписан в Вашингтоне большинством американских государств. Имя Рериха находилось в зените славы, и не удивительно, что оно появляется в первом же письме к Галине Маховой 1935 г. (в общем ряду это – это письмо №2; мы будем их нумеровать для удобства ссылок). Но к этому он пришел не сразу.

2.1. Павел Беликов до 1934 г.

Возможно, что о вечере, посвященном искусству Рериха и Врубеля, знал и молодой П. Ф. Беликов (но впервые он попал в Литературный кружок уже с собственным докладом). В конце той же недели (в субботу 8 декабря) он мог побывать на другом мероприятии с участием Гущика и Рюта — на вечере общества «Витязь» с «Живой газетой» и танцами, о которых объявили «Вести дня» (№ 286, 6 декабря 1934, стр. 2), анонсировав также участие Л. Акса, Г. Александрова, Д. Гизетти, Ю. Ивановой, В. Кяра, А. Севастьянова, Т. Троцевской и Л. Эберга [Хроника]. Совсем скоро к участию в подобных мероприятиях присоединится и Беликов.

Будучи уроженцем Эстонии, он ни разу лично с Н. К. Рерихом не встречался, хотя Рерих бывал в Эстонии, а Беликов — в Петербурге (Ленинграде). Первую же дальнюю поездку из родового поместья «Извара» пятилетний Рерих совершил именно в эстонский Гапсаль (Хаапсалу), познакомившись по пути и с Нарвой, и с Ревелем. Ему запомнилась и старинная архитектура, и связанные с ней легенды. Студентом он бывал здесь на раскопках, в 1910 г. провел лето в Гапсале, работая над картинами, эскизами костюмов и декораций к балету «Весна Священная», а также над эскизами росписей церкви в селе Талашкино княгини М. К. Тенишевой. В Эстонии жили родственники Рериха и его жены.²⁹ В 30-е гг. Рерихи переписывались с жившим в Печорах агрономом Я. М. Шаховским, кузеном Е. И. Рерих (связь восстановилась в 1938 г. благодаря П. Беликову).

²⁹ Двоюродная сестра Рериха Мария Александровна Рерих вышла замуж за выдающегося ботаника, позднее академика Н. И. Кузнецова, многолетнего профессора Юрьевского университета (1895–1915), одного из пионеров в области охраны природы России. Н. И. Вавилов еще студентом писал проф. Н. И. Кузнецову в Юрьев (Тарту), чтобы поздравить его с 25-летием научной деятельности [Кузнецов 100: 20]. Позднее Вавилов будет переписываться со Святославом Рерихом, руководителем отдела ботаники в Институте гималайских исследований «Урусвати».

Беликов родился в Нарве, в культурном пограничье, и несколько лет его жизнь также была связана с Ленинградом, где всегда имелись большие общины эстонцев и финнов, к которым Беликов принадлежал по линии матери. В годы войны и революции семья оказалась разделена, но отец семейства, Федор Александрович Беликов, уроженец Великолукского уезда Псковской губернии, предпочел остаться в Нарве, где он жил, начиная с двенадцати лет, и где позднее он стал довольно крупным коммерсантом. Мать, уроженка Нарвы Мария Матвеевна Беликова (в девичестве Аатонен) в 1918 г. оптировалась к мужу в Эстонию, но через семь лет отправилась с сыном Ленинград. С матерью и ее братьями Беликов провел в Ленинграде три года в возрасте 14–17 лет (1925–1928). О том, что этому предшествовало, он вспоминал в письме к будущей жене, Галине Васильевне Маховой (1910–2002) от 3 марта 1936 г.:

Помню, как мы жили еще в Нарве на Сенной площади, мне тогда было всего около трех лет <...> вспоминаю Кавказ. Помню парк в Эссентуках, крупные душистые розы <...> острые вершины Эльбруса. <...> Я не верил, что до их подножия несколько дней пути <...> с Шуриком мы отправились из гостиницы на... Эльбрус. К вечеру нас нашли за городом <...> Когда мы переехали в Кисловодск, который расположен у самого подножия Машука, у меня появилось к горам чувство уважения <...> кажется, что верхушка висит в воздухе <...> свалится и раздавит <...> Помню грозу <...> зажгли лампу, когда же вспыхивала молния, казалось, будто лампу тушило <...> в горах такие раскаты раздавались, будто сами они на мелкие части трескались. <...> Запомнились еще несколько ущелий, поездка в замок «Коварства и любви», грот в Машуке с серным озером, Лермонтовский грот, откуда замечательный вид, прямо дух захватывает <...> После Кавказа опять Нарва. В то время я отличался большой любознательностью. Мне надо было знать, <...> из чего делают стекло, бумагу, спички и т.д. <...> некоторые явления считал нецелесообразными. Например, советовал в торговле все товары продавать по одной цене, чтобы легче было считать, и был огорчен тем, что мое предложение не принималось. Потом опять путешествие. Волга <...> Большие пароходы, белые, как лебеди, шумные пристани и целые стаи чаек. <...> Немного помню Нижний Новгород и хорошо – Саратов, там мы жили больше года, пережили революцию, восстание анархистов, стрельбу, пожары. Потом в товарном вагоне ехали до Петрограда. В России начинался голод. В Петрограде с мешочками приходили к вагонам люди, чтобы выпросить чего-нибудь съедобного. Потом жили в Ямбурге³⁰. В Эстонии были немцы, и сразу в Нарву было не попасть. Потом опять Нарва. Война с красными, обстрелы. Бегство отца. Лазарет у нас на квартире, и отъезд в Ревель. После заключения мира – обратно в Нарву. Зимой – школа. Летом – Гунгербург и

³⁰ С 1922 г. – Кингисепп (Ленинградская обл.).

Гапсаль³¹. К 23-му году от прежнего отцовского состояния почти ничего не осталось, он пошел служить в <...> «Нарва Импорт» и попал в Сыренец. <...> за ним поехал и я. Около года, кажется, жил в Сыренеце, и затем опять Россия. [НВ: II, 82–84]

Ленинградский эпизод своего отрочества Беликов объяснял запоздалой попыткой его отца воспользоваться преимуществами НЭПа. В 1925 г. мать выехала к братьям в Ленинград, ожидая, что приедет и отец:

Отец тоже собирался переехать, так как имел коммерческие дела с Поволжьем и <...> рассчитывал на НЭП (новую экономическую политику, разрешившую частное предпринимательство), предполагая возобновить деятельность в России. [НВ: I, 11]

В Ленинград отец так и не приехал. Вспоминая Ленинград, Беликов называет его Петроградом, а воспринимает скорее даже Санкт-Петербургом, поскольку начинает с цитаты из «Медного всадника» А. С. Пушкина, а затем продолжает стихотворением из книги Н. Я. Агнивцева «Блистательный Санкт-Петербург» (Берлин, 1923):

Петроград. Люблю его вспоминать, его «оград узор чугунный, Неву, одетую в гранит, дворцы, Адмиралтейскую иглу» и т.д. Нельзя Петроград не любить, прожив в нем, как я, около трех лет. Коренные жители Петрограда не могут себе представить, как можно жить где-либо вне его. <...> Знаете стих Агнивцева:

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось,
Весь день без слов, всю ночь без сна, —
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек Лапшина. <...>
Последним отблеском привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне всего вот эта
Коробка спичек Лапшина.

Каждый город имеет свое лицо. И, может быть, ярче всего это свое лицо выражено у Петрограда. Если петербуржец живет в <...> маленьких городах, он вспоминает грандиозность своего Петрограда, если он живет в гигантских городах Западной Европы или Америки, то вспоминает своего «гранитного барина», с которым не в состоянии спорить в величии многочисленные небоскребы. Величие выражается не только величиной, но и спокойными, плавными линиями архитектуры <...> Петроград выдержан, донельзя выдержан, в своем особом Петроградском стиле <...> Ни революция, ни красные флаги и платочки, ни демонстрации стотысячной рабочей толпы не могут сгладить черт «гранитного барина». Его «голубую кровь» не испортит никаким мезальянсом. Мне

³¹ Морские курорты, теперь – Нарва-Йыэсуу (Усть-Нарва) и Хаапсалу.

хотелось бы еще побывать в Петрограде. Очень многим я ему обязан. Его дворцы, его музеи, театры, опера открыли мне красоту искусства. [НВ: II, 84–85]

В 1928 г., когда Павел закончил 51 Советскую Единую трудовую школу II ступени (курс гимназии), мать решила вернуться в Эстонию: «Исхлопотав разрешение, в конце 1928 года возвратились» [НВ: I, 11]. В 1936 г. Беликов описал этот момент лирично: «Потом опять Сыренец, который научил меня любить природу» [НВ: II, 85]. Но наслаждаться природой пришлось недолго:

До 1930 года жил с родителями в Васькнарве, помогал отцу по его торговой деятельности. С 1931 по 1932 год проходил обязательную военную службу в эстонской армии в Раквере и в Нарве. <...> около года прожил в Васькнарве, а затем переехал на жительство в Таллинн. В Таллинне учился на Высших коммерческих курсах, однако кризисное время и безработица долгое время не давали возможности поступить на работу по специальности. Несколько лет работал на ткацкой фабрике «Ээсти Сийд». [НВ: I, 11–12]

Этот период связан с переживаниями разлуки, отразившимися в двух стихотворениях Беликова 1933–1934 гг. Не исключено, что они обращены к его будущей жене (с 1938 г.), о которой в автобиографии сказано:

Жена — Галина Васильевна Беликова, урожденная Махова, родилась в 1910 году в Васькнарве. С женой познакомился еще там в 1929 году. В 1935 году жена окончила Тартуский университет по факультету сельского хозяйства (агрономия). Желая перейти на педагогическую деятельность, поступила дополнительно в Таллиннский педагогический институт и окончила его в 1937 году. [НВ: I, 11–12]

Но у молодого Павла Беликова, наверное, могли быть и другие увлечения. Он как будто впервые признается Маховой, что пишет стихи только в декабре 1935 г. [НВ: II, 68]. Так или иначе, в 1933 г. он пишет стихотворение «От пылающей светом нездешней любви...», которое своим акцентным стихом, грубоватой фразеологией и тематикой указывает на знакомство автора с «Облаком в штанах» В. В. Маяковского³²:

От пылающей светом нездешней любви
Лишь копоть осталась свечного огарка

³² Позднее в письме к О. С. Василенко от 21 июня 1976 г. он будет высоко отзываться о Маяковском как «незаурядной глашатае большой человеческой Правды», сравнивая его с Г. Р. Державиным: «...любая “мелочь” преображалась в их руках и мерилась уже иными масштабами. <...> Где-то этими гранями в моем сознании Рерих и Маяковский соприкасаются. Я не знаю — были ли у них контакты, но <...> Асеев еще в 1918 году, когда пронесся слух о смерти Н. К. Р. в Сибири, посвятил Рериху замечательное <...> стихотворение...» [НВ: III, 82]. Имеется в виду стихотворение Н. Н. Асеева «Тому, кто шел на безымянный берег...» (14 октября 1918 г.).

Что ж, если тебе от этого не холодно,
То и мне особенно не жарко.
Я не имею привычки страдать,
Намекать на прошлое, задавать вопросы,
Над страстью минувшей сильнее грустить,
Чем над пеплом потухшей моей папиросы.
Не разгаданных тайн не оставила ты,
Одного лишь понять не могу — расставания,
Так хотелось презрительно бросить — прощай,
А зачем-то сказал — до свидания. [Архив П. Ф. Беликова]

4 сентября 1934 г. уже обычным вольным ямбом (скорее в духе С. А. Есенина, которому Беликов позднее посвятит стихи [НВ: I, 204]) было написано стихотворение «Любимой мечте». Сохранился его черновой текст, в котором поэт ведет воображаемый диалог с «призраками былого», которые высвобождаются из-под легкой «могильной плиты», несмотря на охлаждающие порывы «трезвой осени», развеивающей «весенние мечтанья»:

Легка могильная плита воспоминаний,
Лишь трезвой осени порывы разнесут
Сезонные весенние мечтанья —
Мечта минувшего уж тут.
Что вы хотите призраки былого?
Что дать, способны, или получить?
Мечта, к которой маните, не нова,
Без вас ее мне не забыть.
Но та любимая мечта сейчас бесплотна,
Она мираж глухих пустынь,
А жертвовать теням, как прежде – безотчетно,
Дерзаю я не находить причин.

В последних строфах (содержащих следы правки и, по-видимому, не окончательных) поэт призывает мечту смириться с тем, что он намерен ее оставить, ведь это — не месть за ее собственную измену, а неотвратимая логика жизни:

Я не кричал, когда ты изменяла,
Сумей же промолчать, коль изменяю я.
Прощал твои ошибки с изначала
И буду ждать прощенья для себя.

Не мстить тебе, поверь, желаю,
Твоих былых даров не счесть,
А если я с тобой теперь в грязи мараюсь,
Так это – жизнь, мечта, не месть. [Архив П. Ф. Беликова]

Измена мечте не обязательно подразумевает любовную измену. Возможно, речь идет о каких-то иных рухнувших надеждах. Симптоматично, однако, что датировка совпадает с первой неделей учебного года, когда Галина Махова должна была приступить к учебе на последнем курсе по своей специальности. Уже через два с половиной месяца (18 ноября 1934 г.) у Беликова завяжется с нею переписка на философские темы.

Известно, что в условиях кризиса торговое дело отца Беликова терпело убытки, и здоровье его было подорвано. Уже в 1935 г. он умер в Таллинне, а вскоре, в 1938 г., за ним последовала и мать. Чтобы поддержать семью, Беликову пришлось стать ткачом на текстильной фабрике *Eesti Siid*“ (эст. эстонский шелк), где он проработал до 1938 г., пока не устроился в книготорговую фирму „Töökool“ с помощью своего друга Бориса Христиановича Тагго (поэт Борис Новосадов), который переехал в Таллинн в 1935 г. Возможно, с Новосадовым Беликова познакомил другой член «Ревельского цеха поэтов», Карл Гершельман, который с 1934 г. трудился рисовальщиком на той же фабрике Лапшина (J. Lapshin). Производство было вредным, и Гершельман приобрел здесь тяжелую форму астмы, а у Беликова прогрессировал туберкулез. Позднее Гершельман станет автором обложки второй книги Новосадова «По следам бездомных Аонид» (1938) и будет, как и Беликов, хранить у себя антифашистскую лирику Новосадова военных лет [Исаков 2005].

В автобиографии Беликов писал, что «с юношеских лет интересовался и много занимался литературой, философией, искусством. В Таллинне принимал деятельное участие в Русском Литературном Кружке» [НВ: I, 12], но с какого момента началось это участие, точно датировать невозможно: в газетах его имя появляется не ранее 1935 г., хотя «деятельному участию», наверняка, предшествовал более пассивный этап, тем более, что, как мы увидим далее, Беликов вообще был больше склонен к созерцательной позиции, а не к активному самовыражению. Его основной страстью была философия.

Осенью 1933 г. «на чистом листе бумаги» Беликов записал важнейшее для себя открытие: «Путь парадокса – путь истины». Начались поиски «подтверждения этому исходному пункту» [НВ: II, 12]. Беликов хорошо знал западную философию, но знакомство с трудами Д. С. Мережковского и теософской литературой постепенно привели его к увлечению восточной философией (возможно, и через посредничество А. Шопенгауэра и Ф. Ницше). Шумиха вокруг имени Н. К. Рериха также не могла пройти

мимо него, и очевидно, что уже в 1934 г. Беликов знал от Гущика о книгах «Живой Этики» и даже мог читать полученные им от Рерихов письма.

Мысль Гущика о том, что тема «религиозной философии Рериха, связанной с традициями Востока <...> слишком сложна» не останавливала его, а побуждала к азартному поиску решения интересной задачи. 18 ноября 1934 г. он приступил к изложению результатов своих поисков в письмах к Галине Маховой. Далее в течении полутора лет Беликов будет посылать Г. В. Маховой как бы параграфы ненаписанной книги, проясняющей его понимание Живой Этики. Эта адаптация, несомненно, звучала и на литературно-философских собраниях, в которых Беликов принимал участие, что придает им дополнительную историческую ценность.

2.2. Письма 1934/1935 учебного года № 1–8

К настоящему моменту известны (с сокращениями) 27 писем Беликова к Маховой [НВ: I, 11–94; ПРС: 68]. Из них одно относится к 1934 г., шестнадцать³³ – к 1935 г. и десять – к 1936 г. Очевидно, что некоторые более ранние письма не попали в этот корпус, а в 1936 г. надобность в них отпала из-за переезда Маховой в Таллинн и ее поступления в Педагогиум.

Первое письмо Беликова (18 ноября 1934 г.) сразу вводит нас в дискуссию о смысле жизни и путях обретения счастья. Галина жаждет действия, Павел – познания, но эти пути взаимосвязаны:

Вы пишете: быть наблюдателем – мало счастья. Спорный вопрос! <...> кто счастливее, актер ли, который создает роль на сцене <...> или зритель, который видит пьесу целиком <...>? «Мы живем всего один раз» <...> но как правильное использовать этот «один раз»? <...> стараться ли вникнуть в смысл понятий, чувств и дел человечества, разыгрывающего грандиозную <...> пьесу, или «радоваться дню своему и делать дело свое», дело, до которого нам после смерти не будет никакого дела и которое потомству нашему нужно будет <...> не больше, чем облаку штаны?³⁴ <...> необходимы и актеры, и зрители. Актер не будет играть при пустом зале, зритель не будет смотреть на пустую сцену. [НВ: I, 11]

Беликова занимает мысль о посмертном существовании и телеологической осмысленности истории. Сравнение жизненного пути человека с игрой на подмостках —

³³ Опубликованное отдельно письмо от 5 ноября 1935 г. является, вероятно, частью другого письма, датированного тем же числом (обе публикации были с купюрами). Письмо от 28 и 30 февраля имеет две даты, поскольку писалось с перерывом, что отражено в разделе «Содержание» подготовленного нами издания [НВ: I, 442], но это одно, а не два письма.

³⁴ Ироническая реминисценция поэмы В. В. Маяковского «Облака в штанах». В контексте письма Маяковский подразумевается в качестве поэта злободневности, антагониста созерцательной позиции.

популярная в искусстве и философии метафора (ср. монолог У. Шекспира «Весь мир – театр...»). Ее следы находят у Пифагора, Сенеки и Марка Аврелия («Размышления»):

«Но я же сыграл не все пять частей, три только». <...> значит в твоей жизни всего три действия. <...> уходи же кротко, ведь и тот, кто тебя отзывает, кроток. [Марк Аврелий: 70]

Неудивительно, что Беликов излагает свою основную философскую интуицию, ссылаясь на Гераклита и Д. С. Мережковского (вероятно, на книгу «Иисус Неизвестный»):

Год тому назад я написал на чистом листе бумаги: «Путь парадокса – путь истины» <...> философски объяснил эту истину эллинский философ Гераклит, <...> Сейчас ею оперирует Мережковский. <...> Мне приходится брать те же данные <...> но там, где он этими данными произносит обвинения, я оправдываю <...> где он сыпет проклятьями, я раздражаюсь смехом. [НВ: II, 12]

Беликов пообещал полнее изложить свои взгляды и вернулся к теме через два месяца.

Среди всех писем к Маховой письмо от 20 января 1935 г. стоит особняком, выделяясь своей рекордной величиной (оно занимает ок. 12% от общего объема, а не 3,7%, что было бы при равномерном делении написанного). По сути дела, это — небольшой философский трактат, над которым Беликов, возможно, трудился все эти два месяца, что прошли с момента его последнего письма. Гераклит и Мережковский по-прежнему не забыты, но появляется и новая пара — Гомер и Л. Н. Толстой.

Открывает письмо фрагмент Гераклита (фр. 56), в котором критикуются заблуждения Гомера как мудрейшего из людей в отношении «видимого и невидимого». Современным аналогом Гомера оказывается Л. Н. Толстой:

Вы <...> отложили в сторону Толстого, так и не доставайте его больше. Толстой <...> гениальный романист, но никуда не годный философ, и тем более в религиозном вопросе. [НВ: II, 13]

Впрочем, Беликов сразу себя поправляет, поскольку разделяет рериховскую установку на синтез и стремится всем, включая Льва Толстого, найти место на лестнице познания:

Все религии <...> начальная школа, Толстой для нас прекрасный учитель религии. Почти все богословские факультеты <...> не поднялись выше уровня гимназий. Их продукт — теософия <...> надгробный памятник как для религии, так и для философии <...> она также приносит пользу <...> учит искренности, воспитывает жажду знания <...> Знание не должно ничего выбрасывать, а [должно] все совмещать и всегда оперировать всеми своими накоплениями. [Там же]

Беликов суров не только к Толстому, но и к самому себе:

Я сам еще маленький ученик <...> мне бесконечно много надо учиться <...> это меня нисколько не отпугивает <...> В одной из своих работ <...> у меня написано: «Кто знает, что лучше — обладание ли возможным или стремление к невозможному?» [НВ: II, 14]

Своим ориентиром Беликов избрал Николая Рериха («большой художник, ученый и философ»), который в книге «Листы сада Мории» (ч. II. «Озарение», 1925) сказал: «Бога надо доказать наукой, лабораторным путем» [НВ: II, 14]. Этот неогностический по своему характеру тезис максимально ясно формулирует основную задачу теософии, антропософии и других учений, пытающихся преодолеть пропасть между научным и религиозным познанием. Беликов уверен, что сотрудники Рериха преуспели в этом больше других (отметим, что он повторяет тезисы доклада Гущика):

В Нью-Йорке есть Музей имени Рериха, при нем имеются научные лаборатории <...> По всему свету разбросаны общества имени Рериха <...> Сам Рерих сейчас живет в Азии, в Гималаях, там находится его Институт. [НВ: II, 14]

Беликов не настолько наивен, чтобы не понимать разницы между научной работой (к которой Рерихи, действительно, привлекали серьезных ученых) и религиозной интерпретацией ее результатов. Он уверен, что научные результаты рериховских лабораторий получают дальнейшую интерпретацию в рамках древней науки о Боге:

Но наука и лаборатории, в которых хотят доказать Бога, <...> не та наука, которая признала за математикой, техникой, физиологией последнее слово, для этой науки Бог остается Богом, <...> она была в древней Индии, Египте, Вавилоне <...> Атлантиде <...> [НВ: II, 14–15]

Чтобы воспринять эту науку, надо научиться замечать факты, выбивающиеся из привычной картины мира. Когда накопятся вопросы, придет и объяснение, найдется и учитель:

В индийских священных книгах записано: «Если захочешь учиться, Учитель придет!» <...> это правда <...> я имею возможность получать сведения почти из первых рук, меня знакомят с письмами самого Рериха, а он только с 2–3 лицами в Эстонии переписывается. [НВ: I, 15]

Можно не сомневаться, что с письмами Рериха Беликова знакомил В. Е. Гущик. Беликов указывает на те удивительные факты, с которыми обычная наука не справляется: способность к левитации «тибетских посвященных», сияние вокруг голов святых на иконах, электричество, противоположными силами которого «слепо» «пользуются и ученые, и оккультисты», то есть спириты. В своем неприятии термина «оккультизм» и

спиритизма как низкой формы оккультизма Беликов следует Е. П. Блаватской и Е. И. Рерих [Богомолов: 7, 293–294]:

Конечно, на 50%, если не больше, оккультизм или спиритизм — шарлатанство. Но есть и истинный оккультизм, только он <...> хуже шарлатанства. Посредством силы, заключенной в нас, мы можем вызывать духов (<...> флюидов — это научный термин). [НВ: I, 16]

«Флюиды» в этом значении — это низменные формы духов, способных лишь на мелкое хулиганство (битая посуда, опрокинутые стулья и т. п.). Беликов ссылается на свидетельство «знаменитого в свое время петроградского оккультиста», то есть спирита:

Сволочей я вызываю, и сволочи ко мне являются, та мразь и дрянь, которая на сажень от земли подняться не может, а вызвать истинные силы спирит не в состоянии. [Там же]

Упомянутая древняя наука, по Беликову, была одновременно и древнейшей истинной религией, фрагменты которой сохранились в современных религиях, а корни уходят в эпоху Атлантиды и еще более древней Лемурии. Для пояснения мысли о расколотом единстве древней религии Беликов использует распространенный в разных религиях символ Троицы. По мнению Беликова, Троица изначально имела женскую составляющую, которая должна быть представлена Св. Духом, аналогом Великой Матери индусов (говоря о ней, Беликов цитирует индусскую молитву, приведенную в книге Рериха «Твердыня пламенная»):

Троица есть — Отец, Мать и Сын <...> Христианское толкование Троицы произошло от следующей ошибки: на древнееврейском языке Дух называется — Rauch, и это имя женского рода, в переводе на греческий имя это получило средний род. [НВ: II, 16]

Распавшиеся религии следует воссоединить:

Правильно поставленное изучение всех религий приводит к синтезу. <...> Христианство, Буддизм, Магометанство, учение Конфуция и др., можно привести к одной религии <...> ничего не надо из отдельной религии выбрасывать <...> «Все дороги тебя приведут ко Мне — записано в браминских книгах...» [НВ: II, 17]

Как мы помним, эту мысль приводила и Е. И. Рерих в первом своем письме к Гущику. Ссылаясь на Евангелие от Матфея (Мф. 5:9–10), Беликов раскрывает перед невестой и возможность более широкого толкования понятия «Сын Божий»:

Христос — Сын Божий, <...> но и Кришна, и Будда, и Конфуций, и Магомет тоже <...> «Блаженны изгнанные правды ради, ибо Сынами Божьими нарекутся». [НВ: II, 18]

Беликов объясняет, наконец, свое двойственное отношение к Мережковскому.³⁵ Мережковский собирает нужные источники³⁶ (например, апокрифы в «Ииусусе Неизвестном»), но неправильно их объясняет, потому что он «мистик», то есть в понимании Беликова не рационалист, а интуитивист:

Мережковский — большой писатель, <...> но <...> мистик. А мистика <...> опьянение. Мистик не может «доказать Бога научно», он спит, видит сны <...> Бога нужно узнавать во всем, без всяких наркотиков. [НВ: II, 20]

Религиозная философия Беликова рационалистична. Она стирает грань между «чудом» и законами природы:

Если же смотреть прямо на вещи, то никаких «чудес» нет, или <...> все законы и силы Природы — чудо, но мы не умеем им пользоваться. Христос же умел. Сила человеческой мысли — очень много может сделать. [НВ: II, 19]

Именно этот рациональный подход требует признать, что смысл появления разумного человека в том, чтобы развивать способности человека, приближая его к бессмертию:

Действительно, у природы будет смысл, если человек и не будет бессмертен. Но не будет тогда смысла в человеке. Осмысленная же природа не может создать бессмысленное существо. Таких ошибок природа не делает. [НВ: II, 21]

Заканчивает Беликов отчетливой просветительской нотой в духе рериховского движения:

Вреда в познании быть не может, надо надеяться, что оно откроет более широкие горизонты, надо надеяться, что можно сделать жизнь культурнее, красивее, надо надеяться на самое невозможное, лишь тогда можно жить и мыслить. [НВ: II, 22]

³⁵ Почти одновременно с этим Мережковские и близкий к ним круг писателей благодарили Рериха за помощь в проведении выставки эмигрантской литературы в Париже: «Глубокоуважаемый Николай Константинович, Почитаем своим долгом выразить Вам сердечную нашу признательность за гостеприимство, оказанное Европейским центром Вашего Музея выставке зарубежной литературы и тем самым всей эмигрантской литературе. Неизменный Защитник Культуры, Вы оказали неоценимое содействие культурному русскому делу. Шлем пожелания новых успехов во всех предпринятых Вами творческих начинаниях и еще раз от всей души Вас благодарим <...> Париж. 10 февраля 1935 года». [AMP: <https://roerichmuseum.website.yandexcloud.net/PNKR/PNKR-403.pdf>] Подписи: Д. Мережковский, З. Гиппиус, Ирина Одоевцева, Юрий Фельзен, Георгий Иванов, Юрий Мендельштам, Юрий Терапиано, Вл. Злобин, С. Шаршун, В. Мамченко «и прочие» [Там же].

³⁶ Вероятно, из книги «Тайна Запада. Атлантида – Европа» (1930) Мережковского Беликов взял и нужную ему цитату из «Блаженного томления» И. В. Гёте: «И доколе не постигнешь / Этих слов: “умри и будь”, — / Темным гостем будешь в мире / Проходить свой темный путь» [НВ: II, 22].

Проходит месяц, и философская переписка возобновляется. За две недели Беликов отсылает четыре письма (17 февраля, затем еще три 26–30 февраля). Письмо от 17 февраля 1935 г. (№3) посвящено уже затронутой теме саморазвития, которое Беликов ставит выше материального процветания. Возражая на скептические замечания корреспондентки, он уверяет, что больше благодарен Рериху, чем «Лапшину из „Eesti Siida“, который три года кормил меня, предоставляя на своей фабрике работу» [НВ: II, 25]. Философия не накормит голодного, но «становясь совершеннее», мы положительно действуем и «на окружающих нас людей» [НВ: I, 24]. Развеивая страхи корреспондентки быть неправильно понятой, Беликов уверяет, что придает мало значения «изображенным ролям». Человек старается выглядеть таким, каким он хочет быть, всю правду о себе знает только он сам, поэтому судить о нем лучше не по его словам о себе, а по его отношению к другим:

Когда человек говорит о себе, то часто он касается совсем посторонних предметов, когда же говорит об окружающем его мире, то больше всего говорит о себе. <...> Подход к себе большей частью бывает объективным <...> Подход же к другим почти всегда субъективен, человек раскрывает самого себя, производя оценку окружающей обстановке. [НВ: I, 23]

«Объективный подход» в данном случае – взгляд со стороны, без понимания всей субъективной сложности, которая может проявляться в мелочах:

Бывает, что говорит человек о самых высоких материях <...> и вдруг одним взглядом или жестом выдает, что <...> искренне хотел бы быть таким, но еще далек от исполнения своего желания. Тогда начинаешь замечать, что ему мешает <...> начинаешь осознать то, из чего человек исходит, а не только то, к чему он идет <...> [Там же]

Письмо приходится прервать: «12 часов, а завтра в 5 утра встать», здоровье же «в прежнем состоянии».³⁷

26 февраля 1935 г. (№4) Беликов вновь касается различия материального и духовного развития, но материального — не в экономическом плане, а в смысле внешней цивилизованности — в рамках важной для Рериха оппозиции «культура vs. цивилизация»:

Хорошо говорили древние греки — «Если хочешь улучшить мир, то начинай с самого себя» <...> Уметь управлять автомобилем — будет цивилизацией, уметь управлять собой — будет культурой <...> культура дает смысл жизни <...> осмысленное творчество... [НВ: II, 26–27]

³⁷ Беликов пишет: «...на этом фронте все в порядке и “без перемен”» [НВ: I, 25], — явно напоминая Галине об известной книге Э. М. Ремарка “Im Westen nichts Neues” (1928) или ее экранизации “All Quiet on the Western Front” (1930).

Начав с себя (культура), можно изменить и мир (цивилизация), но культура требует знаний:

Право на жизнь нужно завоевывать, <...> если <...> в знаниях большие пробелы, мы волей-неволей пропускаем нужные моменты, и жизнь проходит мимо нас. <...> у Шекспира сказано: «Что потерял ты на минуте, и вечность уж не возвратит». [НВ: II, 27]

Упущенная возможность – это не остановка в развитии, а деградация, поскольку жизнь – непрерывный поток, требующий непрерывного движения. Беликов ссылается на мысль Рериха, которая близка учению Гераклита и восточной философии (буддизму и пр.):

«Мы не можем оставаться без движения. Или мы идем вперед, или отступаем.» (Рерих)
<...> мысль отступающая, ограничивающая себя рамками собственного невежества <...> убивает. <...> важно следить за своими мыслями, очищать их, расширять новыми знаниями. Как только мы перестаем это делать — мы идем назад <...> [НВ: II, 28]

Отрицается ли при этом старое? Нет, старое утверждается как предпосылка нового. Беликов поясняет свою мысль цитатой из книги «Беспредельность» (§84):

Никакой опыт жизни не может быть бесследно зачеркнут <...> только изжит и преодолен более полным опытом, в который предыдущий опыт непременно войдет. [Там же]³⁸

В следующем письме от 28–30 февраля 1935 г. (№5), из которого нам известен небольшой фрагмент, Беликов уверяет Галину, что видит в ней все предпосылки для развития: «способность мучиться некоторыми вопросами», «жажду правды», «веру в людей», которую он умеет из-под «предосторожности» видеть, «борьбу с самой собою» [НВ: II, 29]. 30 февраля 1935 г. он конкретизирует свои идеи о развитии, разбирая среди прочего и поведение одного общего знакомого. Развитие выражается в творчестве, созидании, которое делает опыт человека полезным для других:

И ту малость, которую способен измышлять мой мозг, <...> я не желаю уносить с собою в могилу, <...> хочу, чтобы хоть одна моя мысль <...> пережила меня. Не ради <...> «моего имени», нет – ради той правды, которую в себе содержит эта мысль... [НВ: II, 29–30]

Но само творчество первично, а коллективное накопление культуры и следование за образцом – вторично. Важен не общий для всех идеал, а личная «планка», приближение к которой заставит человека развиваться, победить самого себя:

³⁸ Цитируя «Оду к Наполеону Бонапарту» Дж. Г. Байрона в переводе В. Я. Брюсова, Беликов пишет: «Воздвигать 6-й этаж над своей постройкой — не значит разрушать низлежащие. Кто хочет продвинуться вперед путем отрицаний, тот пилит сук, на котором сам сидит. <...> они...

...как все земные боги —

из бронзы лоб, из глины ноги» [НВ: I, 28].

<...> радость творчества — самая высокая радость. <...> это не значит, что каждый должен писать «Фаустов» и выдумывать теории «относительности», но каждый обязан создать для себя образ более совершенный, нежели он есть, и к этому образу <...> стремиться.³⁹ Мало пользоваться готовыми образцами <...> авторитет никогда не будет служить тебе опорой, если ты сам не пройдешь творческим путем этого авторитета <...> Идти вслепую вперед нельзя. Только под гору можно катиться,⁴⁰ закрыв глаза и перестав думать. [НВ: II, 30]

Беликов уверен, что в изменяющемся мире каждая мысль требует постоянной реинтерпретации, будь то мысль Сократа или Христа:⁴¹

<...> то, что старо для мира, то ново для нас <...> И на этих старых дорогах <...> творчество <...> необходимо. Сократ ничего нового не сказал. И если какой-нибудь из его «последователей» не бьют бы сократовский на письменном столе держал, а жизнь свою сделал бы такую же <...> он был бы так же знаменит <...> только прибавив к его старым мыслям творчество, можно добиться таких же результатов <...> пока будут молиться Христу – христианства не будет на земле. <...> будущее, куда Он звал, <...> туда нет входа «по контрамаркам» заученных молитв <...> нужно быть творцом жизни, а не арендатором готовых идей <...> Твои цели могут совпасть <...> с чужими, но если они тобою созданы, то ты будешь идти к ним не по принуждению, не по глупости, а свободно. [НВ: II, 31]

В то время как Беликов из Таллинна пишет Маховой в Тарту, в Индию к Е. И. Рерих летят письма от другого таллинского корреспондента — поэтессы и мистика Н. П. Иксуль (Нины Рудниковой). В письме от 8 марта 1935 г. Елена Рерих отвечает ей, одобрительно отзываясь о ее публикации в белградском альманахе доктора М. А. Асеева

³⁹ Ниже Беликов возвращается к этой мысли, цитируя «Упанишады» (санскр. «Сокровенное знание», заключительная часть вед) по очерку Рериха «Художники жизни» (из кн. «Твердыня пламенная») и «Листы Сада Мории. Озарение» (VI, 1): «На каком бы пути ни приблизился ко Мне человек, на том пути и благословляю его» <...> «Пусть где-то на задворках лучиночные солнца творят» [НВ: II, 31–32].

⁴⁰ Письмо заканчивается иллюстрацией к этим словам, подтверждающей тезис о том, что остановка – это движение вспять. Некий Иван Семенович живет прошлым, но не своей бывшей любовью, а «донжуанством», привязываясь к победам прошлого, особо ценным из-за его хромоты; вместо приятия жизни и творчества он осуждает все новое, молодое, добываясь к себе уважения тем, что не заслуживает его: «<...> если не строить шестого этажа, то разваливаются и пятый, и четвертый. <...> огнем любви возгоралось и его сердце <...> Если бы он сумел переключить его на что-нибудь другое <...> то были бы и теперь у него интересы, желания, устремления» [НВ: II, 35]. Противоположность ему — астроном, который не боялся смерти, потому что надеялся по смерти увидеть обратную сторону Луны [НВ: II, 35].

⁴¹ Беликов приводит апокрифическую фразу Христа: «Пусть Моим путем пройдут строители», – по книге «Листы Сада Мории. Озарение» (V, 5), которую он дал Галине Маховой для чтения.

«Оккультизм и Йога», где появляются и статьи Рерихов, состоящих с Асеевым в переписке.⁴²

Суббота 16 марта 1935 г. — знаменательная дата в биографии Беликова. Впервые его участие в этот день в «Живой газете» общества «Витязь» было анонсировано газетами. 13 и 14 марта «Вести дня» (1935, № 62 и 63, стр. 2) поместили следующее объявление:

16 марта в субботу в помещ[ении] о-ва «Витязь» (Niguliste, 13) в 8.30 час. вечера состоится «Живая газета». Участие примут: Влад. Гущик, В. Пейль, П. Беликов, Ю. Иванова, О. Гущик, Ф. Гизетти, Л. Виснапу и др. После газеты — Великорусский оркестр и танцы <...> [ПРС: 252]

О чем был доклад, неизвестно, но мысли Беликова в марте 1935 г. сосредоточены на самом понятии мысли. Возможно, именно тогда было написано и стихотворение «К мысли» (1935), развивающее мотивы его писем к Галине Маховой. Тема стихотворения — необходимость постоянного обновления мысли. Возможно, именно этим объясняется «скользящий» характер стиховых показателей. Все начинается с четверостишия, написанного 4-стопным дактилем со сплошными мужскими окончаниями, придающими тексту подчеркнутую строгость звучания. Текст отсылает к евангельскому призыву жить, отбросив отжившие идеи («Предоставь мертвым хоронить своих мертвецов», Мф.8: 21–22):

Мысль, ты должна мою жизнь претворить!
Где же ты бродишь у старых могил?
Мертвое — мертвым оставь хоронить.
Я устремленьем тебя обновил. [НВ: I, 202]

«Устремленье» — частотное слово из рериховского лексикона, одна из главных добродетелей в Живой Этике. Вторая строфа начинает терять строгость очертаний. Сплошные мужские окончания заменяются обычным альтернансом рифм типа АbАb, размер становится вольным (Д4443). Эта структурная «мягкость» корреспондирует с обликом слов с позитивной и даже инфантильной окраской («сказки»):

Новых миров тебе новые сказки
С новой надеждою долго шептал.

⁴² Е. Рерих повторяет свои программные тезисы: «Основы Живой Этики должны быть внесены и применены в жизни <...> сотрудничество всех областей бытия становится все ближе, именно наука придет на помощь религии. <...> Грядущая Эпоха <...> будет Эпохой Женщины» [Е. Рерих: III, 138–140]. Она намекает, как кажется, и на свое послание к Гущику: «...много намеков дала я одному писателю, и мне интересно, как он справится с этим откровением...» [Е. Рерих: III, 139].

К Свету пути указал без опаски,
Верить в себя наказал. [НВ: I, 202]

Дальше женские окончания еще больше «вытягиваются» и становятся дактилическими, напоминая в сочетании с размером «некрасовский» стих:

Так же, опять разбирая с сомнением
Старого хлама вчерашние дни,
С чьим-то желаешь советаться мнением,
Ищешь поддержки в какой-то родне. [НВ: I, 202]

Последние слова вновь отсылают к Евангелию: «И враги человеку – домашние его» (Мф. 10, 36). В четной строфе вновь возникает укороченная строка, но во второй строке, и теперь это не смягчает конкретность формы, а вносит асимметричный штрих, акцент:

Нет, не баюкай себя сновидением,
Я, твой творец, не дремлю.
Мимо проходят слова-привидения,
Знаю их участь и участь твою. [НВ: I, 202]

«Слова-привидения», по-видимому, — «флюиды», о которых писал Беликов во втором письме. В следующей строфе Беликов вновь находит возможность ритмически модифицировать текст, внезапно заменив мужские окончания на женские (чередование дактилических рифм с женскими — редкий прием) и допустив в последней строке стяжение на последнем междуиктовом интервале, что придало строке тоническое звучание дольника:

Будешь летать ты орлом над долинами
В поисках истины звездного света,
Если ж сорвешься над грозной путиною,
То не проси у меня ответа. [НВ: I, 202]

Такая вольность и одновременно полнозвучность окончаний (все начиналось со сплошных мужских) корреспондирует с вольностью орлиного полета, «оркестрованной» аллитерациями на «л» и ассонансами на «о» в первой строке. Возможно, и ритмический сбой в последней строке аккомпанирует мотиву падения (как и скопление согласных с обилием шипящих в словах «если ж сорвешься»).

В последней строфе мотив падения дополнительно драматизируется мотивом «смеха сумасшедшего» (отрицание «ужасного» парадоксально подчеркивает, что произошла катастрофа). Гротескный характер финала строфы подчеркивается неожиданной сменой анакрузы, превращающей дактиль в амфибрахий:

Я не найду ничего в том ужасного,
Смех сумасшедший пусть будет финалом,
Но лучше окончить безумьем прекрасного,
Чем здравого смысла проникнуться хламом. [НВ: I, 202]

Стихотворение написано в достаточно декадентской манере, хотя грамматические рифмы выдают неопытность стихотворца. Финал же звучит почти по-футуристически (со «здравым смыслом» открыто боролся и Ф. Т. Маринетти, и русские будетляне).

Письмо Беликова от 21 марта 1935 г. (№6) также посвящено мысли и открывается цитатой из книги «Агни Йога» (§122):

Посмотрим на звезды. Нам сказали, что сосуд мудрости пролился из Тушиты и капли чудесного напитка засияли в пространстве. Но Учитель сказал: «Это сияют наконечники стрел мыслей, ибо мысль вонзается в лученосное вещество и зачинает миры». [НВ: II, 35]

Основную тему письма можно было бы выразить формулой «бытие определяется сознанием» (Гегель). Беликов повсюду видит «влияние мысли», приводя якобы опытные данные. Когда дело касается настроения («Уверенность <...> причина достижения цели, сомнение всегда приносит поражение» [НВ: II, 35–36]) или самовнушения, это еще выглядит правдоподобно («человек, который думает, что он голодом лечится, может голодать 40–60 дней, человек, который думает, что он с голоду может умереть – истощится вконец после трехдневного голодания» [НВ: II, 35]). Однако Беликов верит в возможность мысленного воздействия и на растения:

возьмите два комнатных растения одного возраста и одного вида (только не папоротниковых), ухаживайте за ними около 2 месяцев, потом разделите их <...> и при поливке думайте об одном самое лучшее, другому же посылайте мысли уничтожающие. <...> первое будет цвести, второе – вянуть. [НВ: II, 36]

От растений он переходит к минералам, амулетам и талисманам: «Неодушевленные предметы напитываются мыслями человека, с ними соприкасающегося <...>» [НВ: II, 36]. Наконец, объясняется и механизм всего этого через понятие «Тонкого Мира»:

Царство мысли – Тонкий Мир, нас окружающий. Все мысли складываются в окружающем нас пространстве <...> когда человек умирает, мысль покидает тело и находит себе существование в Тонком Мире <...> все, что осталось здесь мечтою и воображением, — будет осуществлено в Тонком Мире. <...> человеческая душа, наподобие аккумулятора, заряжает себя в Тонком Мире для дальнейшей эволюции или инволюции – выбор свободен, этот выбор производится нами на земле силою и качеством собственной мысли. <...> Тонкий Мир не есть вечное успокоение. <...> его вообще нет. Бытие живет и движется. [НВ: II, 37]

Исходя из этого представления «рай» и «ад» объясняются как неограниченная самореализация либо гармонизированного, либо хаотического сознания. Объясняется и необходимость дисциплины и очищения мысли:

Каждый <...> творит свой мир, и от качества созидания зависит красота или уродство созданного мира. <...> Ни наши экономические, ни наши политические действия не принесут облегчения до тех пор, покамест мысли человеческие будут создавать хаос. <...> мы убиваем <...> мыслями, точно так же, как можем мыслью убить растение. [НВ: II, 36]

Цитируя книги «Сердце» (§160) и апокрифические слова Христа по книге «Листы Сада Мории. Озарение» (V, §11), Беликов продолжает:

На одной старинной стеле было написано: «Путник, не преграждай себе путь!». Почти все человеческие пути преграждены посылками хаотических мыслей. <...> Люди не знают, чего они хотят. <...> человек посылает в пространство свои мысли и желания, посылает бессознательно, но каждая бессознательная мысль так же творит, как и сознательная <...> непонятыми остались слова Христа: «Радость есть особая мудрость»... [НВ: II, 36–38]

Тем временем поэт и философ Рихард Рудзитис, который уже через год сменит Карла Стуре на посту председателя Латвийского общества им. Н. К. Рериха, выступает с обзорной статьей «Знамя Мира Рериха» в газете «Для вас» (1935, № 13, 23 марта, стр. 2) и в газете «Старый Нарвский листок» (1935, № 34, 25 марта, понедельник, стр. 1).⁴³

Письмо (№7) Беликова от 7 апреля 1935 г. представляет собой обширную философскую статью о понятии Первичной Материи или Первичной Энергии. Это — «тончайшая неделимая частица Бытия» (меньше атома, электрона и т. д.), которая содержит в себе «все: и свет, и силу, и тепло, и разум, и законы, и Бога». Это — «энергия», которая «беспрерывно действует, перерабатывает что ли саму себя», известная браманизму под именем Матери Мира или Радж-Раджесвари, что означает «энергия

⁴³ Основные тезисы: «<...> президент Рузвельт поручил министру Уоллесу <...> подписать Пакт Рериха <...> Русский художник <...> выдвигается в фокус внимания всего мира <...> искусству Н. К. Рериха посвящен 24-х этажный небоскреб нью-йоркского Музея Рериха <...> в 30 странах раскинуто 86 обществ <...> в 1929 году возник международный Пакт Мира <...> просветительные, художественные и научные учреждения, их персонал, имущество и коллекции должны признаваться нейтральными <...> «Мир через культуру», — его лозунг <...> в 1930 году <...> проект Пакта Мира был единогласно одобрен Музейным комитетом Лиги Наций. <...> был основан <...> «Союз Пакта Рериха» <...> под почетным покровительством председателя Гаагского Международного Суда Адачи. <...> 17 ноября 1933 года в Вашингтоне состоялась Третья Международная конференция <...> Пакт был единогласно принят и Пан-Американской Унией» [ПРС: 253–256].

энергий» [НВ: II, 38]⁴⁴. Далее он рассматривает «условную, символическую» картину формирования Солнечной системы по «Упанишатам» и по Евангелию от Иоанна:

«Тогда ничего не существовало, ни мир, ни воздух, ни небеса. <...> Она одна (Первичная Материя) отдыхала в носящей ее пустоте <...> и силою собственного разума создала, наконец, этот мир <...> Только Он (закон Первичной Материи) может знать все, вечный, всеведующий, всепроникающий, полный радости, чистый, разумный и освобожденный Брама». <...> Евангелист Иоанн начинает свое послание так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога и Слово было Бог», т. е. сама Первичная Материя собственным заложенным в себе импульсом творила эволюцию. <...> ее свойства, как то: разум, сила, свет и т.п., распределялись в вызванных ее действиями формах. [НВ: II, 39]

Эволюция — одно из центральных понятий излагаемого Беликовым учения. Но это не дарвинистская концепция, а более древняя, восходящая к Аристотелю и соединяющая в одну цепочку все явления, от минералов до богов (более близкая концепции Ж. Б. Ламарка). В ней заложены и основания личной этики, о которых Беликов писал ранее:

Один из законов этих разнообразных форм — совершенствование <...> более совершенные формы тянут к себе как бы магнитом формы менее совершенные <...> Тех, Кто достиг свободы выбора <...> тянет за собой человечество <...> я подразумеваю под понятием — Бог <...> Бог то же самое, что и я или моя пепельница, т.е. одна из форм Первичной Материи, которая прошла состояния и электрона, и атома, и минерала, и растения, и животного, и человека <...> Он, как форма более совершенная, вызывает к эволюции бесформенную Первичную Материю <...> как художник <...> но эволюция <...> происходит лишь по законам этой же самой Первичной Энергии. [НВ: II, 39–40]

Эволюция, творчество могут иметь только ненасильственный характер («сотрудничество есть закон <...> всякое насилие есть беззаконие»), из чего вытекает принцип свободы воли и, как следствие, затяжной характер эволюции:

<...> частицы вызванной к жизни Первичной Материи обладают <...> всеми возможностями, и в числе этих возможностей <...> свобода воли. Мы вольны познавать законы Бытия, так же как и вольны не познавать их, <...> выбирать добро или зло, любовь или ненависть <...> Бог указывал через религии истину <...> «Имеющий уши слышать — да слышит» (Мф. 11:15, — *И.С.*) <...> Потому-то так медленно земная эволюция и движется <...> «возвращается ветер на круги своя» (Екклесиаст 1:6, — *И.С.*) <...> цивилизации, идеалы которых — электрические утюги <...> задерживают движение. Средства принимаются за цель <...> наконец, существует мера человеческой мерзости, преступив которую, человечество навлекает на себя грандиозные катастрофы. <...> 11 500

⁴⁴ Обычно переводится как Великая Владычица (эпитет женских божеств).

лет тому назад погибла Атлантида <...> туда же, к чертям на дачу, отправится наша Европа <...> Одно стихотворение у Агнивцева так кончается:

Так быть должно. И так бывало.
Гроза сметет опавшие листья.
И будет день. И будет все сначала,
И новый сад, и новые цветы.

<...> от нас зависит, помогать строить этот новый сад⁴⁵ или, возлюбив свои догматы, привычки и невежество, творить препятствия этой постройке <...> перейти на следующую ступень — наша обязанность <...> [НВ: II, 43].

Заканчивается этот мини-трактат новой интерпретацией символа Троицы в рамках предложенной теории (с использованием цитаты из книги Д. С. Мережковского):⁴⁶

Отец — оформленная часть Первичной Материи, <...> Сын — результаты эволюции, переход низшей формы в высшую <...> Но <...> каждое из трех лиц Троицы есть <...> Первичная Материя, вот почему записано в египетском папирусе: «Я начал быть, как Бог Единый, но три Бога были во Мне». Теперь у Вас, Галя, накопился целый том философии <...> «Ничего нет тайного, что не сделалось бы явным» (Лк. 8:17, — *И.С.*) <...> Надеюсь, что мы все-таки когда-нибудь встретимся <...> устно объяснять гораздо легче, чем письмом. [НВ: II, 44]

Концепция Беликова при всей ее религиозности может быть интерпретирована как своеобразная форма материализма, хотя, как и в деизме, она включает представление о Боге (который субстанционально «то же самое, что и я или моя пепельница»). Эволюция рассматривается как почти автономный процесс. Не удивительно, что Беликов создает стихотворение «Из Дидро» (1935):

Я начал природой, подножием ног	Ничего не прошу у Тебя, здесь в неволе
Того, кто в небесном парит эфире.	Ход событий идет в ней сам по себе
Я кончу Тобою — чье имя Бог,	Или, очень возможно, по Высшей Воле.
Чья воля велела мне жить в этом мире.	Все равно, кто б ни правил — не легче мне.
Я, Боже, данным Тобою умом	Но в другом, загробном мире, желаю,
Всю мудрость постичь был намерен,	Если только он есть, получить сполна

⁴⁵ Отметим знаменательную переключку этого символического образа «нового сада» (вероятно, обновленного Эдемского) с псевдонимом Б. Х. Тагго — «Новосадов». Это не фамилия его матери (Марии Степановой). Символические аллюзии этого псевдонима очевидны, не случайно Новосадов в конечном итоге смог найти общий язык с «рериховцами».

⁴⁶ Из книги «Тайна Трех. Египет и Вавилон» [Мережковский 1925], первой части трилогии. Вторая часть, близкая по духу к «Закату Европы» О. Шпенглера, — «Тайна Запада. Атлантида – Европа» (Берлин, 1930), также явно отразившаяся в письме Беликова, третья — «Иисус Неизвестный» (Белград, 1934).

Но даже в Твоем бытие вековым	За все, в чем теперь, сомневаясь, страдаю,
Остался не очень уверен.	За горечь отравы из чаши без дна.
Думать могу, что властен Ты	Зло мешаю с добром и умру в сомнении.
Мою душу вознесть иль низвергнуть,	И велик и ничтожен — таков есть я —
Но среди ежедневной земной суеты	Или просто продукт какой-то материи,
Твою мудрость легко опровергнуть.	Или, может быть, Боже, – Премудрость Твоя. [НВ: I, 201]

Текст пронизан смесью иронии, сомнений и жажды истины, столь ярко проявившиеся в трактате Дидро «Философские мысли». Оно написано 3-4-иктным дольником перекрестной рифмовки с обычным альтернансом мужских и женских клаузул, но в первой половине текста это — менее частотная форма аВаВ, а во второй – обычная АbАb. Нетрудно заметить, что Дидро в стихотворении проходит путь, схожий с тем, который прошел, по-видимому, и сам Беликов.

15 апреля 1935 г. в Белом Доме президент Ф. Д. Рузвельт и представители других американских республик (21 государство) подписали, наконец, договор «Об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников». Был утвержден и предложенный Рерихом отличительный знак для идентификации объектов охраны, Знамя Мира (в июле договор был ратифицирован и 25 октября обнародован в США). Подписание Пакта в 1935 г. стало поворотным пунктом в истории рериховского движения. Дальнейшая его деятельность была связана уже только с расширением действия этого документа.

На субботу 18 мая 1935 г. был назначен вечер общества «Витязь» с участием Беликова, о чем, как и в марте, объявила газета «Вести дня» (№ 114, 15 мая 1935 г., стр. 2):

18-го мая в субботу в помещении о-ва «Витязь» (Niguliste, 13) в 8.30 час. веч[ера] состоится «Живая газета». Участвуют: Б. Энгельгард, Ф. Гизетти, Г. Кузмин, В. Кяр, Ю. Иванова, Г. Александров, А. Севастьянов и П. Беликов. После газеты — концертное отделение и танцы до 2 час. ночи. [ПРС: 257]

После «целого тома философии», отправленного Г. В. Маховой с января по апрель, Беликов взял семинедельную паузу, возможно, чтобы не мешать ей с завершением учебы в Тартуском университете. Но 26 мая 1935 г. (в воскресенье) он заканчивает новое письмо (№8), в котором подробно останавливается на том, каким ему видится путь к Богу.

Начинает Беликов с цитат из трех книг («Листы Сада Мории. Озарение», «Община» и «Криптограммы Востока»), и главная цитата, вероятно, — финальная «из учения Будды»: «Нить необходимости проходит через все миры» [НВ: II, 44–45]. Это дает человеку надежду на дальнейшую эволюцию и преодоление ограниченности мышления.

Об этом пишет и Рерих в очерке «Спиноза» («Твердыня пламенная»), который цитирует Беликов:

Почему так часто жизнь нам кажется бессмысленной? Потому что мы <...> возвеличиваем себя, думая, будто человек – высшее звено Природы <...> В одной из своих статей Рерих пишет: «Думайте еще шире! Думайте еще лучше! <...> Не смейте умалять то, что вызвано из хаоса непроявленного великою мыслью...» [НВ: II, 45]

Автор письма предлагает «простой» способ изменения сознания — вообразить своим домом весь космос:

Вот находитесь Вы сейчас в Юрьеве, а можете думать о Сыренце. <...> представьте, что все звезды могут для Вас быть так же доступны, <...> как Сыренец. Мы считаем своим домом то место под крышей, где находимся, <...> почти никогда – земной шар, и абсурдом считаем думать о всей Вселенной как о Великом Здании, жителями которого являемся. <...> Как же после этого найти смысл жизни? [НВ: II, 45]

Предлагаемый взгляд должен изменить отношение человека к окружающей его красоте, к пониманию ее (красоты) и его истинных задач (цитируется очерк «Маха Бодхи» из «Твердыни пламенной» Рериха):

Вот Вам выписка из браминской книги <...> «Учение подобно пламени светоча, который возжигает огни <...> для приготовления пищи или для рассеяния тьмы, но пламя светоча останется неизменно сияющим». Оглянитесь кругом, Вы увидите много сияющих светочей <...> мудрые заветы, прекрасную музыку <...> как эти светочи употреблены? Да ведь на их сияющих огнях карбонад к обеду жарят <...> Потому-то и окутывает нас тьма, потому-то и давит безысходность <...> [НВ: II, 45–46]

По мнению Беликова, жизнь каждого человека — этап на пути от камня до Бога («в человеке грубая материя уравнивается с тонкой материей (тело с мыслью)»), но кроме эволюции человеку доступна и инволюция, деградация. Беликов ссылается на определение Бога в предыдущем письме, которым мы не располагаем (или эта часть была купирована при публикации):

В прошлом письме <...> я сказал: идеальная комбинация всего материального и духовного есть схема Бога <...> принцип. Формы Бытия бесконечны, они будут вечно совершенствоваться <...> Тот Бог, в которого верю я <...> является что ли качеством, которым обладает цветок, животное, птица, человек <...> В Вас заложен Бог, и во мне заложен Бог, и мы должны делать своего Бога действительно всезнающим, всеобъемлющим и всемогущим <...> Кришна, Будда, Конфуций, Магомет, Платон, Христос — это люди, ставшие по сравнению с нами Богами, <...> они могли умереть в

теле и воскреснуть в духе, могли покидать нашу планету <...> на Земле имеются люди, не считающие Землю своим обязательным местопребыванием <...> [НВ: II, 46–47]

С точки зрения Беликова, это не «сказки», сам он в этом видит чистую рациональность:

Но подумайте, Галя, умел ли я когда-нибудь <...> сказки выдумывать <...> никаких чудес не признаю, все существующее считаю естественным, <...> знаю, что имел удовольствие появиться на нашей планете в городе Нарве в 1911 году по Р. Х. <...> и умру, когда пробьет час закона природы <...> могу превратиться в паршивую кровожадную гиену, где-нибудь на Сатурне <...> В природе свято исполняется закон возмещения <...> без всякого вмешательства Того, Чье имя на земле Бог. И только если я сам сумею утвердить за собой знание, силу, добро, любовь <...> [я] вырвусь из заколдованного круга дурной бесконечности в бесконечность сознательную <...> совершенствуюсь и творя. [НВ: II, 47]

Далее, сославшись на апокрифическую притчу об Иисусе Христе из книги «Листы Сада Мории. Озарение» (V, 5), Беликов приходит к выводу:

Каждый человек <...> разумом, силой, волей должен выбраться из кухмистерской жизни и не только для себя лично, но помогая всем другим, как Христос <...> не в монастырях и пустынях, а среди жизни, утверждая знание и культуру. Вот истина, выше которой нет ни одной религии, но зернышки этой истины заложены во всех религиях... [НВ: II, 48]

2.3. Письма лета и осени 1935 г. № 9–13

Не прошло и недели, как в Тарту пришло следующее письмо — от 1 июля 1935 г. (№9). Предварив свое рассуждение цитатой из книги «Агни Йога» о конечности и Беспредельности (§ 91),⁴⁷ Беликов утверждает, что в знании космогонии заложено решение земных проблем, и рассуждает о том, как согласовать жизнь человека с жизнью вселенной. Для начала он берется доказать, что кроме индивидуальной воли существуют коллективные воля и разум:

<...> по-разному только видимое понимается: коммунист хочет одного, монархист другого, фашист третьего, человек чистой науки работает в одной области, человек веры или церкви в другой, мистик в третьей <...> в корне всех их изысканий <...> разум, оправдывающая нашу жизнь цель. [НВ: II, 49]

По мнению Беликова, коллективную волю людей признают все идеологии. Следовательно, и космос как совокупность небесных тел можно представить единством, а у каждого небесного тела может быть свой смысл, разум и воля:

⁴⁷ «Насколько одна Беспредельность не представляет конкретных последствий, настолько конечность будет уменьшающим понятием. Только соотношение этих антиподов составит правильное решение космогонической проблемы» [НВ: II, 48–49].

Земля представляет из себя физическое тело <...> можно установить <...> аналогию между Микрокосмом (человеком, *микро* – малое) и Макрокосмом (Землей, Солнцем, Вселенной в целом, *макро* – велик[ое]). Аналогичное же в видимом дает нам право предполагать такую же аналогию и в невидимом, то есть в разумности, наличии воли, цели <...> Космос <...> живет по законам времени и пространства, и в этой жизни мы можем констатировать точнейший разум, не знающий наших человеческих ошибок <...> [НВ: II, 49–50]

Основная, но и сложнейшая задача — «найти правильное соотношение высшего Космического разума с нашим несовершенным земным», ибо без понимания смысла Космоса мы «не можем ни одного явления себе до конца объяснить» [НВ: II, 50]. Этому мешают многие ограничения, но преодоление их и дает возможность «жить разумно»:

Философии, науки, религии, <...> — все это орудия для удаления границ между малым и великим, благодаря им наш разум, наше самосознание проникает в разум окружающей нас обстановки <...> в Космические законы, и применяет их для своей жизни; успешное выполнение этой задачи и будет настоящим культурным прогрессом. [НВ: II, 50]

Нарушается ли при этом свобода воли? Об этом у Беликова с Маховой заходила речь при личной встрече в Таллинне. Беликов цитирует §193 из книги «Беспредельность», в котором говорится, что манящая человека свобода — иллюзия, но есть свобода выбора, и человек сам «назначает» себе «мир следствий»:

<...> как допустить разом существование свободной человеческой воли и вместе с тем воли Божией <...> политики <...> говорят: не забывайте, что свобода не есть беззаконие, а действия в границах идеальных законов <...> свобода есть подчинение высшим законам. <...> «свобода есть подчинение» – почти абсурдное соотношение слов. Но <...> высшие законы столь совершенны, что мы свободно им подчиняемся <...> Предположим, что Вам из Сыренца в Нарву попасть нужно. <...> можно было бы поехать и на лодке <...> Необходимость заставила Вас все-таки ехать на пароходе и платить 2 кроны <...> так как это самый рациональный способ <...> если Ваша цель разумна и если ближайший путь к ней найден, то Вы, конечно, этим путем свободно воспользуетесь <...> [НВ: II, 51]

Июль и август 1935 г. Беликов провел в санатории в пригороде Таллинна, где его легкие лечили методом пневмоторакса. 9 июля 1935 г. (№10) он писал:

Большое и искреннее Вам спасибо, Галя, за приглашение. С радостью бы принял его, но, к сожалению, это невозможно. <...> начали меня лечить, <...> даже не уверен сейчас — отделаюсь ли я двумя месяцами... [НВ: II, 52]

Чтобы поддержать Галину в борьбе с усталостью от провинциальной среды, Беликов предостерегает ее от раздражения, опираясь на очерк Рериха «Соппротивление злу» (из

«Твердыни пламенной»), где разбирается фраза: «Отойди от зла и сотвори благо». Рерих называет ее «апостольской» мудростью, и в письме Беликова появляется апостол Павел. В действительности, это фраза из 36-го псалма, но на интерпретацию это не влияет:

Отчасти Сыренец даже благодарить следует, что он предоставляет больше возможностей заглянуть в себя и раскрыть громадную пропасть между тем, что ты думаешь, желаешь <...> и [тем,] что ты делаешь и имеешь <...> Разница <...> причиняет сильную боль <...> При таком столкновении часто допускается нами ошибка — мы вступаем, что ли, в «бой» с повседневностью, но пользуемся в этой битве ее же оружием, т.е. на грубость — отвечаем грубостью, на чужие ошибки — раздражением, которое ничего не исправляет и т.д., но такой способ борьбы приводит лишь к одному — мы сливаемся с окружающим и начинаем жить той же жизнью, которая нас в негодование приводила. <...> пошлостью пошлость нельзя победить, так же как и зло злом <...> «Отойди от зла и сотвори благо», — это единственный способ борьбы; если только от зла отойти <...> зло свои плоды принесет, если бороться со злом его же оружием, то часто в результате получается то же зло, но в два раза увеличенное, и только если мы умеем злу противопоставить что-то приносящее благо, только тогда можно сказать, что мы его побеждаем. Таким же образом и пошлости ежедневности надо противопоставлять порывы к жизни настоящей, сознательной и полезной. <...> пусть даже <...> только в мыслях... [НВ: II, 53–54]

Далее Беликов возвращается к идее высоко поставленной цели и цитирует очерк Рериха «Огонь претворяющий», опубликованный Гушиком в газете «Витязь» (1932). В очерке приводятся слова Л. Н. Толстого, сказанные Рериху по поводу его картины «Гонец»:

У Толстого сказано: «Случалось ли вам [в] лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет». <...> Надо в мыслях <...> ставить перед собой самые совершенные идеалы. Пусть ослы <...> зовут такие идеалы отвлеченностями <...> Разве не случается, что одна такая «отвлеченная», чистая мысль удерживает человека от падения в весьма реальную грязную яму? Лишь недостижимые маяки в состоянии нас удержать от достижения дна пропасти, достигнуть которого очень легко <...> В реальных-то делах человеческих редко можно найти такой немигающий свет, который не изменил бы тебе в тяжелом положении, <...> Поэтому и даны человечеству религии. <...> Красивые песнопения в храмах и торжественные богослужения не смягчают Божьего сердца <...> богослужения <...> должны смягчать сердца человеческие <...> Не только религии, но и искусства и наука должны в таком же направлении работать, последней особенно не хватает идей, которые стояли бы выше уровня вопросов чисто утробных. [НВ: II, 54–55]

Затронув тему богослужений, смягчающих сердца молящихся, Беликов возвращается к ней 28 августа 1935 г. (№11) и отвечает на мысль Маховой, что «не дано нам Высшую

Волю познать», но необходимо быть ей послушным и заботиться о хлебе насущном. Беликов начинает с разбора рериховской молитвы «Владыко, пошли Волю Твою — или дай или возьми...» («Иерархия», §78), заметив:

<...> покамест не познаешь – что такое Высшая Воля <...> своей мудрости Высшая Воля нам не откроет и никакие бунты против нее ни к чему нас не приведут. Но значит ли это, что мы должны быть ее покорными рабами? [НВ: II, 55]

Беликов цитирует У. Драммонда (1770–1828) по автокомментарию Дж. Г. Байрона к «Чайльд Гарольду»: «Кто не хочет рассуждать логически — тот ханжа, кто не может — тот глупец, а кто не смеет — тот раб» [НВ: II, 55]. Для Беликова это — раб предрассудков, а не раб Всевышнего. Он отказывается считать Высшую Волю управляющей людьми («если бы эти обязанности ею исполнялись, то не было бы такого хаоса»):

Высшая Воля является тайной <...> нам необходимо совершенствоваться, дабы ее понять. Для чего же мы обладаем разумом более высоким, чем все другое на земле живущее? <...> чтобы «в поте лица добывать хлеб свой» <...> достаточно муравьиного ума. [НВ: II, 56]

Он согласен с необходимостью послушания, но «нужно знать, чему ты покоряешься». Беликов приводит апокрифический фрагмент из Кодекса Безы — стих из Евангелия от Луки (Лк. 6.4. Cod. D), процитированный в «Иисусе Неизвестном» Мережковского:

«...Иисус, увидев человека, работавшего в субботу, сказал ему: Человек! если ты знаешь, что ты делаешь, — ты блажен; если же не знаешь, то проклят и преступник перед законом». <...> мы принуждены быть рабами своих несовершенных законов, покамест более высшие не познаем... [НВ: II, 56]

Забота о хлебе — не цель жизни, а средство; цель — постижение Высшей Воли:

Архитекторы, строящие небоскребы, инженеры, изобретающие различные машины, <...> ошибаются, если думают, что этим <...> они выполняют свое назначение. <...> когда Христос впервые увидел <...> учеников вытягивающими сети с рыбой, Он им сказал — идите за мною, впредь вы будете ловить человеков (Мф. 4:19 — *И.С.*). [НВ: II, 57]

Беликов цитирует «Хождение Христа» из книги «Криптограммы Востока», где Христос описан не как всезнающий, а как ищущий знания, и парафразирует Евангелие от Матфея:

«не хлебом единым жив человек» (Мф. 4:4 — *И.С.*) и не аэропланами небо открывается. <...> Не истину следует к себе приспособлять, а <...> себя переделывать по идеалам истины. [НВ: II, 57]

За весь осенний период известно только два письма Беликова. Одно написано через 40 дней после августовского, 7 октября 1935 г. (№12), другое — еще через месяц, 5 ноября, — через день после дебюта Беликова в Литературном кружке.

Видимо, по возвращении домой Беликов пережил смерть отца. 3 марта 1936 г. он вспоминал: «Вот вспомнил, как уезжал из Саратова отец, а я его не пускал, вцепился в его ногу, и с трудом меня оторвали, и вспомнил, как полгода тому назад я вошел в квартиру и нашел его на полу, в крови, мертвым» [НВ: II, 85]. Федор Беликов умер от кровоизлияния, связанного с болезнью органов пищеварения.

Возможно, именно поэтому октябрьское письмо к Галине Маховой оказалось рассуждением о том, что ожидает человека после кончины. Это — очередное письмо-трактат, второе по величине после январского. Здесь Беликов более подробно излагает теософские представления о трехчастной структуре человека и мира и вводит понятие «плана», поскольку описываемые «миры» в этой концепции пересекаются. Как радиоволны проходят сквозь твердые тела, так мир «грубой материи» пронизан миром «тонкой материи» («эфиром») и еще более тонким духовным миром. Эти градации имеют физические параметры, и Беликов находит возможность сослаться на А. Эйнштейна (который, заметим, был близок к деизму и поддерживал начинания Н. К. Рериха):

<...> от 16 до 35000 вибраций в секунду нашей материи дают звук, от 1 040 000 вибраций в секунду дают электричество, от 1 12500000000000 до 3603000000000000 <...> теплоту и свет. <...> Тонкая материя <...> за пределами этих цифр и между ними. <...> в области электричества вибрирующая материя представляет собою астрал <...> и живет по законам 4-х измерений, о которых говорит <...> Эйнштейн. [НВ: II, 58–59]

Находясь в физическом плане, можно совершать «действия, производимые силой тонкой материи», к ним Беликов относит и религиозные «чудеса», и практики «оккультизма, спиритизма и т.п.». А главное он верит, что человечество придет «к овладению этими силами», и «наша задача – сделать себя достойными их восприятия» [НВ: II, 59].⁴⁸ Но есть и тривиальные формы проявления астрального плана в материальной жизни: например, дурные привычки, способность «дурных мыслей» притягивать себе подобные, своеобразная «одержимость» «бесами» («астральными образами людей, физическую оболочку <...> покинувших») в состоянии опьянения или после сотрясения мозга. Чистые мысли и молитвы избавляют «от лукавого», поскольку все это и происходит в мысленной

⁴⁸ Сходные мысли разделял и В. Я. Брюсов: «Спиритические силы со временем будут изучены и, может быть, даже найдут себе применение в технике, подобно пару и электричеству» [Ходасевич: 67]. См. подробнее в монографии Н. А. Богомолова [Богомолов: 279–310].

сфере. Под воздействием добрых мыслей «то, что мы называем дьяволом, должно превратиться в то, что нами зовется Богом, ибо одна и та же сила творит и разрушает» [НВ: II, 60–61].

Традиционному христианскому делению на дух, душу и тело в этой концепции соответствуют модель трех «тел»: «I – тело физическое, <...> II – тело астральное, <...> III – тело духовное» [НВ: II, 58].⁴⁹ Письмо построено как ответ на вопрос «Что будет с нами после смерти?» и описывает цикл реинкарнации (метемпсихоза): когда тело разрушается, сознание (душа) уходит в астральный план, где, с одной стороны, «все человеческие мысли находят себе осуществление», а с другой стороны, душа, не имея тела, страдает от невозможности «осуществлять свои желания». Обогадив свой опыт, «астрал» «разрушается, как и физическое тело. И наша душа переходит в мир духовный, где находит себе применение творчество сознательное» [НВ: II, 58–59]. После этого «обогащенная опытом трех планов, душа снова воплощается <...> для искупления старых ошибок» и выполнения своих эволюционных задач [НВ: II, 59].

Согласно этой схеме, безудержность физических желаний в жизни приводит к сильным страданиям после смерти, когда они получают, с одной стороны, полное развитие, а с другой — ничем не утоляются. К тому же человека обступает в «астрале» весь хаос давно пережитого, весь груз оживших воспоминаний, поскольку ни мысли, ни чувства не пропадают.⁵⁰ Поэтому важен не итог жизни и не сортировка на грешников и праведников, а весь жизненный опыт, который и определяет «райское» или «адское» состояние сознания в этом своеобразном чистилище. Работа над собой приводит и к общественному прогрессу — к «развитию и улучшению рода человеческого», которое видится в духе масонской символики как строительство («ты находишься в великом доме

⁴⁹ Беликов делает оговорку, что три — только основные, а вообще их семь. Семь «тел» мы видим и в структуре героини «Поэмы Воздуха» М. И. Цветаевой, опубликованной в «Воле России» в 1930 г. (№1 стр. 16–26). У Цветаевой были антропософские источники. Беликов так же учитывал весь спектр мнений.

⁵⁰ Представление о «консервации» слов, чувств и мыслей (любая мысль или желание человека, по Беликову, создает «его прототип в мире тонкой материи») имеет давние корни и по-своему отразилось в текстах любомудра В. Ф. Одоевского. Так, в новелле «Импровизатор» демонический Сегелиель заключает договор с литератором, не требуя расписки: «...сказанного слова так же топором не вырубешь, как и писанного. <...> *ничто* не забывается и не уничтожается» [Одоевский: 69]. Булгаковское «рукописи не горят» — рефлекс того же топоса религиозно-философской литературы.

Бытия и призван быть одним из его строителей», «каждая твоя мысль есть кирпич»). Кроме того, моральный долг человечества — поддержать замысел Создателя.⁵¹

Это особенно важно с учетом принципа свободной воли, который представлен уже в Ветхом Завете, что подтверждается цитатой из Второзакония (30:11–14, 19):

«Заповедь сия <...> — говорит Господь, — не недоступна для тебя и не далека <...> жизнь и смерть предложил я тебе <...> Избери жизнь...» [НВ: II, 64]

Письмо включает и почти художественный отрывок, украшенный цитатой из «Лебедя» К. Д. Бальмонта и иллюстрирующий «трагедию» бесцельно потраченной жизни:

<...> вступаем мы в жизнь в расцвете сил и молодости, тратим эти дары или на бесплодные мечтания, или на кратковременные чувственные удовольствия. <...> спохватываемся, что мы не жили «полной жизнью» <...> «В этот миг душа его желала бы Невозвратное вернуть». <...> что вернуть? <...> чудесные мгновения, которые всегда рисковали превратиться в отвращение, коли «мгновение» слишком злоупотребляло временем? <...> чтоб сплошное отвращение осталось за спиной, без единой светлой радости <...>? Эх, Галя, не трагедия-то выходит, а глупость <...> [НВ: II, 62]

Беликов делится своим пониманием любви, восходящим к Платону, но в изложении Н. К. Рериха (по очерку «Любовь Непобедимая» из книги «Держава Света», 1931):

«Любить – значит прощать. Прощать – значит понять. Понять – значит знать. Знать – значит приблизиться к порогу Мудрости». [НВ: II, 63]

Но тут он спохватывается («Боюсь, что начинаю злоупотреблять перепиской... не хочу Вам навязывать своих идей») и на месяц умолкает.

Однако месяц этот не прошел бесплодно и бесследно. Беликов был приглашен поучаствовать в «понедельнике» Литературного кружка 4 ноября 1935 г., на котором он выступил с докладом «Пути современной молодежи». Под тем же названием во вторник вышел анонимный критический отзыв в газете «Вести дня» (№ 261, 5 ноября 1935 г., стр. 2), по которому можно судить и о содержании доклада, и о возникшей после него дискуссии. Доклад о молодежи неизбежно включал тему «отцов и детей», и при всех усилиях быть объективным анонимный обозреватель склонялся к позиции «отца»:

Пути современной молодежи. Этому вопросу было посвящено очередное собрание таллиннского Русского литературного кружка. Докладчиком выступил представитель молодежи П. Беликов, и поспорить <...> собралось довольно много публики. <...> Путей

⁵¹ «Тот, Кого мы называем Богом, Кого оккультисты зовут «планетным духом» <...> поручился за вызванную Им жизнь. <...> губя свою душу, мы становимся предателями великого плана <...> Если это не будет достигнуто <...> Человечество уничтожит и себя, и своего Бога» [НВ: II, 63].

конкретно докладчик не указал — ни тех, которыми молодежь уже идет, ни тех, коими ей <...> следовало бы идти. <...> определенного мнения у юного докладчика и не было. <...> он указал лишь, что современная молодежь ищет <...> синтеза материализма и идеализма, <...> ни тот, ни другой в отдельности критики не выдерживает. Идеи должны возвышать, но и отвечать требованиям момента. «Отцы» не сумели указать новых социальных форм <...> Поэтому молодежь готова свою безыдейность превратить в идею (какой грустный парадокс!). <...> молодежи <...> приходится устремляться в русло спорта и кино, которые также имеют свою ценность. <...> В своем заключительном слове докладчик подчеркнул, что идеализма «отцов» он не отвергает, но меняются условия жизни, а следовательно идеалы не могут оставаться прежними. Человек должен, конечно, иметь достойное существование, но прежде надо создать достойного человека. [ПРС: 258–259]

Следует отдать должное корреспонденту: основные идеи «юного докладчика» изложены, что приходит в противоречие с утверждением об отсутствии у него «определенного мнения». Понятно только, что журналист ожидал чего-то более близкого к общественно-политической повестке, а не философских размышлений. Описана в статье и дискуссия:

Дискуссия развернулась довольно продолжительная, <...> Никто из «молодых» не сумел точнее сказать <...> чего хочет молодежь; никто из «старших» не нашел, что предложить, кроме общих фраз о необходимости работать, стремиться <...> Но правильно было указано и со стороны «стариков», что готовых путей у молодежи никогда не было, <...> мало нынче у молодежи любви к осуществлению прекрасных идей <...> у многих идеал — создать себе прочное материальное существование и только. Иные из молодежи находили, что спор об идеализме и материализме — наскучил <...> на что последовало возражение, что такого спора сейчас и не происходит, так как сама же молодежь говорит: дайте любую идею, лишь бы она кормила. Но это уже не идеализм. Что же касается провала «отцов» с осуществлением новых социальных форм, то ряд их все же осуществлен, а полного достижения идеала никогда и не добиться <...> В общем, поспорили «отцы» и «дети», как всегда плохо поняли друг друга и... разошлись. <...> до этого еще состоялось музыкальное отделение, в котором слух услаждали четыре певицы. [ПРС: 259]

В день выхода статьи (5 ноября 1935 г.) о своем дебюте в Литературном кружке написал Галине Маховой (№13) и сам Беликов:

Поживем <...> поборемся тоже, только не за хлеб насущный <...> Вчера, между прочим, поражение потерпел в такой борьбе. <...> Пригласили меня с докладом в Литературном кружке выступить. <...> Думал, что Литературный кружок <...> от «Витязя» отличается и приготовил <...> серьезный доклад. <...> человек 5 только поняли, больше часу спорили <...> Пришлось после собрания идти в кафе и объяснять литераторам ту постановку темы, которая мною сделана <...> За стаканом чая сговорились все-таки <...> Сам <...> виноват

— сперва надо было публику узнать <...> Я же первый раз их собрание посетил и сразу же с <...> докладом. Как вспомню недоуменные лица слушателей и оппонентов — так смех сейчас забирает. <...> когда-нибудь придется за этот грех расплатиться и преподнести господам литераторам удобоваримое для них блюдо. [ПРС: 68]

В том же письме Беликов вновь касается механизма действия молитвы как способа гармонизации внутреннего мира и приобщения к красоте. Он советует не размышлять о своих слабостях, а вдохновляться лучшим в себе:

Я <...> без молитвы жить не могу, мне она <...> нужна каждый день, каких-нибудь 3 минуты сосредоточения, глубокого раздумья, утверждения себя [в] сущем — дают больше, чем все учения мудрецов. <...> Красота во всем — и в вечном, и во временном, и в древней, от ошибок веками бронированной, мудрости, и в ошибочных чувствах, продолжительность которых — одна весна. <...> Один красивый аккорд, в котором звучание, искренность и искания души чувствуются, тяжелее на весах справедливости, чем года аскетической жизни ради овладения какими-нибудь способностями духа. Поэтому не верьте в свои плохие качества, <...> верьте только в хорошие <...> лишь они правильны, другое — ложно. [НВ: II, 65]

2.4. Письма зимы 1935/1936 гг. № 14–23

Прошло полтора месяца. Письма становятся регулярными. Зимой 1935–1936 гг. было написано 10 писем (37% от общего числа), больше всего в декабре и в январе — по четыре письма в месяц, причем все декабрьские написаны в период с 18 по 30 декабря, то есть в среднем по одному письму за каждые три дня (в январе интенсивность снизилась до одного письма в четыре дня).

18 декабря 1935 г. (№14), отвечая Маховой на письмо, в котором затрагивалась тема музыки, Беликов изложил ей свое романтическое понимание музыки как силы «зовущей» и духовно мобилизующей, не дающей духовно уснуть, стать «живым трупом»:

Хорошее дело музыка, люблю ее, только плоховато ее знаю. Одно обидно – обманывает она меня почти всегда. <...> зовет, зовет куда-то, что-то нарастает в душе, ждешь — вот, вот — сейчас для всего накопившегося откроется выход, последний аккорд объяснит все и успокоит. Но <...> ничего не объясняет. Или он обращается в отступление и кончает тем, с чего начал, т.е. снова тихонько зовет и заманивает, или неожиданно обрывается, падает убитый, как подстреленная на лету птица. И хочется взять какую-нибудь стеклянную вещь и разбить ее о клавиши <...> авось последний аккорд удастся и удовлетворит <...> не находящие себе выхода чувства. Да, зовет музыка, зовет и тревожит <...> Что будет, если мы здесь на земле успокоимся? Мерзость запустения будет <...> самодовольный сон

живых трупов.⁵² Поэтому я музыку и люблю <...> Окрасить природу в однообразный серенький мертвецкий цвет или лишить ее музыки – одно и то же. [НВ: II, 65–66]

22 декабря 1935 г. (№15) Беликов внезапно пишет невесте о творчестве М. М. Зощенко, чрезвычайно популярного у русских читателей Эстонии [Пономарева 2000]. Беликов пронизательно пишет о внутренней серьезности Зощенко и видит в нем своего союзника по части сатирического взгляда на современного человека, порабощенного «цивилизацией», но лишенного культуры. К сожалению, нам не удалось установить, откуда была взята приведенная Беликовым цитата о трамвае. Возможно, это ошибка памяти, но общая оценка писателя основана на восприятии Зощенко в целом:

<...> вот стоят большие дома, возносят гордо свои трубы к небу, а вот между домами толкуются люди. Ведь это они <...> «венцы творенья» — воздвигнули сии постройки, а разве они являются хозяевами их? Нет — они рабы <...> «Что — трамвай для человека или человек для трамвая созданы? Это же понимать надо!», — сказал как-то Зощенко. Серьезный <...> писатель. За его ломаниями и смешками много жуткой правды <...> Когда я вглядываюсь в толпу, — мне всегда вспоминаются эти слова <...> почему люди продали себя в рабство трамваю? [НВ: II, 66–67]

Беликов мечтает «в глушь забраться на пару лет» с книгами, чтобы поработать над собой:

<...> не достигнувши власти над собой, тяжело жить среди людей, и никакой пользы нет ни тебе, ни другим <...> А тут, глядишь, тысячи «спасителей человечества» предлагают помощь погибающему человечеству, а сами, как флюгарка на ветру <...> [НВ: II, 58–59]

Беликов признается, что пишет стихи («Это моя болезнь – один стих в году я должен обязательно написать. <...> Прошу не критиковать строго <...> не был никогда поэтом и не буду» [НВ: II, 67]) и посылает свое последнее произведение — «Не пой священных гимнов, жрец...» (22 декабря 1935 г.). По форме – это наиболее классическое из рассмотренных стихотворений Беликова. Оно написано строгим 4-стопным ямбом с урегулированным чередованием типов рифмовки, чередующихся в четных и нечетных строфах: аВаВ cdcd. Глагольных рифм уже нет. При желании можно было бы установить источник фразеологии, определенно восходящей к образцам пушкинской эпохи («Не пой, красавица, при мне...») и их отзвукам в поэзии начала XX в. (например, В. Брюсова, А. Белого, В. Ходасевича и т.п.):

Не пой священных гимнов, жрец,

⁵² Фраза отсылает к библейскому образу «мерзость запустения» (Дан. 9:27, 11:31, 12:11, Мф 24:15 и пр.) и к заглавному образу в пьесе Л. Н. Толстого «Живой труп». Образ бездушного автомата, манекена или «живого мертвеца» — частотный мотив в литературе эпохи романтизма и затем — модернизма.

В уединенном темном храме,
Не славословь, седой мудрец,
Величье Бога в сером камне.
Открой глаза, прозри на миг,
Гляди на жертвенник святой —
На нем лишь пыль истлевших книг,
А Бога нет перед тобой. [НВ: II, 68]

«Седой жрец», чем-то напоминающий еще не прозревшего Фауста (побуждаемого к разочарованию в «сухой теории»), несомненно, репрезентирует не только духовное сословие, но и любого консервативно мыслящего приверженца выхолощенных традиций. «Бог живой» оказывается не в храме, не в изваянии («сером камне»), а в созидательном труде на лоне природы:

Он там, где пахарь за сохой
Идет в поту с мечтой о всходах;
Пойми — не дремлет Бог живой
В мертвящем склепе темных сводов. [Там же]

Усложненный метафоризм четвертой строфы мешает пониманию того, какого «освобождения жаждет» жрец, но ясно, что храм — символ замкнутого пространства, несвободы:

Освобожденья жаждешь ты?
Не обрести его, поверь.
И мезтью попоранной мечты
Закована к свободе дверь. [Там же]

В последней строфе преломилась образность стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...», с героем которого соотносится Освободитель (Христос), и становится ясно, что жрец жаждал «разрешения от уз» греха, ада, бральной жизни, не понимая, что надо подражать Освободителю, который сам «сковал себя земной мечтой», чтобы помочь «пахарю», всей созидательной жизни:

В миру, отвергнутом тобой,	Ср.: Удрученный ношей крестной,
Не заходя в твою обитель,	Всю тебя, земля родная,
Сковав себя земной мечтой,	В рабском виде царь небесный
Идет, как раб, Освободитель. [Там же]	Исходил, благословляя. [Тютчев: I, 161]

Заметим, что Беликов не всегда придерживался высокого стиля. Среди его стихотворений сохранилась эпиграмма «На полное собрание сочинений Д. Бедного» (1935):

Лавровых листьев не стрясая,

Я потрясен, что не дано,
Навозну кучу разгребая,
Найти Демьяново зерно. [НВ: I, 203]

«Лавровые листья» — это, конечно, «венок» поэта, который Беликов как будто не пытается с него сорвать, подражая толпе, «колеблющей треножник» А. С. Пушкина («Поэту») и срывающей «венец лавровый» К. Пруtkова («Мой портрет»). Очевидная отсылка к басне И. А. Крылова «Петух и Жемчужное зерно» — аллюзия на излюбленный жанр Демьяна Бедного. Сам Бедный тем самым как бы проецируется на героев Крылова, и его творчество оказывается не только «навозной кучей», но и «Демьяновой ухой».

Чем же так привлек внимание Беликова Д. Бедный? Возможно, Беликов искал в нем элемент «народной» религиозности, который Мережковский находил у А. Кольцова (в духе той, которая отразилась в собственных стихах Беликова: «Он там, где пахарь за сохой...»). Но Д. Бедный был едва ли не самым главным антирелигиозным и антицерковным поэтом советского периода. Видимо, отсюда проистекает столь резкое сравнение с «навозной кучей», что не вполне согласуется с основными установками Беликова (не так давно, 9 июля, он писал, что мы напрасно «на грубость — отвечаем грубостью, на чужие ошибки — раздражением, которое ничего не исправляет»).

Во вторник 24 декабря 1935 г. (№16) Беликов сообщает Маховой, что прочитал доклад о Канте. По-видимому, доклад был прочитан в понедельник 23 декабря в Литературном кружке (текст см. в приложении):

Посылаю Вам свой доклад о Канте <...> Прошло у меня чтение довольно хорошо <...> немногочисленную публику удалось разговорить и заинтересовать. <...> Был на докладе и один заправский философ <...> предполагал, что я <...> буду говорить или очень «за» Канта, или очень «против». <...> неважно — «прав ли Кант или не прав» <...> важным является не разрешить проблему, а правильно ее к разрешению поставить <...> Кант это сделал <...> противники Канта этой заслуги отнять [у] него не могут <...> удалось мне заправского философа расшевелить, разошелся человек, к удовольствию слушателей, по всей философии, и, кажется, уговорили его в следующий раз читать о Гегеле, я торопился на работу, и до конца собрания мне быть не пришлось <...> о Гегеле мне очень хочется послушать, но если <...> читать не будет <...> самому придется о Гегеле писать <...> Кант дал сильный толчок, но к чему этот толчок привел, можно узнать только из последующей ему философии. [НВ: II, 68–99]

Последнее письмо 1935 г. написано 30 декабря (№17) и вновь возвращается к теме музыки. Как бы высоко Беликов ее ни ставил, но мысль он ставил выше, сравнивая мысль с орлом из знаменитого стихотворения Н. С. Гумилева «Орел»:

Ведь мысль, Галя, это та же музыка, даже больше, потому что не достижимы для музыки те высоты, куда мысль может взвиться <...> Орлиные полеты даны мысли. Знаете стих[отворение] Гумилева «Орел»? <...> Летел орел, летел все выше и выше к солнцу и, задохнувшись от блаженства, умер. Он умер, но упасть он больше не мог, потому что был не доступен уже силам земного притяженья. И стих кончается:

Лучами был пронизан небосвод,
Божественно-холодными лучами.
Не зная тленья, он летел вперед,
Смотрел на звезды мертвыми глазами.
Не раз в бездонность рушились миры,
Не раз труба Архангела трубила.
Но не была добычей для игры
Его великолепная могила.

Из всего на земле существующего только мысли человеческой даны возможности для столь высоких полетов, только мысль соприкасает с Вечным наше бренное здесь существование, как же после этого мысль не любить? [НВ: II, 70]

Поздравляя Галину с наступающим новым годом, Беликов оглядывается на четыре года, проведенные в Таллинне с момента поступления на фабрику „Eesti Siid“:

С Новым Годом, Галя <...> 1936-й начинаю письмом к Вам <...> примета такая есть — что под Новый Год делаешь, то и целый год делать будешь. <...> Вот уже четвертый Новый Год встречаю я за своим письменным столом со своими книгами и записками — и действительно в промежутках много философией занимался. Но это первый Новый Год, который я встречаю трезвым, последний раз пил год тому назад <...> с 12-ти до 5-ти сидел и проверял свои философские знания <...> Сравнил свое тогдашнее мировоззрение и кругозор с теперешним <...> Многое удалось переменить и дополнить. [НВ: II, 70–71]

Заканчивается письмо неожиданным отчетом о посещении театра «Эстония», где 30 декабря 1935 г. ставилась оперетта «Марица» с Мильви Лайд и Константином Сави в главных ролях. Видимо, Беликов был «избалован» уровнем ленинградской оперетты и театра, чем и объясняется его не очень высокая оценка К. Сави и шуточный тон:

Да, можете меня поздравить, Галя, раскачался сегодня – в театр ходил. Ведь как последний раз с Вами был, так с тех пор и не собратся было, а сегодня отправился «Марицу» слушать. <...> Постановка <...> хорошая. Благодаря вертящейся сцене удачно и красиво удалось разрешить проблему перемены картин. Сцена вертится по ходу пьесы, и артисты переходят из одной обстановки в другую, как из комнаты в комнату. <...> эффектно получается. Но певцов в «Эстонии» все-таки нет. Да и артистов мало. Женские роли — туда-сюда. Мильви Лайд иногда даже хороша бывает, но мужские роли — тихий

ужас. <...> комические роли удаются, всех же «первых любовников» с успехом можно заменить первопопавшимися сапожниками. Не знаю, когда теперь опять попаду в театр. <...> Если мне будет суждено Сави пережить, то сразу же, в день его смерти, отправлюсь в «Эстонию». С удовольствием прослушаю <...> оперетку без его вмешательства по ходу действий. [НВ: II, 71]

3 января 1936 г. Р. Рудзитис сообщил Е. И. Рерих, что на Балтийской конференции было решено подождать инициативы больших держав Европы и добавил: «Жаль, что в Эстонии дело совсем притихло. Пятсу, который вместе с женой когда-то собирался основать Общество в Таллине, я несколько раз посылал книги, но без ответа» [Письма с гор: 130].

В письме от 9 января 1936 г. (№18) Беликов радуется, что Гумилев понравился Маховой и поясняет свое восприятие поэта на примере стихотворения «Одержимый»:

Сила его стиха — изумительна, и темы он берет какие-то сверхчеловеческие, космологические что ли, <...> мелкие человеческие страстишки и страдания в его изложении приобретают характер грандиозного. Гумилев никогда не плачет сентиментальными слезами, не сетует на житейские неприятности <...> Тоска и печаль Гумилева величественны и торжественны, потому что <...> являются таковыми и для всего человечества. В том месте, где многие поэты не упустили бы случая поплакаться <...> Гумилев чеканит:

Чрез дымный луг, и хмурый лес,
И угрожающее море
Бредет с копьём наперевес
Мое чудовищное горе. [НВ: II, 72]

На замечания по поводу своего стихотворения «Не пой священных гимнов, жрец...» он, признавая стихотворные достоинства текста «никудышными», развивает мысль о необходимости практической реализации философии, ссылаясь на Н. Ф. Федорова:

Вы совершенно правы <...> потребность славословить Бога не может быть осуждаема. Но славословие отреченного от мира <...> ради достижения для себя лично спасения <...> никому не нужно. <...> люди славословят Бога в храмах и забывают Его в жизни <...> видели у меня репродукцию Рериха «Покровительница Культуры»⁵³? Она изображает Богоматерь <...> скрывающую своим покрывалом храмы. Вы еще спросили: «Но ведь не только же церкви есть культура?» <...> вся земля может быть храмом, если в ней дела Божие творятся. <...> я Вам как-нибудь соберусь рассказать о русском философе Федорове. <...> У него исключительно философия дела, а не умственных заковырок, которые нередко вытекают в форму гимнастики ума без практического значения. В этом грехе и Кант

⁵³ Речь идет о картине Н. К. Рериха «Sancta Protectrix» («Мадонна Защитница», 1933).

несколько замешан. <...> Достоевский, Толстой, Соловьев и многие другие <...> обязаны Федорову <...> Даже в современной <...> России идеи Федорова <...> (без упоминания его имени), проповедуются <...> правительственными кругами. [НВ: II, 72–73]

Видимо, внедрение философии в жизнь пугает Г. Махову насилием над чувствами, на что Беликов возражает 10 января 1936 г. (№19), рассуждая об управлении чувствами:

Чувства — святые явления, приглушать их не следует, только помнить надо, что <...> они слепы и вручать слепому свою судьбу нельзя. Надо учиться управлять чувствами <...> не превращаются они под руководством разума в скучную прозу, <...> но не способны уже бросать нас по собственному капризу куда им угодно. <...> направляя чувства по собственным желаниям, мы не обрезаем им крылья и вместе с тем гарантируем себя от низких посадок после полетов. Недалеко я ушел еще в овладении своими чувствами, но уже не скажу, <...> что боюсь <...> неприятных сюрпризов. Сажусь, правда, в лужу нередко, потому что сила воли еще недостаточно выработана, но <...> знаю, что вылезу, и не <...> отчаяние, а только недовольство собою остается в результате. [НВ: II, 73]

О предстоящих заседаниях Литературного кружка (3 и 10 февраля 1936 г.) Беликов пишет 24 января 1936 г. (№20) Ему поручена «передовица» Живой Газеты и роль Елагина на литературном суде по рассказу И. А. Бунина:

3 февраля в Русском Литерат[урном] Кружке состоится живая газета. Поручили мне писать передовицу. <...> занять публику на 10–15 минут <...> не ахти какой труд. Но для меня темы, кажется, самим чертом в аду выдумывают[ся]. <...> Произошло в кружке несколько инцидентов [между сторонниками] старых литературных традиций и искателями новых тем и новых форм. <...> чествовал нынче кружок Толстого, Мережковского и еще кого-то из «старых». На прошлой неделе был юбилей Островского <...> В подготовке к этим чествованиям уходило почти все время, <...> часть членов, узнав о чествовании Островского, иронически заметили: «Ну, опять покойничек». [НВ: II, 74]

25 лет со дня смерти Л. Н. Толстого Литературный кружок отмечал 18 ноября 1935 г., 70-летний юбилей Д. С. Мережковского — 2 декабря 1935 г. (раньше, чем в Париже [Зобнин: 369]). 50 лет со дня смерти А. Н. Островского (умер 2/14 июня 1886 г.) был отмечен в понедельник «на прошлой неделе», то есть 13 января 1936 г., в старый новый год, но это заседание в газетах не освещалось. Фраза «опять покойничек» не совсем понятна, ведь Мережковского могли счесть «покойником» только в плане издевки (как когда-то Блока). Вероятно, сыграло роль то, что на заседании 21 октября 1935 г. Л. Х. Пумпянская произнесла речь в память о трагически погибшем (9 октября 1935 г.) Б. Поплавском. Тогда же прозвучал доклад П. М. Иртеля «Русские литературные кружки на Западе» [Хроника]. Иртель был лидером Литературного кружка, но числился «молодым» (председатель Н. Ф.

Роот был старше его на 25 лет). В то же время он был старше большинства молодых поэтов (а Беликова — на 15 лет). Возможно, именно ему принадлежит реплика, о которой Беликов сообщил далее:

Одному поэту предложили <...> написать что-нибудь, так этот поэт <...> ответил: «И без меня панихиду отслужите». Чествование <...> началось <...> с весьма колкого упрека по адресу молодых членов и вообще молодого поколения, которые <...> нарушают лучшие традиции русской культуры. Не забыты были <...> «покойнички» и «панихида», в которой не пожелал принять участия поэт, творчеству которого, между прочим, было посвящено одно из собраний кружка в нынешнем сезоне. [Там же]

О каком поэте идет речь, непонятно, но хроника не дает данных об открытых заседаниях, посвященных в этот сезон (1935/1936) кому-нибудь из членов Литературного кружка. Из молодых Иртель был самым авторитетным. Но одно из закрытых заседаний могло быть посвящено, например, «Шершавым виршам» (1935) Б. Х. Тагго-Новосадова, который только что приехал в Таллинн и был склонен к умеренному авангарду и эпатажу в поэзии (возможно, что отчасти и в бытовом поведении). Беликов пишет далее:

Живая же газета издается преимущественно силами молодых. <...> по летам и я к ним принадлежу, насели на меня мои «коллеги», дабы я очистил запятнанную на вечере Островского их честь. Довольно мудреная задача, <...> но все-таки <...> взял на себя передовицу на эту тему. [НВ: II, 74–75]

Далее Беликов сообщает о том, что ему назначено исполнять роль корнета Елагина на литературном суде. По сюжету рассказа Бунина, возлюбленная Елагина с юности задумывается о смерти, выписывая, в частности, такие строки: «Не родиться — первое счастье, второе же — поскорее возвратиться к небытию» [Бунин: 239]. Это — популярная античная идея, восходящая к элегиям Феогида и трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (один из ее переводчиков — Д. С. Мережковский). Ее варьировал Байрон, а А. Шопенгауэр коллекционировал варианты, и уже в новейшее время ею упивалась юная М. Цветаева, анализировал Вяч. Иванов и т. д. Беликов не мог не заинтересоваться этим мотивом, но формат литературного суда пугал его своей публичностью:

10 февраля <...> литературный суд по рассказу Бунина «Дело корнета Елагина», и навязали мне в этом суде роль подсудимого! <...> корнет Елагин убивает при весьма странных обстоятельствах и по весьма странным и неясным причинам свою любовницу. <...> сознается сам, но разводит в своем признании такую психологию, что черт в ней ноги ломает. И та перспектива, что мне придется эту психологию расхлебывать, — вызывает дрожь во всех моих членах. <...> на настоящих литературных судах (будут: председатель, секретарь, прокурор, 3 защитника, медицинская экспертиза в лице настоящего доктора, и

хотят пригласить пару юристов для правильной постановки всей этой церемонии) я никогда не присутствовал <...> Не люблю я всякие публичные выступления и открытые собрания кружка почти никогда не посещаю, а все-таки даю себя уговорить <...> уже наберется 4 раза за этот сезон <...> артистом надо быть, чтобы чувствовать удовольствие <...> от такой деятельности, а я <...> признаю лишь доклады и беседы в небольшой, знакомой аудитории <...> когда я пишу Вам письма на темы философские, то Вы для меня вполне достаточной и гораздо более приятной аудиторией являетесь, чем публика на открытых собраниях Литературного Кружка. [НВ: II, 75]

Возможно, Беликов снял свою кандидатуру, это требует проверки (в хронике его участие не отмечено). Но, зная его ответственное отношение к любому делу, трудно представить, чтобы он поддался страхам. Вслед за Рерихом он исповедует сознательный оптимизм и верит, что «радость – есть особая мудрость». Это апокрифическое изречение Христа из книги «Листы Сада Мории. Озарение» (V, §11), повторяется и в книге Рериха «Пути благословения» (1924), опираясь на которую Беликов пишет Маховой 25 января 1936 г. (№21) об установке на радость и на ощущение мира как чуда:

Если в любой книге Рериха наугад открыть какую-нибудь страницу, всегда найдешь близкие и разуму, и сердцу слова. <...> «ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован <...> радостью познания новых далей. Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно». <...> «Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо? <...> Держа в руках чудо, она спрашивала, что есть чудо?» (очерк «Пламя» — И.С.) <...> Неразумная птица умеет выражать своим пением радость, <...> а умудренному человеку чувство радости незнакомо <...> больше <...> с нас спрашивается <...> Но ведь:

Сколько б не дал человек, — все мало,
Чтоб пред жизнью погасить свой долг.

<...> кто научится смотреть вдаль, к тому обязательно радость придет. Потому что «радость – есть особая мудрость», а всякая мудрость пользуется большими масштабами <...> если от этих грядущих веков отвернуться, радость станет редким гостем. Ведь ей тесно в миниатюрных рамках наших минутных настроений, мы душим ее своими будничными заботами <...> [От]работав вчера 18 часов на фабрике, я заработал 8 крон, но не радость. Чтобы ее заработать, нужно за ту работу приняться, которая <...> облагораживает человека. [НВ: II, 76–77]

За два дня до мероприятия, в субботу 1 февраля 1936 г., «Вести дня» (№ 26, стр. 2) в объявлении «Русский Литературный кружок в Таллинне» анонсировали заседание, на котором планировалась презентация «Живой газеты» с «передовицей» Беликова:

3 февраля в 8 час. вечера в зале Х.С.М.Ж. [Христианского Союза молодых женщин] (Harju, 48) «Живая газета» Все отделы, кроме экономики. Участвуют: Г. Александров, П. Беликов, П. Богданов, П. Иртель, Ю. Иванова, Б. Новосадов, В. Пейль, А. Ренинг, Н. Роот, М. Роос, А. Севастьянов, Т. Штольценбург. [ПРС: 259]

С Б. Новосадовым и Ю. Ивановой у Беликова сложились довольно близкие отношения (Ю. Иванова будет членом его кружка Живой Этики), с Н. Роотом также будут связи по рериховской линии, В. Пейлем Беликов будет сотрудничать в «Потоке Евразии» (1938).⁵⁴ Во вторник 4 февраля 1936 г., корреспондент «Вестей дня» (№ 28, стр. 2) «— рь» опубликовал отчет «“Живая газета” в Литературном кружке», в котором выделил главную мысль «передовицы» Беликова:

Молодежь Литературного кружка устроила вчера «Живую газету». «Передовую» об отношении <...> к русским классикам <...> навеянную недавно состоявшимся вечером памяти Островского, прочел П. Беликов. Автор утверждал, что одного почитания их мало, нужно ближе подойти к ним, изучать, вникать в их ценность. [ПРС: 260]⁵⁵

Уже 5 февраля 1936 г. (№22) П. Беликов возвращается к переписке с Галиной Маховой и делится своими выводами по итогам прошедшего заседания. Он жаждет освоить литературу, но все же больше его привлекает философия:

Примусь с завтрашнего дня за литературу <...> И Толстым надо заняться, и Достоевским, и Лесковым, и современными — Буниным, Зайцевым, Шмелевым <...> Меня почему-то считают в нашем литературном кружке хорошо знающим не только русскую, но и иностранную, не только классическую, но и современную литературу. Стараюсь своих «коллег» не разочаровывать <...> даже на литературные темы осмеливаюсь передовицы писать <...> Хочется мне основательнее с Рабиндранатом Тагором ознакомиться <...> Приведу Вам маленький отрывок⁵⁶ <...> на предыдущей странице я восхищался красотами

⁵⁴ Тем временем продолжалась переписка Е. И. Рерих с Н. П. Искуль (Рудниковой). 3 февраля 1936 г. в ответ на туманную исповедь о личных переживаниях Е. И. Рерих поделилась такой же неопределенной жалобой на предательство «трех апостатов» (речь идет о махинациях Л. Хорша) [Рерих Е.: IV, 43–44].

⁵⁵ Подробнее освещалась критика А. Р. Реннинга в адрес альманаха «Новь» («Жизнь с ее мучительными вопросами проходит мимо авторов “Нови”»), критиковался избыток стихов, были похвалы: «...стоит упомянуть удачную сатиру А. Севастьянова о Литературном кружке и увлечении темами о покойниках и смерти; забавное международное обозрение Ю. Ивановой, закончившей его таллинскими событиями; местную хронику Т. Штольценбург, темой для которой послужила та же “Новь”. Не обошлось и без <...> театральной рецензии и комических объявлений. Первая “Живая газета” вышла несколько односторонней, <...> г-жа Зиновьева <...> спела несколько романсов» [ПРС: 260].

⁵⁶ Цитируется «Гитанджали» Р. Тагора: «Ты сделал меня другом тех, кого не знал я доселе. <...> Мне тяжело покидать привычный кров, я забываю, что в новом живет старое и что Ты всюду со мной. Сквозь

литературы <...> но не задумываясь все эти красоты я отдал бы за то, чтобы приблизиться хоть на один вершок к великому смыслу Бытия. [НВ: II, 78]

Но это приближение зависит от состояния сознания, которого трудно достичь, хотя в одно мгновение все может преобразиться. Беликов чувствует, что не имеет права на ошибку, но главный критерий истины оказывается не разум, а сердце (тема книги «Сердце» [Сердце]):

Иногда чувствуешь это мгновение совсем близко и все кругом проясняется, иногда же оно кажется невозможным в этой жизни <...> оно должно наступить, это не только моя вера, это — все мое знание, которое обязывает меня жить так, а не иначе и которое упрекает меня за каждую жизненную ошибку, за каждое отдаление желанного момента. <...> они в разбрасываемых <...> мыслях и в дымящей[ся] папиресе, <...> в каждом неправильном поступке, <...> в допускаемом тобою бездействии там, где нужно действовать. <...> И когда гнетут физическая усталость и безразличие, когда мысль притупляется <...> одно остается, прислушаться к сердцу <...> И опять радостью наполняется все твое существо, <...> потому что сердце указало ту цель, которая невидима для глаз. <...> Разум слишком отравлен окружающими нас ложью и пошлостью. <...> Если сердце не прогнило, если хоть одна его струнка вибрирует на явления красоты и блага, то этой стрункой будет спасено все наше существование со всеми его ошибками. [НВ: II, 78]

26 февраля 1936 г. (№23) Беликов рассуждает о том, как сильно влияет мысль на восприятие реальности, цитируя 88-е из писем стоика Сенеки к Луцилию [Сенека: 193]. Возможно, его привлекла в нем тема превосходства философии над «свободными искусствами», о чем Беликов писал как раз накануне. Как и Сенека, он жаждет лучшего:

Наша жизнь и жизнь нашей мысли – это две разные жизни. Но они <...> в большой зависимости друг от друга находятся. <...> Не может жизнь <...> сломить того, чья мысль <...> знает ясно цель своих устремлений. Перед такой мыслью житейские трудности расступаются. «Для меня в грядущем будет обман только в том случае, если я буду избавлен от какого-нибудь бедствия, но и это нельзя считать обманом», — говорил Сенека. <...> Но стоит только маленькому сомнению свить гнездышко в мыслях, как ментально все мухи превращаются в слонов.

Беликова огорчает ничтожность целей, которые ставят перед собой люди. Он, не смущаясь, берет за образец Христа, который предстает идеалом целеустремленности:

<...> люди выбирают <...> подгнивший товарец, соблазняясь дешевкой. <...> Очень охотно мы верим в бессмертие <...> но пожертвовать одним днем, чтобы к этой вечности

рождение и смерть в этом мире или в других мирах <...> Ты все тот же, единственный спутник моей бесконечной жизни, связующий сердце мое узами радости с неведомым. Познавшему Тебя ничто не чуждо. Для него нет закрытой двери» [Там же].

приблизиться, мало кто считает желательным. <...> некогда сделаться вечным! Величайшую задачу разрешил Христос на земле. Кто, кроме Него, мог бы сказать про себя: «Я – путь и жизнь» (Иоанн, 14:6 — *И.С.*). Ведь каждый момент Его земного существования был до предела насыщен земной жизнью и вместе с тем являлся путем от земной жизни к жизни высшей. <...> относительная ценность становилась абсолютной

Беликов считает, что жизнь Христа дает человечеству метод жизни, основанный на том, чтобы само развитие (подготовка) осознается как искомое состояние совершенства:

<...> насытить приготовление самой целью настолько, чтобы первое без остатка во втором растворилось <...> мы сперва пробуем жить, жить «полной жизнью» и, когда убеждаемся, что сия «полная жизнь» оказывается жалкой пародией <...> вспоминаем о подготовке. <...> что для нас труднее – увеличить ли свои хорошие качества или уничтожить плохие? Перед вторым <...> руки от бессилия опускаются. [НВ: II, 80–81]

2.5. Письма весны и лета 1936 г. № 24–27

3 марта 1936 г. (№24) Беликов подробно описывает свое детство и юность (см. 1.3), вспоминает о смерти отца (см. 2.3) и обсуждает педагогическую концепцию А. К. Янсона, одного из виднейших лидеров русского просвещения в Эстонии, иллюстрируя ее примером из уже процитированного письма Сенеки [Сенека: 191] и припоминая рассказ Л. Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно» как образец правильной постановки жизненно важного вопроса, несовместимого с идеей «среднего ученика»:

А теперь я уже четвертый год сижу в Ревеле. В данный же момент даже <...> лежу <...> с насморком, с температурой, а запах роз, вершины Эльбруса, Волга, Петроград, Сыренец, <...> все проходит передо мной. <...> Должен был познакомиться с проф[ессором] Янсоном <...> Янсон указывает, что «среднего ученика» не должно быть. <...> Школьные знания почти сплошь представляют собой <...> мертвые формулы, меньше всего пригодные для жизни. <...> Сенека спрашивал: «Неужели полезнее изучать, где блуждал Одиссей, чем заботиться о том, чтобы не заблудиться самому». И вот в течение двух тысяч лет «средние» головоулки из среды «средних» педагогов считают первое более полезным <...> В детях дошкольного возраста никак «среднего ребенка» не обнаружить <...> изобретатели и вообще люди с ярко выраженной индивидуальностью – были в школах плохими учениками, «ниже среднего уровня». <...> Уроков «доброты», «нравственности», «чести» – нет вообще в школьных программах. Какая-то ничего не говорящая сердцу «этика», какое-то «Римское право», <...> «необязательный Закон Божий» <...> геометрия, которая учит мерить землю, но не учит о том – сколько человеку земли надо. <...> пока школы выпускают «средних людей», наподобие как фабрики выпускают патентованные подтяжки, до тех пор о прогрессе и мечтать не приходится. [НВ: II, 85–86]

На 22 мая 1936 г. в ХСМЖ (Харью, 48), в 20.30 был назначен литературный вечер В. Е. Гущика при участии других писателей, о которых трижды с 21 апреля по 18 мая заранее оповестили «Вести дня», сначала в двух маленьких объявлениях, а затем в небольшой статье. В первом объявлении, еще без точной даты, упоминался И. Северянин, которого во втором (15 мая) сменил Ф. Т. Лебедев, список остальных не менялся: Олег Гущик (стихи), В. Никифоров-Волгин (рассказы), В. Пейль (доклад о Масарике) и П. Беликов (доклад о Н. Рерихе). В рекламной статье «Большой литературный вечер писателя Вл. Гущика» (№ 111, стр. 2) упоминались хорошие отзывы о творчестве Гущика Куприна, Шмелева, Немировича-Данченко, Амфитеатрова и развернуто цитировался отзыв Рериха:

Творчество Вл. Гущика очень сердечно охарактеризовал художник проф. Рерих. <...> «Красота, значительность природы, слеза сердечных осознаний, зерно строительства и поиски героизма делают книги Ваши и близкими, и нужными. Искренность и сердечная непреложность вносят ту убедительность, которая не заменится никакой искусственностью, хотя бы изысканною. Вы не берёте жизнь односторонне, но в её настоящей сложности, и не уходите от простоты. Это так нужно, особенно сейчас, когда сердце, великое сердце человеческое, повелительно требует синтеза, строительства и героизма». [ПРС: 262]

На следующий же день появился отчет И. Николаева «Вечер В. Гущика» («Вести дня», № 115, 23 мая 1936 г., суббота, стр. 2). Николаев интерпретировал успех вечера как результат реализации объединяющих идей Рериха, изложенных П. Беликовым:

Литературный вечер писателя В. Гущика <...> оставил впечатление цельное <...> бодрое. И в рассказах, и в стихах, и в докладах звучали главным мотивом мысли-призывы философа-художника Рериха, о котором сжато и выпукло сообщил П. Беликов: любовь — красота — действие. Любовью к маленькому Сашке и его верному другу <...> аптекарскому псу, пронизан рассказ В. Гущика <...> «Собачий сын». <...> Красота и любовь <...> борются с безобразием и черствостью жизни, и побеждает высшая правда. Умирает Сашкин злой враг аптекарь, а для Сашки и Собачьего сына открывается светлая жизнь. Теми же началами проникнут и другой рассказ В. Гущика «Гиацинт» <...> о жестокой выходке школьников над учителем рисования. <...> В. Никифоров-Волгин прочел два маленьких рассказа: «Максим Каменев» и «После 6 часов вечера». <...> нарисовал <...> трагедию горбуна Вениамина и несчастной Марии, которым на мгновение сверкнула любовь <...> Красота и любовь так переполняют творчество писателя, что даже самодур-богач Каменев не производит отталкивающего впечатления. <...> Приехавший из Нарвы Ф. Лебедев <...> изобразил поистине героический подвиг деревенской молодежи, поднимающей культурную целину в деревне. <...> Интересен был и доклад В. Пейля о Т. Масарике. [ПРС: 263–264]

Видимо, тезисы Беликова об императиве радости и слиянии с вселенским сознанием показались Маховой нивелирующими личность. 31 мая 1936 г. (№25) Беликов попытался диалектически согласовать с этими возражениями свою позицию:

Там, где не учит жизни радость, пусть учат горе и страдания. <...> главное — жизнь, радость же и страдания лишь двигатели ее <...> в беспредельности, каковой жизнь является, безысходность немыслима так же, как и блаженство, заставляющее забыть все сущее. <...> Я иногда даже чувствую как бы биение Космического пульса, перед которым наши личные страдания и радости — сущий пустяк <...> Но Вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что это чувство обезличивает людей. Личность, индивидуальность — в человеке самое главное <...> Знаете такую истину Агни Йоги: «Насколько одна Беспредельность не представляет конкретных последствий, настолько конечность будет умаляющим понятием. Только соотношение этих антиподов составит правильное решение косм[огон]ической проблемы» («Агни Йога», §91, — И.С.) Нельзя же представить себе человечество, закрывая глаза на отдельных людей, и ошибочно думать, будто личное и общее противоречат друг другу. [НВ: II, 88]

Мысль о «беспредельности, каковой жизнь является», видимо, также не показалась Маховой вполне утешительной. 22 июля 1936 г. (№26) Беликов признает, что возможен и другой «идеал»: Дж. Г. Байрон в стихотворении “Euthanasia” (Беликов цитирует перевод И. И. Гольц-Миллера, возможно, по венгеровскому изданию 1904 г.) также мечтает о небытии, как и возлюбленная Корнета Елагина из рассказа Бунина, но эта позиция для Беликова этически неприемлема как проявление трусости и малодушия:

Знаете у Байрона строфу: «...сочти все радости, что на житейском пире из чаши счастья пришлось тебе испить, и согласись, что кем бы ни был ты в сем мире, есть нечто более отрадное – не быть»? <...> «не быть» не раз соблазняло меня в минуты малодушия, но теперь <...> считаю трусостью отвергать бессмертие. <...> Ведь «не быть» гораздо легче, чем «быть» – как Вы, Галя, думаете? [НВ: II, 89]

В последнем из известных писем к Маховой от 26 июля 1936 г. (№27) Беликов знакомит будущую жену с самим понятием Агни Йоги и объясняет, в чем преимущество науки (а, следовательно и оккультного миропонимания) перед философией. За полтора года «оккультизм» и «спиритизм» в его понимании разошлись, но осталось много неясного, и Беликов готов корректировать теорию с учетом новых данных экспериментальной науки:

Философию я очень люблю, занимаюсь ею <...> но <...> отдаю предпочтение экспериментальной науке. <...> свое мировоззрение я не согласен строить на теориях, созданных путем логических рассуждений. <...> я беру факты и из них уже вывожу теорию, которой заполняю недостаток фактов <...> много еще буду делать поправок в

своих теориях, ибо познание новых фактов их обязательно изменяет, но без теорий нельзя обойтись <...> надо знать, в каком направлении следует искать факты. [НВ: II, 90]

Подход Беликова безупречно научен, что и обеспечило ему в дальнейшем возможность писать научные труды. Единственное, в чем он расходится с господствующими научными представлениями, это — в попытке соединить научную картину мира с религиозной. Неожиданно для себя Беликов оказался последователем многовековой традиции, которая благодаря Элифасу Леви (А. Л. Констану) с середины XIX в. стала называться «оккультной», то есть тайной. Наука исследовала тайны природы, а религия приобщала к тайнам незримого мира. Оккультисты попытались религиозные тайны исследовать как научные. Результаты получались противоречивыми, и Беликов признает это, объясняя так:

Поверить мало, надо узнать. <...> Конечно, мое мировоззрение не есть исключительно мое. Очень многие останавливаются на оккультном миропонимании. Но оно столь широко, что требует индивидуального подхода <...> В нем нет одного закона для всех, нет догматических доктрин, оно <...> эластично, как сама жизнь, главное его положение то, что <...> жизнь есть свободное творчество, жизнь, как мысль, создает рациональное и нерациональное разнообразие предметов и явлений. <...> оккультные науки требуют индивидуальности <...> поэтому <...> последователи оккультных наук очень противоречат друг другу. <...> На более высоких степенях противоречия, конечно, исчезают, но <...> нельзя познать всего сущего <...> Меняя формы и состояния, все сущее может совершенствоваться без конца <...> [НВ: II, 90-91]

Таким образом, расхождения вызываются и изменчивостью самого «сущего», и необходимостью индивидуального подхода, то есть элементами творчества на двух уровнях. Предпосылки адогматического восприятия мира по Беликову, который опирается на Агни Йогу («Листы Сада Мории. Озарение», IV, 8), чрезвычайно напоминают принцип остранения по В. Б. Шкловскому: «Помните, я Вам читал из маленькой книжки: “Взгляните на небо, как бы в первый раз”» [НВ: II, 91]. «Оккультные науки» оказываются тесно связанными с искусством, с художественным мышлением.

Беликов предлагает краткую «историографию» своего подхода и объясняет выбор Агни Йоги в качестве своего основного ориентира:

Оккультизм развивался как на Западе, так и на Востоке. Восток <...> сохранил оккультные науки в более чистом виде <...> Западный <...> ударился в полумошенническую магию, в последние же времена — в <...> спиритизм. С конца прошлого века Восток пошел на помощь Западу <...> Особенно этому помогла Агни Йога. Агни Йога давалась с 1929 по 1934 год, и в нее входят как древнейшие забытые нами истины, так и новейшие научные открытия. В Агни Йоге я и черпаю, главным образом, сведения для своего мирозерцания

<...> она дает факты, а не предположения, в ней не доказывается бессмертие души, а изучаются законы Тонкого Мира, правильность которых можно проверить и здесь на земле <...> [НВ: II, 91]

Канон Агни Йоги — это 14 книг, анонимно издававшихся с 1924 по 1937 г. В основном это — выдержки из дневников Е. И. Рерих, которые она вела с 1920 г., но в первых книгах были и тексты других членов семьи. Елена Рерих писала под множеством псевдонимов, а анонимность первых книг была связана, по-видимому, с коллективным авторством. Беликов оказался квалифицированным и благодарным читателем этой литературы и по мере сил пытался разъяснять ее другим, включая В. Е. Гущика:

Но не буду Вам сейчас объяснять Агни Йогу <...> ее надо изучать самому <...> помочь Вам могу с удовольствием <...> Я бы и теперь мог послать книгу из серии Агни Йоги <...> но только думаю, что Вы ее не прочтете. <...> Года 4 тому назад и я не стал бы ее читать <...> пример — Гущик. Человек вполне культурный и многознающий, через него я и получил все книги по Агни Йоге, но сам он прочел только первые 3 книги и то за объяснениями ко мне обращается <...> слишком много противоречий у него получается, потому что подготовки не было. Между тем он был в личной переписке с Рерихом <...> нельзя ничему научиться, не приложив для этого трудов со своей стороны. [НВ: II, 91–92]

На этом «начальный курс» Живой Этики для будущей невесты Беликов закончил, но занятия продолжатся уже в Таллинне, когда Беликов организует собственную группу по изучению Агни Йоги.

Глава 3.

П. Ф. Беликов и рериховские группы в Таллинне

3.1. Начало переписки Беликова с Рерихом (1936)

4 августа 1936 г. Р. Рудзитис сообщал Рериху, что пошлет в Литву и Эстонию статью «Горький», написанную на смерть писателя (18 июня 1936 г.).⁵⁷ Именно этот очерк позволит П. Ф. Беликову позднее опубликовать статью «Рерих и Горький» в тартуском «Горьковском сборнике» [Беликов 1968]. Члены Латвийского общества продолжают бывать в Эстонии: Рудзитис упоминает визит в Таллинн Ф. А. Буцена (Teodors Bucens), который встречался с неизвестной нам М-ме Ким. В свою очередь Е. А. Зильберсдорф из Даугавпилса посетил Н. П. Рудникову и расспрашивал о ней у Е. И. Рерих, которая 14 августа 1936 г. сформулировала свое отношение к поэтессе, доброжелательное, но сдержанное: «Пусть каждый расцветает на своем лугу» [Е.Рерих: IV, 314].

Узнав о выступлении Беликова на вечере Гущика 22 мая 1936 г. (скорее всего от самого Гущика, который не преминул бы послать Рериху для отчета вырезку статьи И. Николаева), Н. К. Рерих заинтересовался Беликовым и, вероятно, когда здоровье молодого человека вновь ухудшилось, он решил его поддержать, послав свои пожелания здоровья в письме от 5 октября 1936 г., которое начинается обращением «Дорогой Павел Федорович!»:

Шлю Вам искренний привет и желаю, чтобы здоровье Ваше окрепло. Все тонко настроженные духовно, <...> страдают и телесно в наше неслыханно напряженное время. <...> Но сердце человеческое давно решило все о земной жизни. В сердце человек знает все, но не может претворить в плотном слове. В искусстве иногда вспыхивают искры прозрений. Недаром именно творчество от древнейших времен, от Вед незапамятных, считалось связью с Высшим. Пьете ли Вы валериановый чай? <...> По чайной чашке <...> перед сном. Вместе с сердечным приветом шлю Вам несколько последних открыток и мысль с пожеланием всего Светлого. Бандеролью пошлю Вам мою последнюю книгу «Врата в Будущее». Да пошлет Вам Преподобный Сергей силы и здоровье. [НВ: I, 118]

На молодого философа этот внезапный подарок произвел оглушительное действие. Скорее всего, он ответил Рериху сразу по получении письма или писал его некоторое время, чтобы задать все нужные вопросы («Вы спрашиваете, как понимать Абсолют», — пишет Рерих во втором письме к Беликову [НВ: I, 118]). Но ответ свой художник

⁵⁷ 10 декабря 1936 г. Рудзитис перечисляет адреса, по которым он рассылал книги Рериха и свои две книги. В Эстонии это — А. Миллер и В. Пятс. Среди адресатов упомянуты: Вс.Иванов, Н. Бердяев, В. Зеньковский, Д. Мережковский, А. Ремизов, Б. Зайцев, Г. Гребенщиков и др.

«несколько задержал» и прислал его уже в следующем 1937 г., через три месяца и десять дней после первого.

В декабре литовское рериховское общество обратилось к своему правительству с меморандумом (66 подписей), призывающим рассмотреть и принять Пакт Рериха на конференции Министерств иностранных дел Балтийских государств 9–14 декабря 1936 г. в Риге. Ближе к концу года, Рерих решил поддержать своих прибалтийских сотрудников и 20 декабря 1936 г. написал письмо «Эстонскому Союзу Академических художников», приложив к нему мемуарный очерк «Эстония» и свой портрет работы сына Святослава.

14 декабря 1936 г., когда министерская конференция в Риге заканчивалась, Павел Беликов прочел свой очередной доклад в Литературном кружке, на этот раз — «Русская литература до А. С. Пушкина. Поэзия Г. Р. Державина». Анонс мероприятия появился за два дня до этого, 12 декабря 1936 г., в газете «Вести дня» (№ 284, стр. 2):

14 сего декабря в помещении Христ. Союза Молодых Женщин (Pikk, 67) состоится <...> собрание <...> Русского Литературного кружка. Докладчик П. Ф. Беликов: Русская литература до А. С. Пушкина. Поэзия Г. Р. Державина. Начало в 8 ½ ч. [ПРС: 264]

Конспект доклада, подписанный —рь, появился на следующий день, 15 декабря 1936., в виде статьи «В Русском Литературном кружке» («Вести дня», № 286, стр. 2). Видно, что Беликов, несмотря на молодость, уже заработал себе определенную репутацию:

Очередное собрание Русского Литературного кружка было посвящено вчера предшественнику Пушкина — Г. Р. Державину. Молодой докладчик П. Беликов сделал очень содержательное сообщение. Предшественниками Пушкина являются и Батюшков, и Ломоносов, и Жуковский, но Державин во многих отношениях заслуживает быть названным первым русским поэтом. В смысле службы и карьеры жизнь его сложилась неудачно — этому помешал его открытый характер, его стремление обличать неправду, непорядки и пороки; не удалось ему в молодые годы проявить своего таланта. Лишь после неудавшейся военной службы он серьезно отдался писательству, и одним из более значительных его произведений была «Ода на смерть кн. Мещерского». Подлинную славу Державину дала его «Фелица». Екатерине Великой она очень понравилась <...> это первые смелые шаги натурализма в русской литературе, которыми был нанесен удар французскому ложно-классицизму. [ПРС: 265]

Автор заметки отметил и полемические моменты доклада:

Державину ставят в упрек его склонность льстить. Но докладчик отвергает этот упрек: наоборот, Державин всегда бичевал пороки, ему близка была сатира. Поэт не находил в жизни тех высоких идеалов, которыми была полна его душа, а поэтому склонен был преувеличивать добродетель там, где ее встречал, но это не было лестью. Считали его и

«придворным поэтом». Но и это звание докладчик отвергает, указывая, что Державин в силу своей прямоты никогда не мог сделаться придворным поэтом. В дальнейшем Державин увлекся господствовавшей на Западе религиозной поэзией, и ода «Бог» является величайшим художественным образцом этого вида литературы, отличаясь неподражаемой динамикой и картинностью. Державин — сложный поэт, не поддающийся сухому анализу. Особенно велико историческое значение его поэзии. Отличается он самобытностью мысли, но, по мнению докладчика, не нашел себя до конца, ибо ему мешала среда, не было у него почвы, не было еще читателя. Державин сумел оценить юного Пушкина <...> «Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил». Доклад был иллюстрирован чтением отрывков из од Державина. [Там же]

В архивных материалах П. Ф. Беликова сохранилось нигде не опубликованное патриотическое стихотворение Бориса Новосадова «Ни глад, ни кары, ни крамола...» (1936) — о судьбах Руси, пережившей множество испытаний, но сохранившей свою богоизбранность. Вероятно, именно в 1936 г. благодаря частым выступлениям Беликова в Литературном кружке между ним и Новосадовым, также увлеченным философией, завязалась дружба. Беликов, в свою очередь, не оставлял и стихотворных упражнений.

Стихотворная миниатюра Беликова «В минуты близости ты нежной лаской...» (1937) подчеркнуто гармонична: это проявляется и в лаконизме, и в ясной строфической структуре, в использовании ямба и наиболее нейтрального типа чередований клаузул АbАb. Единственный вариативный регистр — длина стиха, и Беликов искусно сокращает ее на протяжении восьми строк (Я5454 4443), передавая тем самым ощущение утраты — «невысказанных слов» — в самой короткой строке, состоящей всего из двух слов:

В минуты близости ты нежной лаской
Умела заменять слова,
Твоей любви запутанная сказка
Казалась ясной для меня.

Но долгие часы разлуки
Тебя уносят в царство снов.
И сердце вновь томится мукой
Невысказанных слов. [Архив П. Ф. Беликова]

В двух строфах обыгрывается тема молчания героини, которое наполняется разным смыслом: сначала — «ласками», рассказывающими свою «запутанную сказку», затем (в разлуке) — «снами» и «мукой». Примечательно, что стихотворение обращено, по-видимому, к Г. В. Маховой, которая теперь находится гораздо ближе, уже не в Тарту, а в Таллинне. Если раньше Беликов писал письма с большими перерывами (хотя мы не знаем

всей переписки), то теперь «долгими» ему кажутся уже «часы разлуки» — не дни, не недели и не месяцы. Скоро они уже не смогут жить друг без друга и в 1938 г. поженятся.

В самом начале 1937 г. у Рериха появляется в Эстонии новый корреспондент и пылкий поклонник Алексей Долгошев, более известный под поэтическим псевдонимом Алексис Раннит. Свое письмо, адресованное «Академику Н. К. Рериху», от 4 января 1937 г. он начинает словами «Великий Учитель!». Раннит решил откликнуться лично на письмо Рериха «Эстонскому Союзу Академических художников»:

Ваше письмо <...> принесло нам всем <...> чувство глубокой, несказанной радости. <...> В дни кровавых событий на Востоке и Западе, «когда трудно жить и больно дышать» (Сологуб) — Ваше Светлое Учение золотым лучом освещает серость дней наших. <...> Так как я поэт-символик, то не могу забыть тех мгновений, когда мне приходилось прикасаться духом к Вашим великим произведениям. [ПРС: 80]

В знак «вечной преданности и любви» Раннит посылает Рериху свой сборник «Akna raamustused» — «В переплете окна» (перевод автора) и просит разрешения («был бы просветленно рад, если бы Вы дали свое благословение») прочесть лекцию о Рерихе и написать о Рерихе как «художнике слова» в «самой большой и влиятельной газете» Эстонии «Räewaleht», где Раннит служит редактором литературно-художественного отдела и где уже вышла юбилейная статья Р. Рудзитиса (юбилей творческой деятельности Рериха будет отмечаться 10 октября 1937 г.). Но для этого нужны книги и репродукции. Очерк «Эстония» с репродукциями написанных в Эстонии картин будет напечатана в журнале «Kunst», а письмо к союзу с портретом автора — там же и в «Kaunis Kodu». Раннит просит также прислать пару репродукций с надписью:

1) мне, 2) композитору Генриху Фейшнеру, 3) живописцу Борису Линде, 4) художнице m-lle Hedda Hakker-Under (дочери величайшей фигуры эстонской поэзии Марии Ундер) — это мои личные близкие сердцу друзья, которых я хотел бы озадачить Вашим незабвенным даром. [ПРС: 81–82]

Заканчивается письмо патетическим пассажем с некоторыми характерными для Раннита «преувеличениями» («Ваше великое учение приведет к тому, что все познают все...»).⁵⁸

⁵⁸ «Я уже много лет переписываюсь с К. Д. Бальмонтом (в действительности, с 1937 г. — *И.С.*) и письмо Ваше мне еще раз показало, как глубока и велика этическая культура Русских людей. Я неизменно верю, что Ваше великое учение приведет к тому, что все познают все. Что все пройдут сквозь безумие, сквозь экстаз, сквозь чудо ради очищения духовного. Что все будут пробиваться к вершинам, что все будут попирает их ногами и что все станут выше вершин. Верю, что истинно отчаявшиеся спасутся и обретут это. Их тяжелые кандалы станут орлиными крыльями! От имени всех Вас неизменно любящих в Эстонии, А. Раннит» [ПРС: 82].

15 января 1937 г. Рерих пишет свое второе письмо Беликову, обращаясь уже более сердечно и неформально «Дорогой мой П. Ф.». Письмо начинается с долей юмора, поскольку Рерих сообщает, что задержался с ответом «на Ваше милое письмо» из-за книги Рудзитиса «Культура», которая пришла из Латвии в Индию, а теперь из Индии отправляется в Эстонию («так путешествуют по миру мысли человеческие»). Отвечая на вопросы, Рерих разъясняет, «как понимать Абсолют» («как само слово подсказывает — Все во всем и Все от Него. <...> подразделений ставить не следует. Главное человеческое несчастье — в надстройках условных комнатушек, чем шире — тем лучше» [НВ: I, 118]), объясняет детали оформления рижских изданий (индийское слово на обложке означает «Агни», то есть Огонь, а по-латышски «Угунс»).

Вопросы о первых томах трехтомника А. И. Клизовского «Основы миропонимания Новой Эпохи» [Клизовский], трактующих идеи Агни Йоги, Рерих предложил переадресовать автору издания и сообщил его рижский адрес. Но добавил от себя, что не надо делать «разделительных выводов» («например, почему пол должен являться таким непреходимым условием в воплощении», поскольку андрогинность все еще встречается). Видимо, подхватывая мысль из письма Беликова, Рерих пишет:

Вы совершенно правы, что прежде всего нужно искать Высший Свет, но находить его <...> через свое сердце. Утончая свое сознание, люди достигают и расширения его. Сейчас особенно необходимо дружелюбие в общечеловеческом понимании. Человечность во всем мире сейчас страдает. [НВ: I, 119]

Рерих сообщает о выходе в Риге книги «Аум» про значение «психической энергии»:

Это не <...> вредный психизм. <...> психическая энергия имеется в каждом человеческом организме и должна быть обережена всеми лучшими помыслами <...> это не отвлеченность, но профилактика каждого дня, когда с утра до вечера человек сеет или добро или зло. [НВ: I, 119]

К концу января письмо должно было достигнуть Таллинна, и почти год Беликов писать не осмеливается (до 22 октября 1937 г.), пока не появится большой повод в виде юбилея творческой деятельности Рериха и конгресса рериховских обществ в Риге 10 октября с последовавшими отзвуками в прессе и в культурной жизни Эстонии.

29 января 1937 г., возможно, одновременно с получением письма Рериха, Беликов мог прочесть цитату из письма Рериха сотрудникам пражского Русского музея (скорее всего, В. Ф. Булгакову) в интервью с известным архитектором и литератором А. И. Владовским — «Вести дня спрашивают: какие русские художники в Эстонии

представлены в Русском музее в Праге? Беседа с представителем музея А. Владовским»⁵⁹ («Вести дня», № 23, пятница, стр. 2):

Недавно получены из Индии от академика Н. К. Рериха две картины из гималайской серии — «Эверест» и «Канченджунга», а также портрет художника. В своем письме музею Рерих, между прочим, пишет: «Каждое собрание культурных ценностей особенно нужно сейчас, когда столько смятения в мире». [ПРС: 267]

20 марта 1937 г. Е. И. Рерих известила нью-йоркских сотрудников, что Нина Рудникова возглавила новую группу последователей Живой Этики в Эстонии «Солнечный Путь» [Е. Рерих: V, 75]. Между тем Рудзитиса в преддверии Балтийской конференции (Каунас 29 апреля) волновало, как продвинуть на ней идею Пакта Мира (31 марта 1937 г.) при отсутствии в Эстонии официального общества Рериха:

Самый трудный вопрос с Эстонией, так как там нет ни общества, ни группы, имеющей офф. связь с движением Н. К. По совету А[лексея] Миллера (Таллинн), который читает со своими друзьями книги Учения, мы обратились к Э. Таске, бывшему ученику <...> Н. К., родственнику министра Пятса, он [Пятс] <...> собирался основать общество им. Н. К. <...> Мы просили его взять на себя инициативу собирания подписей эстонских общественных деятелей под меморандум, который <...> должен был быть подан министру иностранных дел Эстонии <...> ответа еще не получил <...> поедом в Таллинн. [Письма с гор: I, 342]⁶⁰

В субботу 24 апреля И. Г. Блюменталю и Г. Ф. Лукину⁶¹ удалось встретиться с В. Пятсом, о чем Рудзитис записал в дневнике в понедельник 26 апреля 1937 г.:

В субботу пришла телеграмма из Таллина: «Благополучно!» <...> ночью явились домой и оба наших друга. <...> Таска <...> позвонил Вл. Пятсу, вице-министру просвещения <...> Пятс — приятный, культурный, простой, но энергичный человек. <...> решил подписать французский меморандум, пригласил и директора Эстонского музея, и еще директора какого-то иного музея. <...> обещал и 27 апреля, когда состоится заседание

⁵⁹ Объяснив задачи музея и представив его сотрудников («заведующий музеем — В. Ф. Булгаков, писатель и секретарь Льва Толстого»; он же корреспондент Н. К. Рериха), Владовский сообщает о картинах художников из Эстонии (своих, М. Бек-Мармарчевой, Е. и К. Гершельманов, А. Гефтлера, А. Кайгородова и В. Пархоменко-Борхарт) и картинах других художников (Репина, Билибина и т.д.).

⁶⁰ О контактах с Таллинном Рудзитис также сообщал: «<...> недавно нас навестила одна немецкая дама из общества психических исследований в Таллинне. Шмидт-Юргенс <...> обладает даром автоматического письма и ясновидения» [Письма с гор: I, 343].

⁶¹ 10 мая 1937 г. Е. И. Рерих благодарил секретаря рижского общества Г. Ф. Лукина: «Радовались Вашему успеху и находчивости во время поездки в Эстонию. <...> Вы уже получили извещение об основании Н. П. Рудниковой нового Общества «Солнечный Путь». Сомневаюсь, чтобы она была полезна в деле Пакта. Хотя <...> могла бы собрать около себя наикультурнейших людей...» [Е. Рерих: V, 102].

Художественного совета <...> собрать подписи под меморандумом, который будет вручен Эстонскому правительству. <...> 23 апреля мы подписали французский меморандум, 24-го — подписали в Эстонии, 25-го — в Литве» [Рудзитис: 339].

Видимо, 27 апреля подписи были собраны Пятсом, и 28 апреля 1937 г. в газете «Вести дня» (№ 94, среда, стр. 1) вышла статья «Эстония присоединилась к Пакту Н. Рериха»:

Вчера в Таллинне состоялось собрание представителей при управлении капиталом изобразительных искусств. <...> Единогласно решено присоединиться к так называемому «Пакту Рериха». [ПРС: 268]

6 мая 1937 г. газета «Сегодня» также сообщала о переданном председателю предстоящей Балтийской конференции министров иностранных дел коллективном меморандуме, подписанном «группой инициаторов в Таллинне с вице-министром образования В. Пятсом во главе» и правлениями обществ в Риге и Каунасе («С. Лазорайтису передан меморандум о “Знамени мира Рериха”»). Но еще 18 мая 1937 г. Рудзитис волновался:

Блюменталь⁶² едет 20.V по делам службы в Таллин <...> обратится к В.Пятсу и другим <...> в связи с Пактом. Пятс <...> не сообщал о том, передан ли эстонский меморандум <...> собраны ли подписи. Кайгородову я послал свои книги... [Письма с гор: I, 385]

Во вторник 25 мая 1937 г. Рудзитис записал в дневнике:

Блюменталь только что вернулся из Таллинна <...> Пятс подал в министерства просвещения и иностранных дел предложение с подписями художников — членов Художественного совета. <...> Учреждать Общество Рериха он все же не берется, сейчас будто бы нет времени, но охотно поддержит, если кто-то иной возьмется. Затем Блюменталь беседовал со знакомым Н. К. — художником Кайгородовым. Тот в восторге от искусства Рериха и его идей относительно культуры. Но еще словно чего-то боится. Он антропософ, его мать — немка. Он обещал собрать кружок для организации Общества Рериха, но играть главную роль в нем не хочет. <...> Шклявер пишет из Парижа, что он говорил с литовскими дипломатическими представителями, и они поддерживают идею Пакта. Симпатизирует и жена [министра] Лазорайтиса, она будто бы разошлет литовским женским организациям воззвание по поводу Пакта. [Рудзитис: 340]

14 июня 1937 г. Рерих написал А. Д. Кайгородову письмо, затронув и темы ненужной конкуренции пост-теософских групп и шовинизма («люди иногда впадают в шовинизм и думают, что культур очень много и что их культура непременно самая лучшая»):⁶³

⁶² Иван Георгиевич Блюменталь — член правления Рижского музея им. Рериха.

⁶³ Рудзитису Рерих писал откровенней о Кайгородове (15 июня 1937 г.): «...не делаю себе особых иллюзий <...> но <...> нужно по возможности всех удержать в дружелюбных настроениях» [Письма с гор: I, 405].

Очень рад был я услышать о Вас добрые вести от наших рижских друзей. <...> Мы много читали по антропософии <...> В Таллинне должны быть ученики нашей Школы Общества поощрения художеств. <...> Мне кажется, что в Таллинне живет и Н. Ф. Роот. Он ведь был целый ряд лет преподавателем нашей Школы. В газетах мелькнуло известие о его юбилее <...> передайте ему мой привет. <...> В этом году уже сорок лет окончания Академии всей нашей Мастерской Куинджи, <...> пятьдесят лет моей археологической и художественной работы. <...> духовно мы всегда считали Вас своим. Каждый, кто так или иначе впитал руководство Архипа Ивановича, уже становился носителем его незабвенных идеалов. <...> вспоминаю и серебристые башни Таллинна, и Гапсаль с призраком белой дамы, и Ивангород с трагической легендой под волнами Наровы. [Письма с гор: I, 406–407]

29 июня 1937 г. Рерих писал Рудзитису по поводу участия Эстонии в назначенном на 10 октября юбилейном конгрессе рериховских обществ в Риге:

Отрадно читать, что <...> [Е. А.] Зильберсдорф с экскурсией направился в Эстонию <...> писатель Гущик <...> написал З. Г. Лихтман неповторяемо грубое письмо. При обществе «Витязь» был наш отдел, а затем <...> это обстоятельство растворилось. <...> Если из Эстонии никто не сможет лично приехать, то ведь можно иметь два-три письменных обращения <...> [Письма с гор: I, 407–410]

1 июля 1937 г. в «Сегодня» (№ 177) вышла заметка «Пакт “Знамени мира Рериха”» о том, что Балтийской конференции министров иностранных дел был передан на обсуждение Пакт «Знамени мира Рериха», и что среди подписавших меморандум — эстонский «вице-министр образования В. Пятс» [ПРС: 269–270].

Среди сочувствующих Рериху в Эстонии была и Екатерина Федоровна Гагемейстер из «Общества психических исследований», но Рудзитису она не показалась возможным лидером, и Рерих с ним согласился (7 октября 1937 г.), сожалея о «разнобое» в Таллине.⁶⁴

3.2. Рижский музей и юбилейный конгресс (1937)

В октябре в Риге был открыт музей им. Рериха и состоялся международный конгресс по случаю 40-летия его академической и 50-летия художественной и научной деятельности. Эстония направила на конгресс Йоханнеса Гренберга (Johannes Greenberg, Gremberg).⁶⁵

⁶⁴ «Гагемейстер из Таллинна, вероятно, вообще слабо себе представляет все происходящее, и Вы совершенно правы, что в Таллинне можно говорить об Обществе, подобном Вашему, но никак не о секции при Обществе психических исследований. <...> в Таллинне существует какой-то разнбой. Имеются добрые люди вроде Кайгородова, Таски, Цейдлер (Клары Федоровны) и несколько наших бывших учеников, но между ними, видимо, нет контакта» [Письма с гор: I, 503–505].

⁶⁵ 18 октября 1937 г. Рудзитис сообщал: «Из 9 произведений эстонских художников Кайгородова, Нимана, Янсена полагаем приобрести один этюд <...> мы разослали 600 печатных приглашений <...> 50 в

Конгресс постановил создать при каждом обществе им. Рериха в Балтийских государствах комитеты Пакта Рериха.

Накануне, 8 октября 1937 г., в *Räewaleht* (№ 273, стр. 4) вышла статья А. М. «Академик Н. К. Рерих как художник и носитель культуры». ⁶⁶ 9 октября 1937 г. аналогичная статья «Торжество, устраиваемое в Риге в честь Рериха» появилась в *Esmaspäew* (№ 41. С. 3). ⁶⁷ 10 октября 1937 г. газета «Сегодня» (№ 278. С. 14) объявила: «Сегодня — открытие музея имени Рериха в Риге». ⁶⁸ На следующий день, 11 октября 1937 г., газета (№ 279) отчиталась о прошедших мероприятиях: «Вчера состоялось торжественное открытие Музея имени Рериха. Съезд обществ имени Рериха в Балтийских странах»: ⁶⁹

Председатель о-ва Р. Рудзитис при открытии произнес речь, в которой обрисовал Н. К. Рериха как неустанного борца за красоту, знание и культуру. <...> Этот подход к искусству вытекает из веры в мессианское назначение искусства. Задача искусства — дать человечеству потерянное единство, ибо искусство <...> является международным языком

Эстонию <...> Особое обращение мы послали главам государств и министрам иностранных дел Литвы и Эстонии. <...> Нина Рудникова в последнюю минуту прислала телеграмму, что не сможет приехать <...> приехал <...> офф. представитель эстонского художественного фонда и посланник вице-премьера Вольдемара Пятса – художник Йоханнес Гринберг, человек симпатичный и культурный» [ПРС: 94]. Написание «Гринберг», видимо, — ошибка под влиянием английского языка, оба варианта встречаются, даже в одном тексте.

⁶⁶ Перевод А. Г. Николаева: «10 октября в Риге одновременно начинает работать Конгресс обществ имени Н. К. Рериха и открывается Музей Н. К. Рериха. <...> оба торжественных события приходятся на день, когда исполняется 50 лет творческой деятельности академика Р[ериха] в области искусства, науки и литературы <...> приедут <...> заместитель министра образования В. Пятс, художники Ниман, Кайгородов, <...> Н. Иксуль и др. <...> К открытию музея в Риге выходит из печати монография Н. К. Рериха, на русском, английском, французском, латышском и других языках <...>» [ПРС: 270–271].

⁶⁷ Перевод А. Г. Николаева: «...из Эстонии в Ригу приедет помощник министра образования В. Пятс, художники Ниман и Кайгородов, а также Н. Иксуль от имени эстонского метапсихического общества, и другие. Э. Таска, Кайгородов и другие деятели искусства помнят академика Н. К. Рериха еще с тех времен, когда он являлся профессором Петербургской Академии художеств» [ПРС: 272].

⁶⁸ «Сегодня в помещении о-ва друзей Музея Н. Рериха в Латвии (Елизаветинская ул. 21-а, кв. 7) состоится торжественное открытие музея имени Рериха. В музее собрано около 60 работ <...> академика Николая Рериха и его сына Святослава. <...> Тут же произойдет чествование Н. К. Рериха по случаю 40-летия его академической и 50-летия его художественной и научной деятельности» [ПРС: 273].

⁶⁹ 11 октября 1937 г., в газ. «*Jaunakas Zinas*» (№ 230, стр. 5) вышла заметка «Открыт новый музей картин». Перевод А. Хартманиса: «Общество друзей музея Рериха вчера на улице Элизабетес 21-а открыло музей, в котором собраны 45 оригиналов картин Рериха. <...> Р. Я. Рудзитис высказал благодарность президенту страны д-ру Карлису Улманису <...> Д-р Г. Ф. Лукин прочёл 120 поздравлений <...> Поздравления прислали и президент Литвы <...> Управление фонда культуры Эстонии...» [ПРС: 276].

и мостом между сердцами. <...> Рерих всю свою жизнь посвятил <...> идее «Искусство для всех». <...> В среде известных художников Латвии имеются ученики Рериха и товарищи его по Академии <...> секретарь о-ва Г. Лукин познакомил со списком лиц, приславших приветствия <...> числом более 120. <...> присутствовали представители культурного мира Латвии и некоторые представители дипломатического корпуса. <...> в 3 часа дня начался съезд о-в имени Рериха в Балтийских странах. [ПРС: 274]⁷⁰

Конгресс постановил отправить приветственные телеграммы президентам прибалтийских республик, А. Сметоне, К. Ульманису и К. Пятсу. Год спустя в «Золотой книге» (*Zelta grāmata*. Rīga, 1938) были опубликованы все приветствия из Эстонии:

[А. Раннит]: «От имени “Союза Эстонских Академических Художников” имею радость поздравить Вас — Великого Рыцаря Духа — с Вашим блистательным юбилеем. Союз просит передать свое благоговение перед глубоким откровением Вашего творчества с верою в реальное осуществление Пакта Мира. <...> эстонские художники никогда не забудут Ваших великих Учений»; [А. Кайгородов]: «Прошу Вас передать <...> мой сердечный привет и поздравление ко дню открытия музея в Риге. <...> Пошлем наши светлые мысли к подножию Гималаев...»; [Н. Роот]: «Очень прошу Вас присоединить и мое искреннее восторженное поздравление <...> как высокочтимому юбиляру с супругой, так и Вашему Обществу»; [Н. Роот, П. Богданов]: «Старейшая русская организация в Таллинне — Русский Литературный Кружок, уделяла часть своего рабочего времени творчеству и деятельности Николая Константиновича Рериха. <...> правление Кружка просит Вас передать юбиляру сердечный привет»; [К. Цейдлер]: «Мысленно нахожусь с Вами <...> приветствую Общество, объединяющее нас всех, которые знали Н. Рериха...» [ПРС: 304–305].

12 октября 1937 г. в газете «Сегодня» (№ 280) появилось еще две публикации на рериховскую тему. Петроний (П. М. Пильский) опубликовал статью «45 работ академика Н. Рериха в Риге. На открытии музея имени Рериха».⁷¹ В том же номере появилась и

⁷⁰ Из эстонских приветствий было отмечено приветствие от художника А. Кайгородова (Эстония). Названы также приветствия от президента А. Сметоны и посла Савицкого (Литва), кн. Беанки де Медичи и объединения французских поэтов (Франция), писателя Г. Гребенщикова (США), В. Булгакова (Чехословакия), международной женской лиги свободы и мира, биософического института (Нью-Йорк), Е. Писаревой и психосинтетического института (Италия), музея Торвальдсена (Швеция), экс-министра С. Т. Омаршевского (Болгария), Р. Тагора и международной студенческой организации им. Рериха (Индия).

⁷¹ «Древняя, мистическая жизнь <...> видится не только в картинах, отражающих Гималаи, Тибет, Монголию, но и в приближенном к нам мотиве «Святой Прокопий отводит тучу от града Устюга», в «Часовне св. Сергия». Символичен «Град обречённый» <...> представители всех Балтийских государств <...> еще раз напомнили о великой, непобедимой силе <...> идеалистических стремлений и надежд»

статья «Брошюра Р. Рудзитиса об акад. Н. К. Рерихе на английском языке», посвященная «талантливому латышскому поэту Рихарду Рудзитису».⁷² Реклама музея появилась там же и 14 октября 1937 г. (№ 282).⁷³

20 октября 1937 г. в газете „Uus Eesti” (№ 285, стр. 6) появилась статья «Художник Николай Рерих и Эстония» под инициалами Й. П. Как явствует из письма Раннита Рериху (25 марта 1938 г.), они принадлежали «самому выдающемуся художественному критику» Яану Перту (Jaап Pert, 1899–1953). Цитируем в переводе А. П. Беликовой:

О 50-летнем юбилее творческой деятельности <...> Николая Рериха вспоминали во многих странах <...> представители нашего общества художников отправились в Ригу на одноименный конгресс <...> в честь Рериха еще при жизни открывается музей в Риге <...> в Нью-Йорке <...> во всем мире действует около 80 одноименных обществ <...> одно из них — в Эстонии. <...> по всему миру распространяется духовность и культ Рериха, которые в некоторой степени охватывают и нас. <...> когда-то предки Рериха перебрались в Петербург с островов Финского залива, вероятно с острова Кыргесаар <...> Рерих <...> посещал <...> Изборск, Печоры и Таллинн <...> Хаапсалу и написал несколько десятков картин, где он изобразил жизнь Эстонии <...> он изображает Балтийское море как море варягов и викингов, использует народное эстонское и финское творчество, создавая свой неповторимый архаичный, доисторический, сказочный мир. В его художественных композициях нередко встречаются присущие Эстонии холмистые местности со спящими озерами, с песчаными берегами и кучерявыми единичными соснами. Даже обитатели его сказочных «далеких земель» <...> женщины с украшенными вышивкой лентами в русых волосах <...> не похожи на славянок. <...> у Рериха учатся одни из наших самых талантливых художников. <...> Пеэт Арен, который посещал художественную школу при Обществе поощрения искусств, также брал занятия по композиции у Рериха <...> одна из картин в декорациях оперы «Викерлане» <...> напоминает одно из произведений Рериха <...> в 1899 году <...> в произведениях Рериха начинают появляться эстонские мотивы: «Труворово городище», «Изборск. Башни», «Этюд псковской башни», «Седно», «Кресты

[ПРС: 277–278]. Петроний упомянул экспозицию произведений С. Н. Рериха, десяти художников Латвии, четырех литовских и трех эстонских художников (Ниман, Кайгородов, Янсен).

⁷² «<...> благодаря его неутомимой энергии, удалось открыть на днях прекрасный музей, достойный имени великого художника и мыслителя. В 1935 г. Р. Рудзитис выпустил на латышском яз. книгу “Николай Рерих — водитель культуры” <...> Через год <...> на русском яз. выпустил отдельной брошюрой главу “Культура” из упомянутой книги. <...> на английском яз. <...> “Культура” Р. Рудзитиса прекрасно издана нью-йоркским издательством “Фламма”» [ПРС: 279].

⁷³ «Музей имени акад. Н. К. Рериха помещающийся по Элизабетес ул., 21-а, кв. 7, открыт дважды в неделю <...> Вход <...> свободный. В музее имеется 45 работ акад. Рериха, работы его сына Святослава Рериха, ряд картин известных художников, а также собраны книги Рериха и литература о Рерихе» [ПРС: 279].

на стенах»; затем Печоры — «Двери церкви» (изнутри), «Двери церкви» (снаружи), «Большая звонница», «Ризница», «Панорама монастыря», «Наружные стены», «Полуверка», «Стены», «Полуверки». Целых 34 картины! Своеобразие Печор он изображает так, как <...> никто из наших художников <...> не смог — с удивительной яркостью и насыщенностью красок <...> В 1910 году Рерих проводит лето в Хаапсалу <...> пишет темперой и пастелью картину «Старый король». <...> Такой вид Рерих, очевидно, позаимствовал из замка Тоомпеа в Таллине, который открывается <...> справа от лестницы Паткуля <...> В 1907 году Рерих <...> изучает работы великого финского художника Галлен-Каллела <...> благодаря Рериху легкие и эпичные северные пейзажи Финляндии и Эстонии приобретают известность во всем мире <...> самым близким к нам по духу величайшим зарубежным современным художником является Николай Рерих. <...> по всему миру действуют общества Рериха с теософическим уклоном <...> которые выступают за просвещение и воплощение в жизни красоты <...> Наши художники также являются членами этого общества. [ПРС: 280–283]

Следом появилась статья «Академик Н. К. Рерих как преобразователь жизни» в журнале „Vaimususe ideoloogia“ (1937, №5), о чем 22 октября 1937 г. сообщила “Wirumaa Teataia” (№ 122, стр. 8).⁷⁴ 24 октября 1937 г. газета «Сегодня» (№ 292) опубликовала статью о праздничных торжествах, прокатившихся по всему миру («Юбилей академика Н. К. Рериха»), перепечатанную в Сан-Франциско в газете «Новая заря» (14 декабря 1937 г.).⁷⁵

22 октября Беликов тоже послал Рериху свое поздравление и предложил организовать рериховскую группу в Ревеле. Уже через две недели, 5 ноября 1937 г., то есть сразу по получении письма, Рерих написал Беликову ответ:⁷⁶

⁷⁴ Цитируем в переводе А. П. Беликовой: «20 окт. вышел в свет журнал для культурного и духовного развития «Духовная идеология» № 5. <...> Н. Иксуль: Путь поиска. А. Сууркасык: Новые взгляды. Хождение по огню. Магическое влияние имени. Д-р. Г. Ломер: Телепатические сны. Практические методы управления нервами. А. Мурдлайне: Симфония звёзд. Тренировка подсознания. Академик Н. К. Рерих как преобразователь жизни. Редкие случаи реинкарнации в Эстонии. Метапсихические новости и др.» [ПРС: 284].

⁷⁵ «Полувековой юбилей творческой деятельности академика Н. К. Рериха превратился в мировое торжество. <...> Русский музей <...> посвятил отдельный зал произведениям юбиляра. Такой же зал <...> в Праге. В музее в Санта-Фе выставлена группа новых его картин. Расширен зал Рериха в Аллахабадском музее <...> в музеях Бенареса и Траванкора. Многие ежемесячники и сотни газет посвятили юбиляру <...> статьи. В Дели (в Индии) и в Риге переданы были по радио лекции» [ПРС: 285].

⁷⁶ Примечание П. Ф. Беликова: «Три письма Ю. Н. Рериха переданы мною в Рукописный отдел Библиотеки Тартуского государственного университета. Туда же передано <...> письмо Н. К. Рериха от 5 ноября 1937 г.» [НВ: I, 134].

Очень рад видеть <...> что здоровье Ваше оправилось. Благодарю Вас за Ваше приветствие. Ваша мысль о создании группы моего имени в Ревеле должна быть координирована с несколькими подобными же пожеланиями, высказанными в том же городе. Чтобы не произошло невольного столкновения, очень советую Вам списаться с Председателем нашего Латвийского Общества Рихардом Яковлевичем Рудзитисом, который находится в курсе образования Балтийских групп. Хуже всего, когда доброе желание не встречается, но сталкивается с таким же. <...> Из Эстонских газет мы также получили две хорошие вырезки в связи с Конгрессом. Каждое культурное дело <...> должно нарастать естественно, ибо всякое доброе начинание непременно встретит и противодействие и непонимание. [НВ: I, 120]

30 ноября 1937 г. Рерих писал А. М. Асееву, до которого дошли сведения об «обиде» эстонцев на правление рижского конгресса (он сотрудничал с Рудниковой и Гагемейстер):

Только что Елена Ивановна послала Вам воздушное письмо, как пришло Ваше от 4 ноября. <...> Ваше сведение об «обиде» эстонцев <...> тем более нас огорчило, что <...> мы имели письмо из Таллинна от некоего писателя, который <...> осуждал латвийцев за посылку приветственных телеграмм трем президентам Балтийских стран. <...> Теперь Вам пишут неведомые нам эстонцы <...> от одной группы Рудникова была приглашена на Конгресс. Представительницей другой организации должна была быть Гагемейстер. <...> обе по неведомым причинам не приехали. Кайгородов <...> приехал на другой день <...> принимает живейшее участие по устройству в Таллинне группы — Комитета Пакта. Почетным председателем согласился быть Пятс, брат премьера. <...> сообщите нам <...> эстонцы ли это или же только проживающие временно в Эстонии. <...> При случае попеняйте Вашим таллинским корреспондентам, чтобы они поменьше осуждали, а побольше добротворствовали. [Письма с гор: I, 555–557]

В пятницу 12 ноября 1937 г. Рудзитис записал в дневник:

17 октября, нас посетил Кайгородов. <...> обещал <...> организовать Рериховскую группу или Комитет Пакта. <...> беседовал с В. Пятсом, и тот рекомендовал общество пока не создавать, но единственно — группу, вокруг которой собирать, кроме художников, и молодежь. <...> он с радостью поддержал бы такую группу. <...> мы предложили, чтобы Кайгородов и другие его друзья обратились <...> к министру иностранных дел [Фридриху] Акелю, и Кайгородов пообещал. Он уехал в восторге от картин Рериха и светлого настроения, который царил в Обществе. Мы приобрели у него его картину «Мальчик в лодке» (за 100 латов). 23 октября я ему написал пространное письмо о предполагаемом «Комитете Пакта Рериха Балтии». <...> Пятса я предложил в качестве президента <...> Надо бы расширить раздел эстонского искусства в нашем Музее <...> кто из эстонских художников возьмется написать о Рерихе для нашей монографии? <...> В субботу, 30 октября <...> у

Кайгородова собралось несколько художников, чтобы обсудить и заложить основы объединения имени Рериха. <...> вчера из Эстонии вернулся Блюменталь и сообщил <...> На совещании было решено создать Комитет Пакта, в который вошли бы Кайгородов, Гринберг, Ниман, Таска и В. Пятс как почетный председатель. Единогласную поддержку обещали оказать и «Объединение художников» или Совет при Министерстве просвещения. Таска уже разработал устав комитета. <...> 16 ноября, они все отправятся на прием к Акелю, чтобы информировать о Пакте Рериха. Если создастся Комитет Пакта в Таллине, то легко будет осуществить создание Комитета Пакта Балтии. [ПСР: 223]

Тогда же, 12 ноября 1937 г., в дневнике Рудзитиса впервые появляется имя Беликова:

Блюменталь познакомился с Беликовым, который переписывается с Клизовским и Рерихом, — молодым, энергичным, симпатичным человеком, которому всего 24 года, уже болеет туберкулезом. У него будто бы великий талант объединителя. Его мать держит столовую, и по вечерам в этом помещении собираются разные юношеские и культурные сообщества. Со всеми Беликов умеет найти общий язык. В тот день <...> к Беликову явился А. Миллер и попросил помещение для группы Метапсихического общества (группы Рудниковой?). Беликов разрешил. Но когда он услышал, что вечером в этой группе какой-то оратор начал зазывать в спиритизм и медиумизм, он в тот же вечер запретил им впредь собираться здесь. <...> Беликов интересуется Учением, и у него есть двое-трое единомышленников. Может быть, он мог бы собрать группу Учения, нескольких мог бы взять из Метапсихического общества. Пока Беликов не может войти в состав Комитета Пакта Рериха, хотя Кайгородова знает, и все же наверняка он будет иметь определенную роль в Обществе Рериха.⁷⁷ [ПСР: 223–224]

17 ноября 1937 г. Н. Ф. Роот прочитал доклад о творчестве Н. К. Рериха перед гимназистами и преподавателями Таллиннской городской русской гимназии (где он сам преподавал рисование), членами Литературного кружка, возглавляемого знаменитым педагогом З. Н. Дормидонтовой, основательницей Союза русских академических женщин (с 1932 г.), куда вскоре будет приглашен с докладом и Беликов.

А 9 декабря 1937 г. был создан постоянный комитет общества имени Рериха в Таллинне, о чем писала газета «Сегодня» (№ 347, 18 декабря 1937 г.) в заметке «О-во имени Рериха в Эстонии (От таллиннского корреспондента “Сегодня”):»:

В Таллинне создан постоянный комитет общества имени Рериха, учредителями которого являются И. Васар, И. Гринберг, А. Кайгородов, Р. Ниман, А. Старкопф, А. Тамм и

⁷⁷ В той же записи упоминается «эстонец, инженер Бушман», у которого на уме «грандиозные планы – о сооружении памятника женщинам всего мира. Он подарил свою книжку, в которой первым фигурирует Рерих со своим поощрительным письмом...» [Там же]

Э. Таска. <...> временным председателем его избран Э. Таска. Комитет постановил пригласить в качестве почетного члена товарища министра народного просвещения В. Пятса. <...> задачей комитета является <...> пропаганда целей движения в широких кругах эстонского общества. Постоянное местопребывание комитета будет в Таллинне в «Доме Искусств». [ПРС: 286]

Литературный кружок З. Н. Дормидонтовой составил коллективное письмо с «новогодним приветом» Рериху от 20 декабря 1937 г., подписанное директором гимназии А. С. Пешковым, самой Дормидонтовой, правлением и членами Литературного кружка:

Глубокоуважаемый Николай Константинович! 17/XI этого года в Литературном кружке при Городской Русской Гимназии в гор. Таллинне состоялся доклад Н. Ф. Роота о Вашем творчестве; Николай Федорович вдохновенно рассказывал о Вашей личности, как художнике, мыслителе и создателе Пакта защиты памятников искусства. Были показаны многочисленные иллюстрации Ваших картин. Пользуясь любезностью Н. Ф. Роота, шлем Вам новогодний привет. [ПРС: 110]⁷⁸

3.3. «Поток Евразии» (1938)

В 1938 г. вышла единственная известная статья П. Ф. Беликова 30-х годов — «Пушкин и государственность», опубликованная в сборнике, задуманном как журнал, «Поток Евразии». Точная дата выпуска неизвестна, но в 1938 г. планировалось два выпуска, и первый относился к первой половине года.⁷⁹ Рерих прочел его не позже 25 апреля 1938 г. (дата письма Беликову с отзывом на журнал), но еще раньше, 11 февраля 1938 г. Рерих писал Р. Я. Рудзитису: «Выписка из письма Беликова, присланная Вами, звучит неплохо, но боюсь я одного — по одну сторону его был Гущик, а по другую Пеаль. Два таких привеска сразу усложняют положение вещей» [Письма с гор: II, 32].

Вполне вероятно, что он имеет в виду участие Беликова, Пейля и Гущика в «Потоке Евразии» (фамилия В. А. Пейля дана с ошибкой из-за ее сходства с фамилией А. В. Пяэля, Päääl, которую писали Пеаль; инициалы тоже оказались похожи). С Пейля и началось евразийское движение в Эстонии, финансируемое из Праги, при этом в газете Пейля «Свой путь» в 1931 г. было опубликовано и приветствие Рериха Г. Д.

⁷⁸ Оригинал: <https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PNKR/PNKR-439.pdf>

⁷⁹ «Поток Евразии» замышлялся как периодическое издание с постоянным участием Беликова. В анонсе второго номера, который должен был выйти в том же 1938 г. Беликов возглавлял список будущих авторов (возможно, просто из-за алфавитного принципа): вторым и третьим шли Гущик и А. К. Прейнвальц. Тема следующей статьи Беликова «Поиски Правды (Богоискательство)» выглядит как «рабочая», и не исключено, что Гущик сам ее сформулировал, примерно зная интересы Беликова.

Гребенщикову.⁸⁰ В 1935–1936 гг. В. А. Пейль участвует с Гущиком и Беликовым в одних и тех же заседаниях таллиннских литературных обществ: 16 марта 1935 г. — «Живая газета» общества «Витязь» («Участие примут: Влад. Гущик, В. Пейль, П. Беликов...»); 1 февраля 1936 г. — «Живая газета» Литературного кружка (участвуют: П. Беликов, В. Пейль и др.); 22 мая 1936 г. — литературный вечер В. Е. Гущика (В. Пейль читает доклад о Масарике, П. Беликов — о Рерихе). Наконец, выходит «Поток Евразии» с тремя статьями Гущика, статьями Пейля и Беликова.

В «Поток Евразии» попал отзыв Гущика на книгу Г. В. Вернадского «Звенья русской культуры» (Берлин, 1938), а это, скорее всего, означает, что журнал вышел не в самом начале года. Но к концу января — началу февраля он уже мог появиться. Однако готовился он, конечно, заранее, в 1937 г., и это сквозит в тематике сборника: статья Беликова явно примыкает к пушкиниане юбилейного 1937 г.⁸¹ и очень похожа на один из его докладов (своеобразное продолжение доклада о Державине); статья же Гущика «Куприн уехал...» является откликом на сенсационное возвращение Куприна в СССР в 1937 г. и на возникшее по этому поводу обсуждение в прессе [Гузаиров].

Беликов еще не успел ничего опубликовать в рериховских изданиях, а уже печатается в евразийском. Означало ли это смену ориентиров? Сам Рерих в евразийской газете печатался, Гущик также продолжал переписку с Рерихом, Беликов все активнее вовлекался в рериховское движение. Несмотря на свой одобрительный отзыв в апрельском письме к Беликову, Рерих, по-видимому, далеко не в всем принимал евразийские взгляды. Ему могло быть близко то, что евразийцам важен религиозный элемент и азиатская составляющая российской культуры. Но евразийцы обособляли «Россию-Евразию» и от Европы, и от Азии, Рерих же был против любого обособления.

Беликов не был завзятым «евразийцем», в отличие, например, от другого автора «Потока Евразии» — К. А. Чхеидзе, который в статье «Борьба между образами и за образ» (стр. 48–70) также касался Пушкина, но довел свой обзор русской литературы до современного ее состояния. Беликов фактически не выходит за рамки рериховского подхода, подчеркивая в Пушкине прежде всего художественную силу и отношение к государственности как строительному, творческому началу. Идеальное представление о

⁸⁰ С. Г. Исаков пишет: «Пейль начинает в июне 1931 года издавать в Кохтла-Ярве газету “Свой путь”. <...> Печаталась она, правда, в Нарве <...> Четвертый номер “Своего пути” за 1931 год посвящен известному эмигрантскому писателю Г. Д. Гребенщикову, в нем среди прочего опубликован “Привет Гребенщикову” Николая Рериха» [Исаков 1996: 133–135].

⁸¹ Очерк Беликова обнаруживает хорошее знание литературы о Пушкине (возможны переключки с трудами Д. С. Мережковского, Г. П. Федотова, И. А. Ильина, С. Л. Франка и т.д.).

задачах государства не совпадало с реальностью, и этим объясняется, по Беликову, разнородность его симпатий (и к республиканцам-декабристам, и к монархам), что позволяет представителям всех идеологий, как левых, так и правых, видеть в нем «своего».

Статья начинается развитием апокрифических слов Христа «Радость есть особая мудрость» («Листы Сада Мории. Озарение», V, §11), которые цитировал и Беликов, и Е. И. Рерих в письме к Я. М. Шаховскому.⁸² Конечно, прямо об этом не говорится:

Обилие радости в Пушкинской поэзии, стремление к счастью роднят Пушкина со всеми людьми без различия рас и национальностей. Эта же радость и поиски всеобщего счастья позволяют самым разнообразным политическим и социальным группировкам «присваивать» себе Пушкина. В программах всех политических партий <...> целью значится — осчастливить все человечество. <...> Самые правые и самые левые группировки без больших натяжек объявляют Пушкина «своим», самые ярые националисты и чистой воды интернационалисты не стесняются цитировать Пушкина <...> [НВ: I, 206]

Политические взгляды Пушкина Беликов объясняет его общим мировоззрением и начинает с проблемы свободы, уже затронутой в письмах к Маховой.⁸³ Беликов находит у Пушкина (вероятно, в таких произведениях, как «(Из Пиндемонти)», 1936) подтверждение собственным представлениям и иллюстрирует сюжетом поэмы «Цыганы»:

<...> необходимо обратиться к теме — *свобода*. <...> что же под этим понятием подразумевал Пушкин? Идеал свободной и счастливой жизни для отдельного человека расширяется Пушкиным до идеала общей политической свободы. Но Пушкин отлично знал, что свобода есть меньше всего беззаконие. Быть свободным одному <...> легко <...> всем — гораздо сложнее. Последнее требует соблюдения каких-то условий <...> достоинство свободы определяется у Пушкина не ее формальной внешней значимостью, а внутренним содержанием. <...> в «Цыганах» Алеко <...> приобщился к свободной таборной жизни. «Мы дики, нет у нас законов, — говорит старик цыган, — мы не терзаем, не казним». <...> Законов формальных, действительно, нет <...> потому, что имеется

⁸² Это лейтмотив и книги «Листы сада Мории. Зов» (1924): «Радость величию мира, Радость труду проявленному, Радость чистой усталости» [ЛСМ: 153]; «Ценою радости — очищайте путь. Надо в удвоенное стекло смотреть на все доброе и в десять раз уменьшать явление несовершенства, иначе останетесь прежними» [ЛСМ: 32] и т. д.

⁸³ Примечательно, что и позднее, уже в 1959 г., работая над трактатом «Основные проблемы восточной философии и диалектический материализм. Опыт сравнительного изучения», Беликов будет писать Ю. Н. Рериху об этом исследовании, выделяя разделы «Мысль и сознание», «Свобода воли и необходимость», «Этика» [НВ: II, 101], перекликающиеся с тематикой его писем к Г. В. Маховой.

какой-то *закон внутренний*, заложенный в самом человеке. Этот *закон* не допускает конфликтов, из-за которых следовало бы терзать и казнить. [НВ: I, 206–207]

Далее описывается столкновение этой системы с мировоззрением Алеко. Это столкновение, в котором важную роль играет оппозиция «внешнее vs. внутреннее», можно было интерпретировать и в рамках важной для эпохи (и, в частности, для Рериха и Беликова) оппозиции «культура vs. цивилизация». Порвав с цивилизацией и внешними ограничениями, Алеко не приобрел культуры внутренних ограничений. Но, по мнению Беликова, Пушкин не обвиняет Алеко:

Такое сдерживающее начало отсутствует у Алеко, он — «не рожден для дикой доли и для себя лишь хочет воли». Но можно ли обвинять человека в том, что он не рожден для свободы? <...> Такого обвинения у Пушкина мы не находим. Противоречие между правом на независимый ход личной жизни и законами, предъявляемыми <...> обществом, — носит для Пушкина трагический характер. Здесь есть погибающие, но нет виноватых. [НВ: I, 207]

Беликов освобождает Пушкина как создателя своего поэтического мира от функций судьбы почти так же, как он отрицает роль Бога в несчастьях человека и его посмертных мучениях. Если человек у Беликова своим поведением сам обрекает себя на посмертные муки в «астральном плане» грузом своих «темных» желаний и мыслей, то и Алеко сам себя наказывает своим поступком в соответствии с неким всеобщим законом:

Пушкин как бы понимает человека со всеми его ошибками и находит возможным прощать человеческое несовершенство. С другой же стороны, в Пушкинской поэзии чрезвычайно силен момент возмездия. Алеко, Евгений из «Медного всадника», скупой рыцарь, Дон-Жуан, Онегин и др. — все несут возмездие. <...> получается будто не Пушкин их наказывает, а какой-то высший рок <...> неумолимый *закон*. [НВ: I, 207]

В своем описании столкновения двух правд Беликов напоминает бинарные оппозиции, типичные для образа мышления Д. С. Мережковского и лотмановского структурализма⁸⁴:

Это трагедия особенно ярка в «Медном всаднике», где, священное для Пушкина, право на *личную жизнь* уничтожается столь же священной необходимостью *общего дела*. <...> Пушкин любит своих героев, признает за ними право и правду действовать так — а не

⁸⁴ Может быть, не случайно В. А. Мануйлов 19 мая 1966 г. писал Беликову: «Дорогой Павел Федорович! Разрешите представить Вам талантливейшего профессора Гартуского университета Юрия Михайловича Лотмана, с которым у Вас окажется много общих интересов. <...> Очень сожалею, что <...> не смогу присутствовать при Ваших беседах» [Мельников 2009]. Конечно, с Лотманом Беликова сближал не только диалектический тип мышления, но и проблематика культуры, категорий нравственности в литературе (той же свободы в творчестве Пушкина), тяготение к синтезу разных сфер знания, интерес к традициям русского масонства и т. д. Сближал и общий круг знакомых востоковедов, учеников и сотрудников Ю. Н. Рериха (В. Н. Топоров, Т. Я. Елизаренкова, А. М. Пятигорский и др.).

иначе, старается <...> спасти их от наказания, но принужден отступать перед самой необходимостью. [Там же]

Сравнивая идеологию Пушкина с идеологией декабристов, Беликов объясняет их сходство общими истоками («европейские прогрессивные идеи XVIII века»), но не отождествляет:

Не сочувствовать идеям декабристов Пушкин не мог, потому что лучших не было, и готов был даже пролить за них свою кровь, но верить в полную возможность их осуществления — никогда не верил. Распространенное мнение — будто «революционный» Пушкин сильно «поправел» после неудачного восстания в декабре 1825 года — ничем не подтверждается. Целиком он никогда не принадлежал к декабристам, а после 25 года <...> лишь больше подчеркивал ту разницу, которая между ним и декабристами существовала всегда. [НВ: I, 208]

По мнению Беликова, важным критерием для Пушкина был творческий или нетворческий характер власти, и после неудачи декабристов самодержавие просто не имело для него альтернатив, поскольку выполняло роль высшего закона на данном этапе развития:

<...> после разгрома декабристов, за которыми Пушкин все-таки признавал некоторое творческое начало, в России не осталось ни одной прогрессивной, просвещенной силы. Крестьянские движения <...> не имели элемента просвещения <...> в них Пушкин видел лишь силу разрушающую и, безусловно, предпочитал самодержавие, как некоторую определенную основу, полному беззаконию. <...> неправильно было бы сказать, что Пушкин официально подчинился существующему строю, а внутренне желал все время его свержения. <...> Пушкин признал необходимость существующего строя и бунтовал всегда против того, что этот, необходимый в данное время для России правительственный аппарат действует не так, как ему следовало бы действовать. Признавая самодержавие, он протестовал против самовластья, <...> казенщины, самодурства, самоуправства, злобы и глупости монархического отбора и т. д. [НВ: I, 208]

Так Беликов вскрывает парадокс, мнимое противоречие в взглядах Пушкина, которое объясняется не только противоречием между государственным идеалом и практикой, но и более общим этическим (можно сказать антропологическим) подходом к личности правителя, снимающим политическую оппозицию «демократия vs. монархия»:

Если мы станем искать в творчестве Пушкина призывы к свободе, *бичевание* тирании, глупости и самовластья, то мы найдем их очень много. Но не меньше мы найдем и воспевания монархов, восхищения ими. <...> Противоречие здесь лишь кажущееся. <...> Живой человек имел для Пушкина всегда большее значение, чем отвлеченные идеи. <...> на первом месте оказывался не правящий строй, не монархия или республика, а *правлящие люди*. Героической, творческой личностью Пушкин всегда восхищался и в лице Петра I

воспевал не самодержавие, а именно эту сильную восхищавшую его *личность*. <...> личность Николая вызывала в Пушкине *протест*, <...> с нею *не мог согласиться*, а не с тем самодержавием, которое Николай I олицетворял. Вспомним <...>

Все это, видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?.. [НВ: I, 208–209]

В этих строках пушкинского «(Из Пиндемонти)» Беликов видит не только презрительное нивелирование разницы между типами государств, но и, как ни странно, принятие самого принципа государственности как необходимости, реализующей тот же принцип, что «судьбы» в «Цыганах»:

Зависеть от кого-нибудь <...> насилие, но <...> необходимое. Необходимость зависимости и, следовательно, необходимость государственности Пушкиным признаются. Это и есть до известной степени та карающая рука, о которой говорилось выше. Рок, посылающий возмездие, не есть что-то потустороннее. Рационалистические умозаключения Пушкина искали и находили в самой жизни эту карающую руку, <...> в необходимой государственной основе, без которой немислимы ни свобода, ни творчество. [НВ: I, 209]

Индифферентность Пушкина к политическим моделям власти дополняется требованием следования «вечному Закону». Беликов цитирует «Вольность» (1817) Пушкина:

Но если — от кого зависеть (на политическом уровне — *И.С.*) — не было для Пушкина очень существенным, то — как зависеть — было далеко не безразлично:

Владыки! вам венец и трон	И горе, горе племенам,
Дает Закон, а не Природа —	Где дремлет он неосторожно,
Стоите выше вы народа,	Где иль Народу, иль царям
Но вечный выше вас Закон.	Законам властвовать возможно. [НВ: I, 209]

Этот закон, конечно, ассоциируется с божественными установлениями, но для человека он имеет этический характер. Однако Беликову важно, что для Пушкина этот закон охраняет и принцип творчества, что оказывается близко принципам Живой Этики в его понимании:

Этот вечный Закон <...> не вмещается в узкие политические программы. Этот Закон должен <...> предоставлять полную свободу человеческому творчеству. Будучи человеком необычайной творческой силы, Пушкин ставил последнюю очень высоко. Силе и правде творчества не могли противостоять никакие личные интересы. В «Медном всаднике» Евгений — безвинная жертва <...> но <...> Петр так же остается невинным. Его оправдывает творчество. И тому, что мощно возносится «из тьмы лесов, из топи блат» —

следует покориться. В преклонении перед мощью и красотой творчества можно найти и ключ к разгадке таких ультрапатриотических стихотворений, как «Клеветникам России». Если идеалом правителя являлся для Пушкина сильный, справедливый, героический человек, то, аналогично, таким же идеалом служило сильное, справедливое и могущественное государство. Такой <...> Пушкин желал видеть Россию. [НВ: I, 210]

Далее Беликов находит точки соприкосновения описанной идеологической модели с проблематикой евразийства. В евразийстве его привлекает национальная идея, признающая ценность культурного разнообразия (в духе ранней концепции «неонационализма» Рериха [Шевеленко: 217–221]):

Пушкин никогда не был шовинистом, <...> не покушался на право самобытности народов, населяющих территорию Российской империи, но не мог допустить расплываемости России. Здесь играло главную роль не национальное чувство, а то, что сильной творческой единице (государству) <...> наносится некоторый ущерб <...> [НВ: I, 210]

По мнению Беликова, с точки зрения Пушкина сильное (творческое) государство охраняет и самобытность народов, и самобытность личности:

...лишь строгий и справедливый закон могут обеспечить человеку свободу личной его жизни. Если эта свобода посягает на такие же права другого человека, то виновный несет возмездие. Как бы ни был человек прав по-своему, правда *общего блага, общего дела* просто-напросто сильнее его личной правды. [НВ: I, 210]

Беликов доказывает, что вольность и политические права не одно и то же для Пушкина:

Пушкин желал видеть этот народ именно вольным, свободным, а никак не полноправным правителем России, так как не считал его в свое время на это способным.

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано до звезды... <...>

Пушкин предпочитал для России монархию всем другим образам правления, но лишь потому, что для последних Россия не была подготовлена. Идеи, принесенные с Запада, не могли быть восприняты Россией. [НВ: I, 210–211]

В конце статьи Беликов делает несколько рискованный вывод, что чаяния Пушкина реализовала концепция евразийства, хотя сам Пушкин евразийцем быть и не мог:⁸⁵

<...> нравственный момент в поэзии Пушкина всегда преобладает над политическим. Вера в свои собственные пути России, которые должны выработаться русской же действительностью, роднит Пушкина с Евразийством. <...> У нас нет желания

⁸⁵ Термин Евразия ввел в 1880-е гг. геолог Э. Зюсс.

«присвоить» Пушкина. Он и так уже оказался и монархистом, и коммунистом, и демократом. <...> Он <...> радуется тому, что его назовет и тунгус, и калмык за то, что в свой жестокий век он восславил свободу. Это ли не подсознательное ощущение Евразии?! <...> Россия для него есть «всяк сущий в ней язык». [НВ: I, 211]

Как уже было выше отмечено, планировался и второй выпуск «Потока Евразии» в том же 1938 г., но обстоятельства этому помешали, в том числе охлаждение между Гущиком и Беликовым из-за неосторожных высказываний Гущика в адрес Рерихов.

3.4. Замысел эстонской монографии о Н. К. Рерихе

4 января А. Раннит надписал свою фотографию для отправки Рериху в Индию: «Святоидейному Рыцарю Духа — акад. Н. К. Рериху с благоговением» [ПРС: 114]. 17 февраля 1938 г. Раннит отправил в Индию письмо:

Таким образом созда[на] Балтийская Антанга по Вашему Пакту Мира. <...> Я написал о Вас стих, когда напечатаю — вышлю <...> сейчас я бы так хотел Вам сказать словами Гумилева:

О тебе, о тебе, о тебе
ничего, ничего обо мне!
В человеческой темной судьбе
ты — крылатый призыв к вышине.

Благородное сердце твое —
словно герб отошедших времен
Освящается им бытие
всех земных, всех бескрылых племен. <...>

И когда золотой серафим
протрубит, что исполнился срок,
Мы поднимем тогда перед ним,
как святыню, твой белый платок! [ПРС: 115]

Раннит, действительно, умел выражать свои чувства чужими словами, из-за чего уже не раз заслужил упреки в плагиате. Действительно, содержание и стиль стихотворения Гумилева (который, кстати, был восторженным поклонником Рериха еще в 1909 г.), удивительным образом соответствуют пафосу рериховских юбилейных чествований, а «белый платок» приобрел неожиданную глубину в проекции на Знамя Мира.⁸⁶ Раннит

⁸⁶ Белый платок или флаг является общепризнанным знаком прекращения огня, но этот смысл выявляется только при проекции текста на деятельность Рериха (в стихотворении Гумилева это – символ чистоты и святости, не связанный с перемирием). Символика белого платка важна и для буддизма. См. также картину «Мадонна Лаборис (Труды Богоматери)» (1931), основанную на апокрифе о богородице.

благодарит за фотографии с автографами для его друзей и сообщает о выполнении обещаний:

<...> высылаю Вам два экз. «Kaunis Kodu» <...> С будущим письмом Вы получите уже и «Kunst». <...> прилагаю здесь некоторые снимки из Печерского монастыря и живущих в его окрестностях так называемых «сетов» — смеси русских и эстов. Во истину Ваш А. Rannit <...> P. S. Привожу здесь в прозаическом переводе два своих стиха⁸⁷. [Там же]

В начале 1938 г. в Риге выходит «Золотая книга» (*Zeltā Grāmata*), в которой был опубликован и очерк Рериха «Эстония»:

«Рутту, рутту», — это было первое эстонское слово, выученное нами, когда мы ехали в большой старинной карете четверкой в Гапсаль. Эта поездка запомнилась. Ведь она была первым выездом из нашего поместья «Извара», а в пятилетнем возрасте все впечатления особо четко запоминаются. Мелькнули серые стены Нарвы, очень понравился старый Ревель с башнями и островерхой киркою. <...> Проезжая мимо пашни мы были удивлены, слыша какой-то стеклянно-каменистый звук. Оказалось, что почва состоит из мельчайшего плитняка и тем удивительнее было видеть, что под трудолюбивой рукой и такая почва могла сделаться плодородной. В Гапсале привлекли внимание развалины старого замка. Особенно же присмотрелись мы к ним, когда услышали легенду о белой даме, появляющейся в готическом окне. Скептики уверяли, что при известном положении луны получались очертания фигуры, но хотелось верить, что это не отсвет лунный, а сама белая дама <...> Тогда же рассказывали нам и легенды древних револьских башен и сказания о замках Лоде и Таубе — все это было необычно, <...> шум морского прибоя тоже гремел какую-то увлекательную северную сагу. Второй приезд в Гапсаль <...> был уже в 1910-ом году. Там же были написаны несколько картин. «За Морями Земли Великие» <...> Северянка, навстречу дальнему ветру, мечтает <...> о той сказочной стране, которая живет в сердце человеческого. Тогда же был написан эскиз к «Пути Великанов». Там же оформился «Варяжский мотив», а дума о револьских башнях послужила для картины «Старый Король». В то же время готовились и эскизы для храма в Талашкине, имени княгини М. К. Тенишевой. «Царица Небесная на Берегу Реки Жизни»... [ПРС: 301–304]

О выходе сборника сообщил в первом номере американско-индийский журнал “Flamma” (нумерация сквозная; вышло семь номеров в 1938–1939 гг.). В номере содержалась

⁸⁷ Раннит послал стихотворения «Nimetu Teisik (Безымянный двойник)» и «Твоя смерть». Первое выглядит как стихи о разлуке с возлюбленной («Хотя мы и родились из одной души, вряд ли кто-нибудь из нас видел друг друга» [Там же]; возможны реминисценции блоковской лирики), но адресатом лирического монолога оказывается поэзия. В словах «Ты сестра моя — Рифмованное Слово, и я твой безымянный двойник» [Там же] видится возможная парафраза названий книг Б. Пастернака «Близнец в тучах» и «Сестра моя – жизнь». Второе стихотворение как будто посвящено реальной женщине.

информация и о членах эстонского общества Рериха.⁸⁸ Сообщалось также о публикации письма Рериха к эстонским художникам в журнале „Kaunis Kodu“ (Красивый дом), о публикации статьи Рудзитиса «Николай Рерих» в газете “Päewaleht”, о визитах членов латвийского общества (Dr. H. Lukins and Mr. G. Blumentals) в рериховские общества Финляндии, Чехословакии, Литвы и Эстонии, о литовской и эстонской экспозициях в рижском музее Н. К. Рериха. Несмотря на то, что эстонское рериховское общество было объявлено, процесс затормозился.⁸⁹ Рудзитис писал 14 января 1938 г. в своем дневнике:

В декабре мы получили радостную весть об учреждении Комитета Общества Рериха в Таллине. 9 декабря — историческая дата для Эстонии. <...> В комитет вошли выдающиеся художники, есть и профессора. Обиталище <...> в «Доме искусства» Эстонии. <...> в нем будет участвовать вице-министр В. Пятс. Большие надежды питаю и относительно Павла Беликова, молодого, энергичного человека, который создал группу Учения в Таллине. Он знаком с Кайгородовым, и позже его группа сольется с Обществом. Мне видится, что именно он внесет огонь в деятельность Общества. Художники в основном из старшего поколения, их интересы более односторонни. Они уже с самого начала засомневались, хватит ли в Обществе работы? Но Беликов умеет объединять. Он подойдет к людям с позиций чувствования. Жаль, что он болен, оба легких затронуты, и все же он вынужден работать на фабрике. [ПРС: 224–225]

31 января 1938 г. Рудзитис продолжает:

Кайгородов по причине какого-то личного конфликта не пригласил в комитет Роота и Цейдлер, которые когда-то были педагогами в Петербургской школе Рериха и восторженно поздравляли его с юбилеем. В письме Рериху Роот пишет, что он и другие были бы даже согласны подарить картины нашему Музею, если бы Кайгородов пригласил. Теперь приглашение Рооту написал сам Рерих <...> Когда Гаральд и Блюменталь <...> поедут в Таллин, они, несомненно, обратятся и ко всем упомянутым художникам. <...>

⁸⁸ “In Estonia a new Roerich Society is in the course of formation, including the following founders: R. Nyman, Ed. Taska, A. Kaigorodoff, Greenberg, A. Tamm, A. Rannit, Prof. A. Starkopf, Dr. J. Vasar and the Director of Education Vold. Pats. Mr. A. Rannit has read lectures on the Tallinn Radio and in Estonian societies and has published several articles on Prof. Roerich’s art” [В Эстонии организовано новое Рериховское общество, среди основателей Р. Ниман, Эд. Таска, А. Кайгородов, Гренберг, А. Тамм, А. Раннит, Проф. А. Старкопф, Д-р Ю. Вазар и министр образования Вольд. Пятс. Г-н А. Раннит прочитал лекцию на таллинском радио и в эстонских обществах и опубликовал несколько статей об искусстве проф. Рериха] [Flamma: I, 2]

⁸⁹ 8 июня 1938 г. Рудзитис пишет: «В последнее время меня дважды посетил Карл Иванович Ст<уре> он передал мне два знака Общества, один на имя нашего общества, другой <...> для Эстонского общества. Но передать ли его Эстонскому обществу, когда последнее образуется?» [Письма с гор: II, 118]

симпатизируют Рериху еще две группы: Беликов со своим кружком Живой Этики и Рудникова, которая со своим объединением «Солнечный Путь» будто бы составляет центр Метапсихического общества Таллина. <...> как у Кайгородова, так и у Пятса и части эстонской интеллигенции столь сильно предубеждение против нее и особенно против ее мужа, барона Иксюля, что любое сотрудничество с ними полностью исключается. Потому мы <...> приветствуем метод Беликова — принять в свою группу лучших <...> членов Метапсихического общества, и <...> присоединиться к Комитету Рериха. [ПРС: 225]

30 января 1938 г. Рудзитис сообщает Н. К. Рериху:

Посылаю Вам спешно копию письма Беликова <...> в Таллинне <...> имеются четыре группы, <...> которые пока действуют порознь и которые непременно надо было бы объединить и сплотить. Прежде всего — ядро-комитет Общества, потом группа Беликова, далее — Роот, Цейдлер, Раннит и другие художники, не приглашенные еще в комитет и, наконец, — группа Рудниковой-Милленда. <...> Вы знаете об отношении Кайгородова и др. к Рудниковой. Может быть, лучший исход, как предполагает и Беликов, что самые устремленные поступят из Метапсихического общества в его группу, а вместе с ней во вновь образовавшееся Общество. [Письма с гор: II, 19–20]

11 февраля 1938 г. Рерих ответил Р. Я. Рудзитису, одновременно похвалив Беликова и высказав опасения в связи с близостью к нему В. Е. Гущика и евразийца В. А. Пейля:

Может быть, <...> не следует пытаться их сразу объединять, ибо по своему внутреннему строению они различны и даже <...> противоположны. Если Таска не имеет достаточного энтузиазма, не следует ли ближе привлечь Раннита? <...> для монографии <...> Раннит мог бы дать еще более звучную статью. Выписка из письма Беликова <...> звучит неплохо, но <...> по одну сторону его был Гущик, а по другую Пеаль. Два таких привеска сразу усложняют положение вещей. <...> мы не знаем и остальных, участвующих в его группе. <...> Пусть в Таллинне все кристаллизуется, а пока что Раннит, как поэт и писатель, имеющий уже около себя группу своих друзей, будучи при этом природным эстонцем, обращает на себя внимание. [Письма с гор: II, 30–32]

Раннит загорелся идеей переводить Рериха на эстонский язык и 17 февраля 1938 г. писал:

Светлый Учитель! <...> приобрел две Ваши книги «Нерушимое» и «Пути Благословения». Я читаю их непрестанно и себе и своим друзьям. <...> Обращаюсь к Вам с <...> задушевной просьбой разрешить мне делать переводы Ваших статей и печатать их в наших газетах и журналах. <...> стал мечтать об издании на эстонском какой-нибудь из Ваших книг или избранных статей и цитат <...> Если Вы <...> имеете какие-нибудь пути для такого издания — я <...> отказался бы от гонорара за перевод. Я еще не член Вашего эстонского об-ва, но стану таковым на днях. <...> не знаю Рудзитиса, но постараюсь с ним сблизиться. [ПРС: 114]

Скорее всего, Раннит рассчитывал на издание эстонского сборника в США, в издательстве Г. Д. Гребенщикова «Алатас». Он мог поделиться этим со своим переводчиком Игорем Северяниным, и вскоре (28 февраля 1938 г.) Северянин написал Рериху сам:

Светлый Николай Константинович, Дорогой мне! Я давно-давно уже хотел написать Вам, но трудно было мне, заброшенному с 1918 г. в глуши и дебрях Эстии, узнать Ваш адрес. От Алексея Раннита, эст. поэта, получил его случайно. <...> Я — верный Ваш странник: посильно защищаю Божественное. <...> Поэзией не только не интересуются — над ней глумятся. <...> Но я не сдаюсь. Сильно мешает мне в моем энтузиазме болезнь сердца. <...> Посылаю Вам свою маленькую поэму, своего «Солнечного дикаря». <...> Она ведь так нужна людям <...> напечатайте в изд-ве «Alatas», прошу Вас. И гонорар по Вашему усмотрению <...> если пришлете мне десяток другой экземпляров, я буду сам ходить по домам и предлагать людям книгу <...> Посылаю Вам «Рояль Леандра» <...> Живу Чудом — без денег, без здоровья, без работы. <...> Люди видят в стихах забаву, — нужно заставить их видеть ее как насущную необходимость. [ПРС: 118]

Сохранилось стихотворение Беликова «На незатейливых весах мы проверяем наше счастье...» (март 1938). Как и предыдущее, оно о любви и содержит два четверостишия перекрестной рифмовки АbАb. Размер – тоже вольный ямб, и начало выделяется более длинным стихом, но на этот раз — сверхдлинным (Яв8655 5566). Больше всего строк 5-стопного ямба, отсылающего к английской сонетной и драматической традиции. Но рамка из более длинных строк создает более протяжную элегическую интонацию, которую поддерживают яркие анафоры (как в «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» К. Батюшкова):

На незатейливых весах мы проверяем наше счастье
Порывов нежности улавливая взлет.
Но, может быть, давно уже не властны,
Предотвратить его обычный ход.

И, может быть, сосчитаны порывы —
Их свыше меры сердцу не вместить,
И, может быть, в момент нелепого разрыва
Случайно скажется последнее — прости. [Архив П. Ф. Беликова]

18 марта 1938 г. Алексис Раннит выступил по эстонскому радио в 21.00 с передачей «Рерих и его Пакт Мира», о чем сообщили программы радиопередач четырех эстонских газет.⁹⁰ Письмо Северянина вызвало у Рериха сильнейшее сочувствие, он послал ему

⁹⁰ „Esmaspäev“ (12 марта), „Maа Hää!“ (15 и 17 марта), „Järva Teataja“ (16 марта, № 31, стр. 6) [ПРС: 287] и „Raadioleht“, — номер этой газеты Раннит послал Рериху 25 марта 1938 г. [ПРС: 125].

5 фунтов стерлингов написал, как самому поэту, так и Р. Я. Рудзитису⁹¹ в один день, 21 марта 1938 г. Северянину художник писал:

Дорогой Игорь Васильевич. И радостно, и грустно было мне получить Ваше письмо от 28 февраля. Радость была в том, что Ваше творчество было мне близким и Ваше имя звучало во всех странах, в которых я был за эти годы. <...> в том, что Вы прислали и книгу стихов, и манускрипт Ваш — все это и звучно и глубоко по мысли и прекрасно по форме. А грусть была в том, что Вы пишете <...> о современном положении писателей, <...> о положении культуры. <...> В домах подчас вообще не находится книжной полки <...> Люди более думают об удушении, нежели о животворении. [ПРС: 123]

Надежды поэта на издательство «Алатас» пришлось развеять, но знакомство Северянина с Раннитом обрадовало Рериха:

Вот Вы пишете об издании Вашей рукописи в «Алатасе». Но это издательство <...> совсем захирело. Гребенщиков с великими трудами на своем ручном станке иногда отпечатывает свои книги и радуется, когда во время его лекций удается продать несколько экземпляров. <...> Вам удобнее и дешевле издать рукопись в Таллинне или в Нарве, где есть русские типографии. <...> посылаю Вам пять фунтов стерлингов <...> История культуры должна заполнить несколько весьма мрачных страниц. Казалось бы, такое положение вещей должно сближать собратьев по всем областям искусства, а на деле и это не замечается. <...> Дай бог, чтобы ближайшие дни не ознаменовались еще какими-то всемирными ужасами. Хорошо, что Вы встречаетесь с А. Раннитом, — он мне очень нравится. Знаете ли Вы и латвийского славного поэта Рихарда Рудзитиса? [ПРС: 124]

25 марта 1938 г. Раннит благодарит Рериха за «разрешение перевода», сообщает о планах выступлений и интересуется мнением Рериха об Эдуарде Вийральте:

Я завязал отношения с Рудзитисом и получил от него <...> «Врата в Будущее», Рижский сборник, каталог и книгу В. <Н.> Иванова, а сегодняшней почтой вместе с Вашим письмом пришли «Листы Сада Мории». Я вошел в местный комитет по организации Вашего общества. 18 марта я прочел в радиэфон доклад о Вас на тему «Рерих и его Пакт Мира» — об этом Вы, вероятно, нашли в посланном мною Вам журнале «Raadioleht». Рудзитис попросил от меня статью для рижской монографии, и я послал ему таковую — напечатав

⁹¹ Рерих писал Рудзитису: «Также спасибо за копии писем от Беликова и Раннита. <...> Раннит очень чисто устремленный поэт — побольше бы таких. <...> Посылаю <...> копию письма Игоря Северянина, и мой ответ <...> печально видеть, как тяжело нуждается известный поэт. При нормальных обстоятельствах можно бы посоветовать «Угунсу» издать его маленькую книжечку (25 страниц) — «Солнечный дикарь». <...> было письмо от Н. Роота, в котором он выразил мысль о полезности, чтобы бывшие преподаватели и ученики Общества поощрения художеств, бывшие под моим директорством, написали свои воспоминания об этом периоде» [Письма с гор: II, 60–62].

предварительно в «Päewaleht». <...> перевод этой статьи им уже Вам выслан. Три номера газеты «Päewaleht» Вы, наверно, уже имеете. Я Вам послал так же статью нашего самого выдающегося художественного критика Jaan Pert'a в «Uus Eesti» («Новая Эстия») «Живописец Николай Рерих и Эстия». Послал Вам и каталог выставки нашего известнейшего графика Эдуарда Вийральта. Этот художник, покинувший в 1925 году Эстию, остается в течении пятнадцати лет объектом и страстных нападок-негодований и ярких похвал. Живет <...> в Париже. <...> возможно Вы не откажите высказать свое мнение <...> у нас очень много спорят о Вашем национальном происхождении — быть может, Вы согласитесь дать некоторые пояснения. 10 апреля я буду читать о Вас доклад в Союзе Академической Молодежи, а в начале мая выступлю с просторной речью о Вас в Доме Художеств — в помещении всегосударственной весенней выставки. <...> не имею почти ничего из репродукций Ваших картин — чем мог бы иллюстрировать свои выступления. [ПРС: 125–126]

15 апреля 1938 г. Беликов изложил в письме к Рудзитису итоги встречи своей группы с группой художников, в которую входил и Раннит:

Во вторник 12-го состоялось собрание у художников, <...> присутствовали: Э. Таска, А. Кайгородов, Гренберг, А. Раннит, Ниман, Тамм, Абрамов (из нашей группы) и я. <...> для всей их группы создание общества им. Н. К. Р[ериха] — дело десятое <...> насколько правильно предоставлять судьбу и открытие общества в руки людей, столь мало проникнутых идеологией Н. К. и так далеко стоящих от Учения? На предшествовавшем собрании было почти решено устав зарегистрировать, но <...> когда дело дошло до решительного шага, этого сделать не удалось из-за отсутствия... богатого американского дядюшки. <...> по их мнению, существуете Вы за счет Америки, и <...> если просить нам из Америки денег на открытие общества и издание книг, так «Рига все равно перехватит и до нас ничего не дойдет!». К тому же в Америку писали в декабре месяце <...> но до сих пор ответа оттуда нет, <...> «наше эстонское искусство еще бедная сиротка, так с какой же стати мы станем особенно затрачиваться на пропаганду чужих идей и чужого искусства». <...> Правда, мнения об регистрации устава разделились — я, Раннит, Абрамов и Ниман высказывались за регистрацию <...> я внес третье предложение — отложить регистрацию до того, покамест деятельностью Комитета не будет доказана необходимость общества. Гринберг, Таска, Тамм — опасаются, что обществу нечего будет делать <...> если они полагаются только на себя, то мнение это очень обосновано и необходимо привлечь к делу больше людей, и людей именно идейных. Надеюсь, что мне в этом поможет также Раннит, с ним легче всего иметь дело. <...> Брошюру о Н. К. мы выпустим в самом ближайшем будущем. Составление брошюры поручено Ранниту, мне и Тамму. <...> Раннит напишет биографический очерк и затронет художеств[енную] сторону, Тамм — о Пакте, и я возьму тему — Рерих как мыслитель. Брошюру решено издать в 500 экземплярах. <...> Мы в

своей группе постараемся собрать все по крон десять, тогда и художникам придется раскошелиться <...> на каких условиях Вы можете выслать нам для 500 экземпляров брошюры маленькие одноцветные репродукции и на сколько дороже будут цветные (формата открытки)? <...> 21.IV я встречаюсь с Раннитом и Таммом, причем приготовлю свою статью к этому времени, и просил их сделать свои работы так же <...> о Ранните. Он заходил ко мне сегодня утром для обсуждения некоторых вопросов о брошюре <...> Движением Н. К. он <...> заинтересован <...> О книгах Учения он знает <...> получил на днях из Литвы от Тарабильды «Л[исты] С[ада] М[ории]» <...> отозвался так: «На эти книги я несколько улыбаюсь» <...> для движения Н. К. он может сделать у нас много полезного <...> У него уже намечена пара докладов о Н. К., причем я снабжу его имеющимися у меня репродукциями <...> он ознакомит с движением и творчеством Н. К. широкие эстонские круги <...> у него хорошие отношения с «Päewaleht» <...> человек он полезный, но из-за его взгляда на Учение нельзя его назвать «своим». Иван Георгиевич [Блюменталь], когда был здесь, заходил еще к архит[ектору] Н. Бушману. Я послал ему приглашение <...> он не мог прийти, но просит известить его о следующем собрании <...> Если потребуется, то вообще отбросим художников <...> но <...> должны и они принести свою пользу <...> благодарен <...> за книгу «Священный дозор». Книги, предназначенные для Игоря Северянина, высылаю ему сейчас в Гунгербург <...> Поэт он, безусловно, талантливый, но слишком много скандальных историй с его именем связано <...> Приветываю от меня прошу передать д-ру Лукину, с которым очень рад был познакомиться, и Ивану Георгиевичу. [НВ: II, 95–97].

Между тем Северянин не особо спешит отвечать лично Рериху, поскольку в апреле 1938 г. он увлеченно переводит сборник Раннита «В оконном переплете» (стихи 1932–1937 гг.), причем дольше, чем писал об этом в предисловии [Лысяя: 104]:

Перевод на русский <...> выполнен Игорем Северяниным в одну из недель апреля 1938 г. <...> О стихах Раннита хорошо отозвались также в письмах к нему Н. К. Рерих, Д. С. Мережковский и К. Д. Бальмонт. [ПРС: 298–299]

Пиетет Северянина перед Рерихом был, по-видимому, усилен не только денежным вспомоществованием, но и стихотворением Раннита «Исповедь Н. К. Рериху».⁹²

⁹² «Во мне заложены восток и запад, / весь блеск Москвы и Эстии смягченность. / Во мне искания разгоряченность / на черни света — жизни яркий крапат. // В душе: распахнутые окна Волги, / народ — монах и Стенька Разин. / Но я с заливом Финским крепко связан, / его плитняк люблю любовью долгой. // Во мне поет звон русских колоколен, / во мне эстонских рощ священных шумы. / И странам двум все помыслы, все думы — / я брат народов двух в их разной доле. // Шаг без сомненья, шаг без колебанья, / граниты под ногою — розово-червленны. / И пол души из Финских волн зеленых, / и пол — из окон Волги в осияньи» [ПРС: 299].

19 апреля 1938 г. Рерих писал Р. Я. Рудзитису и Г. Ф. Лукину, отзываясь на рассказ о поездке Лукина в Таллинн:

Пришли Ваши письма <...> письмо А. Раннита от 25 марта. <...> Жаль, что в Таллинне не застали Раннита. <...> группа Раннита может быть особенно полезна. Мы вовсе не базировались на А. Д. [Кайгородове] и Н. Ф. [Рооте] <...> Конечно, странно (как пишет Блюменталь), что Раннит еще не заехал к Вам в Ригу, по пути в Литву <...> О К. Ф. Цейдлер я всегда был хорошего мнения, но <...> трудно считать ее очень деятельной. <...> Н. Ф. [Роот], и А. Д. [Кайгородов] не читают Живой Этики, и Вы правы, не начиная с ними и говорить о ней. <...> В письме Раннита Вы увидите удивившую нас фразу о моем национальном происхождении. <...> В моих записных листах <...> любопытные подробности о Петровских временах и о сохранении церкви, за что прапрадед даже имел осложнение. <...> и тогда возникал вопрос об охране памятников, который <...> вырос в целый Пакт и Знамя. [Письма с гор: II, 72–74]

21 апреля 1938 г. Рудзитис сделал запись в дневнике о поездке Г. Ф. Лукина в Эстонию:

Он возвратился из Эстонии и сразу выдал отрицательные характеристики тем людям. Но и у художника Роота есть свои достоинства, он прислал мне сердечное письмо в благодарность за мою книгу. <...> Становление Эстонского общества протекает очень медленно. В комитет теперь приглашены также Беликов и Раннит. Последний недоволен нерасторопностью. На последнем собрании обсуждался вопрос о том, где брать средства. Будто бы выражалось мнение, что Рижское общество получает средства от «богатого американского дядюшки», <...> американского Музея. Понятно, эти пересуды нас возмутили. <...> Жаль, что и в Эстонском обществе нет выдающегося руководителя с дальновидным чувствованием. У Беликова огонь есть, но большой роли он пока играть не может. Кроме того, сам он еще молод и ему предстоит развиваться, набираясь опыта. К примеру, он заявляет: «Если не справимся с художниками, то оставим их и поищем друзей в иных кругах». Но ведь истинный организатор сумеет использовать каждого культурного работника на пользу своей постройке. <...> Раннит – энергичный, приятный человек, было у него несколько докладов об очерках и стихах Н. К. Он прислал статью и стихи для книги приветствий. [ПРС: 226]

25 апреля 1938 г. Рерих написал Беликову по поводу идеи издать сборник его очерков на эстонском языке, советуя, кроме уже отобранных, использовать и другие свои книги:

<...> «Твердыня Пламенная», «Цветы Мории», «Держава Света», «Нерушимое» и «Сердце Азии». Если у Вас или у Раннита этих книг не имеется, то спишитесь с Рудзитисом в Риге

<...> Конечно, кроме полных статей, могут быть и отдельные мысли — цитаты <...> С удовольствием даю Вам разрешение на составление такой книги для эстонского издания. <...> Кроме Вашей группы, у Раннита имеется целая группа выдающихся молодых деятелей искусства всех областей. [НВ: I, 120]

В письме содержался и отклик на статьи Беликова и Гущика в «Потоке Евразии»:

Читали мы в «Потоке» Вашу очень интересную статью. При случае скажите, пожалуйста, Гущику, что мы весьма одобряем его основные мысли. Между прочим, он поминает тепло [П. Е.] Щербова. От души присоединяюсь в этом <...> Первая моя встреча с ним относится еще к временам академическим, когда после моего фельетона «На кургане» [1898] Щербов подошел ко мне в залах Академии и сказал: «А мы вчера хором пропели вашу статью». Помню его карикатуру на мастерскую Куинджи, которую он облек в образ моей картины «Сходятся старцы» [1898]. Все карикатуры Щербова являются страницами русской истории <...> и должны быть изданы отдельным альбомом. <...> Шаляпин обижался на Щербова, но не будем судить, ибо оба они уже переселились в мир тонкий. Правильно говорит Гущик о необходимости бережности к нашим первейшим лицам. Куприн, действительно, страдал от небрежения. Помню, как бедствует Ремизов в Париже. За малым исключением, вроде Бунина, многие <...> в бедственном состоянии. [НВ: I, 121]

30 апреля 1938 г. Н. К. Рерих в очередной раз пишет Р. Я. Рудзитису и Г. Ф. Лукину, посылая копии своих ответов Ранниту и Беликову и повторяя, что на А. Д. Кайгородова и Н. Ф. Роота в Эстонии не стоит особенно полагаться:

Было бы гораздо значительнее, если Таска, Раннит, Пятс и другие местные имена оказались бы в центре деятельности. <...> Посоветуйте Беликову не погружать Раннита в Учение — пусть каждый своим путем подходит. Раннит и в других областях весьма полезен. [Письма с гор: II, 81–83]

В письме, датированном тем же числом А. Раннит благодарит Рериха за письмо, репродукции «и в особенности за деньги, посланные Вами Игорю Северянину», а также «за чуткий отзыв о Вийральте». Он отчитывается о проделанной работе и планах, прежде всего о сборнике, где должна быть и статья Беликова «Рерих – мыслитель». Посылает и прозаический перевод своего стихотворения «Рёрих»:

Сейчас готовим к печати брошюру о Вас. Она будет состоять из статей: 1) моя «Жизнь и творчество Рериха», 2) Альфреда Тамм'а (видного журналиста и секретаря Культурного Капитала Художеств, прожившего 13 лет в USA) «Пакт Мира Рериха» и 3) Беликова «Рерих — мыслитель». В 4) если это разрешат материальные возможности — избранная статья Ваша или цитаты из Ваших книг. <...> Р. Рудзитису я послал для монографии свой

стих «Roerich», который переписываю и здесь, и прошу принять в знак сердечной любви.⁹³
<...> В Эстонии Вас почему-то считают финном, а некоторые художники утверждали мне, что Ваши предки с эстонских островов. Но как я теперь узнал от Вас и из книги Дювернуа — эта версия неправильна. Очень Вам благодарен за чуткий отзыв о Вийральте. Ряд наших «выдающихся» людей считают, что <...> его картины — это порнография и даже онанизм духа <...> Я был бы очень рад, если бы Вы разрешили опубликовать Ваши строки о Вийральте в эстонской прессе. [ПРС: 136–137]

Переписка с Раннитом становится интенсивнее, и 22 мая 1938 г. он уже извиняется за 4-дневное опоздание с ответом из-за поездки в Гапсаль (Хаапсалу), рассказывает о связи своей поэзии с музыкой, живописью и о том, что в учении Рериха его привлекает духовность как основа любой деятельности. Раннит пишет о своем сборнике в переводе Северянина и желании посвятить Рериху стихотворение «Виденье»:⁹⁴

Эстонскими композиторами написано много музыки на мои слова, а я в свою очередь не могу отделить музыку от поэзии, ибо оба эти вида искусства выросли из песни (<...> Бодлер уже давно восклицал: «Музыки, больше музыки!»). <...> я два года провел в стенах школы прикладного искусства, а теперь критика меня нередко поругивает за излишнюю декоративность. Мне близки Ваши учения именно потому, что это не есть «играние на арфах» или «сидение на тучах». Я молюсь в ботаническом саду, в зоологическом музее, в астрономической обсерватории, в антропологическом институте. Ни одно философское откровение не может меня убедить в существовании Бога в такой степени, как <...> крылья бабочки или самовозгорание фосфора. В прыгающей ящерице, в поющей птице, в кристаллизирующейся соли, в магните, притягивающем железо, — таится чудо. Из всех чудес — чудеса мира для меня самые убедительные <...> Осенью при посредстве М-ва

⁹³ Стихотворение «Рёрих» в авторском прозаическом переводе цитируем с сокращениями: «Твое имя вписано в синеву небесного глетчера / и в молитвах к Красоте крепко завязан узел твоих губ. / Пылает дыхание древних радостей в музыке твоих красок, / и хранит нас белый свод доброты твоих слов. // У тебя глаза святого монгола, но твое сердце из Скандии, / Рюрик, Rorik и Roerich, это, благой скальд белесого Севера. / Твою душу наши скалы и камни, и мхи обворожили, / море, звездные руны, ночь, тучи и скорбный лик берез. // Мир другой еще есть у тебя: верблюды туч Гималаев, / святые монастыри и ламы, Тагор и хранящая чудеса земля. / И твой зов сквозь бурю, лед, огонь и хаос: «Вперед!», / от которого тяжелые наши кандалы становятся раскрытыми орлиными крыльями. // Ты пришел, бросить чтоб в мир призыв подвига и бесстрашия, / твое развертывающееся знамя теперь поднимают наши души и плечи <...>» [Там же].

⁹⁴ «Возник он из далей Востока, / плащ пыльный наброшен на нем. / И с детства я мыслил: что мог он / на севере жаждать моем. // Во взглядах — стыда ликованье, / в глазах — туч кипучих поток. / В его бороде осиянье, — / как тронутый солнцем песок. // И брови — как ворона крылья, / а домом — ветры на песке. / В нем что-то из Юхана Лийва, / и посох пророка в руке. <...>» [ПРС: 141]

иностран. дел выйдет мой сборник «В оконном переплете» <...> в переводе Игоря Северянина. Разрешите мне посвятить Вам в русском издании стих «Виденье», который здесь прилагаю. [ПРС: 140]

К 5 мая 1938 г. и Северянин нашел возможность и время ответить и поблагодарить Рериха за помощь и за книги, пересланные через Беликова:

Дорогой мне Николай Константинович! <...> я в постоянных скитаниях по лесам, озерам и рекам, иногда о две-три недели <...> бегу безоглядно в Природу, <...> целиком уходя в ловлю рыбы и созерцания <...> Красоты. Спасибо Вам сердечное за Ваше бодрящее, чуткое и праведно-мудрое письмо. Спасибо за присланные на издание поэмы деньги. <...> целиком все пришлось отдать людям, бедным и совестливым, жизнь мою дящим. <...> А поэму я все же издам <...> Вас же благодарю за снимки с Ваших картин — глубоких и пленяющих, и будящих. Недавно закончил перевод книги Раннита. <...> Он такой трагично-образный и ущемленный. <...> Бальмонт сделает предисловие. Рудзитиса лично не знаю, но книги его чту. Буду в Риге, непременно познакомлюсь с ним. [ПРС: 148]

Тем временем ко «Дню Русского Просвещения» в Нарве (11–12 июня 1938 г.) Беликов организовал в Нарве выставку рериховских репродукций, о которой в статье «Интересная выставка» в пятницу 6 мая 1938 г. поведали «Вести дня» (№ 101, стр. 2):

<...> будет устроена выставка репродукций с картин русских художников. Комитет получает на это время очень полную и ценную коллекцию репродукций с картин Н. Рериха — знаменитейшего русского мастера наших дней. [ПРС: 287]⁹⁵

В майском выпуске «Вестника Союза русских просветительных и благотворительных обществ в Эстонии» (1938, №5, стр. 72–75) появилась статья Н. Ф. Роота «Н. К. Рерих»:

К именам, прославившим русское искусство во всем культурном мире <...> принадлежит имя выдающегося русского художника <...> Н. К. Рериха. <...> он проявил себя одновременно, как талантливый писатель, как ученый-археолог, как организатор и насадитель очагов художественного образования. [ПРС: 289]

Роот описал и жизненный путь коллеги, начиная с того факта, что отец художника был «известный Санкт-Петербургский нотариус».⁹⁶ Поделится и своими воспоминаниями:

⁹⁵ Во вторник 10 мая 1938 г. газета подтвердила, что «будет открыта выставка репродукций с картин Н. Рериха и других русских художников» [ПРС: 288] в статье «Как будет праздноваться «День Русского Просвещения» в Нарве (Вести дня. № 104, стр. 2).

⁹⁶ Упомянута и учеба в Париже «в мастерской известного художника Кормона», и основные темы («Легендарная старина его родины, предания человечества, быт каменного века, мистические настроения природы...»), и зарубежная эпопея странствий и достижений Рериха, начиная с момента выезда в

Пишущему эти строки, знавшему Н. К. Рериха, как однокашника по Академии и как сотрудника по художественным работам в Школе Поощрения художеств, где Н. К. был директором в течение почти 16 лет, не раз приходилось наблюдать и восторгаться легкостью и быстротой творческой работы Рериха, большой его выдержкой и спокойным любовным отношением к делу. [ПРС: 290]

В конце статьи художник привел цитату из письма Рериха от 17 января 1938 г., еще раз подтверждая образ Рериха-защитника культуры и пацифиста:

Вот теперь, в Китае, разрушено более ста университетов и образовательных учреждений. Японцы обратили Храм Неба в казармы и, как пишут газеты, разрушили превосходное изваяние Мингской династии. [ПРС: 291]

В субботу 11 июня 1938 г. в газете «Новая заря» (стр. 3), издаваемой в Сан-Франциско, вышла статья Алексея Раннита «Рерих — поэт». Раннит был представлен латышским поэтом (видимо, из-за своих литовских увлечений или из-за ассоциации с рижским музеем). Концепция Раннита отличалась своеобразием. Он видел в Рерихе прежде всего «поэта», имея в виду не стихотворные произведения Рериха, а его творчество в целом:

Рерих — это бесспорно и бессомненно одно из величайших имен мира. <...> Для меня Рерих, во-первых, великий поэт <...> в живописи, в научных изысканиях, в книгах <...> Рерих напоминает мне всегда слова Жорж Санд, что «искусство не есть изучение современья, а искание идеальной истины», и Оскара Уальда, говорившего, что не искусство должно подражать жизни, но жизнь должна подражать искусству <...> поэт, который осмеливается взглянуть в глубину души, видит там бездонности. Это видели Данте и Достоевский. Это видит и Рерих. <...> словами Бальмонта:

Пять чувств — дорога лжи, но есть восторг экстаза,

Когда нам Истина сама собой видна. <...>

«Cor Ardens» — так назвал он одну из своих организаций, и это название подходит больше и к его поистине пламенному сердцу. Сердце чувствует всемогущее значение Красоты. <...> во всех концах повторяются его учения, как слова Евангелия. [ПРС: 292–294]

Далее Раннит развивает рериховскую концепцию «радости»:

Финляндию в 1916 г. для поправления здоровья: «Из Лондона Рерих переселился в Америку, где быстро завоевал выдающееся положение в художественном и научном мире. Уже в 1921 году учреждается в Нью-Йорке Объединенный Музей искусств его имени, ныне разросшийся в 29-этажный небоскреб. На одном из международных американских конгрессов по инициативе Рериха утверждается Пакт защиты памятников искусства во время мировых потрясений. <...> он совершает две сложные научные экспедиции в Монголию и Тибет, после чего окончательно поселяется в Индии <...> руководя научно-художественным институтом и отдаваясь вдохновенному творчеству. <...> О Н. К. Рерихе существует целая литература в виде художественных монографий на разных языках» [ПРС: 290–291].

Из учений Рериха можно вычитать, что жизнь дана человеку для радости. Жизнь прекрасна жизнью, радостью искусства, художественным наслаждением, Красотою и радостью творчества, в которой человек становится Богом. Красота и искусство — божественны, красота есть Бог, высшая, неподчиняющаяся, исключительная ценность. [ПРС: 294]

Раннит также развивает важные для Рерихов темы «красоты» и «труда»:⁹⁷

Но Достоевский сказал ведь: «Красота спасет Мир» и ценность сказанного познал во всей силе Рерих. <...> Красота спасет от притупляющих и обессиливающих жизненных мелочей, этой липкой тины — засасывающей душу. Но для того, чтобы народы познали красоту, нужна неустанная борьба. Наш идеал — труд. Пусть катятся здоровые капли. В этих каплях <...> симфония жизни. <...> И если нам казался ключ от ящика, в котором скрыто счастье народов, куда-то <...> брошенным, и если мы искали того смелого рыцаря, который <...> нашел бы этот ключ, <...> вы поймете почему в моменты тяжелой скорби, <...> мы тянемся к этому рыцарю. Его имя Рерих. [ПРС: 294]

Вскоре после этой публикации, 19 июня 1938 г., на первой странице газеты „Kunst ja Kirjandus” (№ 23) было опубликовано стихотворение А. Раннита «Утро», в котором краски моря сравнивались с красками «Галлен-Каллела и Рериха». Раннит пишет об этом Рериху 20 июня 1938 г., сожалея о том, что часть дел придется отложить до осени:

Сердечнейшее спасибо за Ваше письмо с приложением приветствия бойскаутам Индии. Одновременно я получил и рижскую «Золотую Книгу». <...> написал о ней отзыв <...> В сегодняшнем номере «Päewaleht’а», а именно в приложении «Kunst ja Kirjandus» («Искусство и Литература»), <...> напечатано мое стихотворение «Homnik» — «Утро», в котором я осмелился упомянуть Ваше славное имя. Стих этот посвящен известной эстонской художнице Karin Luts (она член нашего содружества Вашего имени)⁹⁸ <...> Брошюра о Вас сможет выйти, к сожалению, только осенью. Мое выступление в начале мая в Всеэстонском Союзе Молодежи на тему «Roerich — новая совесть мира» имело успех. Второе выступление в Доме Художеств — сделаю в сентябре на Всеэстонской осенней выставке <...> С осени отдам все силы организационному движению Вашего имени. [ПРС: 143]

⁹⁷ Отметим переключку с брюсовским изводом темы труда; поэт-символист Брюсов (р. 1873) и художник-символист Рерих (р. 1874) родились с разницей всего в один год и сформировались в одну эпоху.

⁹⁸ Прозаический автоперевод: «Видишь — на сером шелке седого моря / узкие блики чаек, / и на синегранном граните / сидит северная тишина. // Здесь жизнью слито все в едино, / и тебе родственны / камни, мхи, строй берез / и волны, чайки и звезды. // Здесь Gallen-Kallela и Roerich / в древнеритмических красках слиты <...>» [ПРС: 142]. Перевод И. Северянина см.: [ПРС: 295].

Глава 4.

Свой кружок, “Тöökool” и закат движения (июнь 1938 – июнь 1940)

4.1. Книготорговля и семейное счастье

21 июня 1938 г. Беликов написал Рериху письмо, которое шло целый месяц, но очень обрадовало адресата. Беликов сообщал о своей жене (бракосочетание еще не состоялось, оно будет в августе), ее образованности и желании изучать Живую Этику. Сообщал он и то, что “Тöökool” сотрудничает с представительством «Международной Книги», через которую можно наладить книжный обмен с СССР.

27 июня 1938 г. Рерих ответил Северянину на письмо от 5 мая:

Радуюсь Вашим добрым словам о Ранните, ибо и я к нему отношусь с большой сердечностью. <...> радуюсь каждому единению, а тем более единению среди мастеров искусства. <...> Люди теряют человекообразие и заняты изобретением братоубийственных орудий. <...> как бы и планету не взорвали. Один мой биограф просил меня спросить, нет ли у Вас еще каких-либо упоминаний меня вроде как в поэме, Вами нам присланной [«Рояле Леандра»].⁹⁹ <...> Помню <...> отчаяние <...> Леонида Андреева, <...> «говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не вижу». <...> даже в нашей горной глуши <...> одна неожиданная русская гостья декламировала Ваши стихи <...> [ПРС: 144–145]

28 июня 1938 г. Р. Я. Рудзитис писал в дневнике:

Накануне <...> Троицы вышла <...> «Зелта Грамата». <...> В Эстонии за рассылку взялся Комитет Общества Рериха, а вернее – Беликов с Таммом. [ПРС: 227]

П. Ф. Беликов активно занимался книготорговлей, в которой постепенно добился больших успехов, отчасти вернув давно утраченное семьей материальное благополучие,¹⁰⁰ но не оставляя мечты о более деятельном участии в культурной жизни.

⁹⁹ В «Рояле Леандра» (1925, опубл. 1935) Н. К. Рерих упомянут среди художников в 16-й строфе II части: «И с ними ты, гремящий в прерых / Краях, универсальный Рерих...» [Северянин: 34].

¹⁰⁰ А. П. Беликова сообщает: «П. Ф. предложили работу в книготорговой фирме «Тёёкооль», где было отделение “Международной книги”, вскоре он стал заведующим отделом, увеличив оборот торговли в десять раз. “Международной книгой” назывался кооператив фирм по продаже книг за границу, куда поступала печатная продукция из России. Русским эмигрантам, разбросанным по всем странам мира, было удобнее заказывать книги в Эстонии, со скидкой до 40 процентов, чем непосредственно из Советской России. <...> Работая в “Тёёкооль”, Павел Федорович получал 300 крон (зарплата начислялась с оборота) <...> Оклад рабочего тогда составлял 60 крон. Перед войной Павел Федорович с женой Галиной Васильевной смогли снять четырехкомнатную квартиру в престижном районе города “Кадриорг”, держали прислугу» [СДР: 209].

29 июня 1938 г. Р. Я. Рудзитис сообщал Рериху о том, что Кайгородов «в начале июля обещал собрать комитет для рассылки книг» для помощи с рассылкой «Золотой Книги» по Латвии, Литве и Эстонии, добавляя о Ранните и посвящении им Рериху стихотворения «Виденье»:

Раннит поместил рецензию о «Золотой Книге» в «Räewaleht». <...> Странно, что его интуиция осталась чуждой духу Вашего творчества. Другое его стихотворение в «Золотой Книге» более оптимистическое. Одну фразу просил переделать. Вместо «питров» он поставил «ламы». Указал, что в Ваших картинах не встречается изображения питров¹⁰¹, как символа негативного. [ПРС: 146]

В журнале “Flamma” (1938, №2) сообщалось, что в конце июня президент Литовского общества им. Н. К. Рериха мадам Ю. Монтвидиене посетила Таллинн и установила тесные контакты с членами эстонского рериховского общества.¹⁰² В том же номере содержалась информация о публикации в Эстонии статьи Н. Ф. Роота «Н. К. Рерих». В №3/4 сообщалось и о проведенной в Нарве выставке репродукций картин Рериха, куда П. Беликов поднес адрес, то есть доставил письменное приветствие (видимо, от членов общества или самого художника).¹⁰³

В письме Рериху от 3 июля 1938 г. Раннит переслал свою рецензию на «Золотую книгу» из газеты «Pjävalexht»:

Прилагаю здесь вырезку из «Räewaleht’a», в которой вы найдёте мою рецензию о «Золотой Книге», — она заканчивается рядом Ваших цитат, которые <...> не вошли в «Золотую Книгу» <...> В них есть ответы на многое, что волнует сейчас литературного обозревателя. Социальный заказ, проникающий в искусство самых либеральных стран, отравляет истинно-откровенное творческое чувство и дает <...> повод к духовной проституции. Ваши прекрасные слова о индивидуальной свободе и независимости от теорий в искусстве — звучат сейчас непреложной истиной. Здесь же я прилагаю пару своих стихов в переводе Северянина. Если Вы случайно имеете возможность устроить их где-нибудь в русской американской прессе — буду Вам очень благодарен. Завтра я уезжаю на месяц в Германию — как корреспондент «Räewaleht’a». <...> буду встречаться с Рудзитисом <...> [ПРС: 147]

7 июля 1938 г. Северянин вновь обратился за помощью к Рериху:

¹⁰¹ Питары или питри – души предков в индуизме.

¹⁰² “Mme J. Montvidiene, President of the Lithuanian Roerich Society, visited Tallinn towards the end of June and established close contacts with members of the Estonian Roerich Society” [Flamma: II, 4].

¹⁰³ “The Estonian Roerich Society has organized in Narva an exhibition of reproductions of Prof. Roerich’s paintings at which Mr. P. Belikov delivered an address” [Flamma: III-IV, 5].

Простите меня за откровенность и, как Воскрыленный, приемлите ее: я, моя жена и мой сын Вахх гибнем. <...> Самое душу щемящее — Вахх. Ему 16. <...> Еще 4 года должен учиться. <...> нам всем троим здесь нужно ровно 20 \$ в месяц, но источники иссякли. <...> Помогите хотя бы единовременно. <...> Жена, талантливая русская поэтесса (я пришлю после Вам ее невообразимые стихи) хронически болеет почками. <...> Она — надмирная, она — внежизненная. Провидящая и нискемная. <...> В прошлой жизни убиенная инфанта. <...> Не дадите бесславно погибнуть. [ПРС: 148]

18 июля 1938 г. Р. Я. Рудзитис писал Н. К. Рериху о передачи его статей в газету «Сегодня», о краткой встрече с Раннитом и характеристике, данной ему Беликовым:¹⁰⁴

Раннит вчера был проездом через Ригу в Берлин, и я с ним встретился на 25 минут. <...> он «poete par excellence» <...> идея для него нечто второстепенное. <...> некоторая «богемная» черта в нем <...> он когда-то как второй адрес мне дал <...> кофейную. <...> как Беликов признался, еще «детское в нем» <...> понятны некоторые его черты, о которых <...> пишет нам Беликов, предостерегая нас. Боюсь лишь, не слишком ли резко он очертил Раннита <...> ибо сам признается, что лично его мало знает. <...> значение нескольких проступков он сильно преувеличивает, ведь могут же быть у поэтов излюбленные фразы, как в данном случае <...> о «монгольских глазах» и т. д. Но Беликов приводит также много других. [ПРС: 149]

Далее возникает мотив, возможно, объясняющий некоторую предубежденность Беликова, помнящего об истории с обвинениями А. Долгошева в плагиате¹⁰⁵:

Полемику в «Сегодня» об одном эстонском писателе несколько лет тому назад я сам читал, но тогда не обратил внимания на имя писателя. Как бы то ни было, черты, приписываемые

¹⁰⁴ Во вторник 26 июля 1938 г. Рудзитис записал в дневнике отстоявшуюся версию своих впечатлений о встрече с Раннитом (датируя ее иначе — 15-м июля) и двух письмах Беликова о Ранните: «Я встречался с Раннитом, который ехал через Ригу в Берлин <...> 15 июля, и всего на 25 минут. Н. К. <...> верит, что он обладает достоинствами, которые принесут пользу <...> людям. Раннит написал несколько очерков о Рерихе, посвятил ему стихи. <...> Беликов из Таллина в двух письмах <...> упрекает Раннита в “плагиате”, что он <...> хочет использовать Рериха в целях саморекламы <...> Беликов, будучи еще молодым, характеризует его излишне резко. Конечно, Раннит <...> любит засиживаться в кафе, не исключено в нем и честолюбие, но разве эти свойства <...> нельзя исправить? <...> в Ранните есть нечто от «большого ребенка»: в нем сердечность, которая могла бы его поднять, если бы только кто-то направлял его развитие. Хотя Раннит в своих писаниях затрагивает и идеи <...> мне почудилось, что он является поэтом как таковым, что мир идей для него есть нечто второстепенное. <...> вряд ли он <...> сможет зажечься огнем Учения, чтобы <...> верно понять и Рериха с его миссией. Беликов сознается, что он Раннита лично еще мало знает, и я тоже хотел бы узнать его поближе» [ПРС: 227].

¹⁰⁵ На эту тему много писали, см. работы Г. М. Пономаревой [Пономарева 2000], П. М. Лавринца [Лавринец] и др., в которых есть необходимая библиография.

Ранниту Беликовым <...> могут быть легко преодолены. <...> Но здесь ему нужно было бы именно общение с духовными людьми, и Беликову надо было бы не избегать его, но чутко направлять. Прилагаю <...> выписку из последних писем Беликова <...> Беликов сам еще очень молод. Гаральд Феликсович также вынес от него впечатление, что в его суждениях из-за его молодости иногда может быть <...> односторонность. В Беликове, помимо его устремленности, привлекает его серьезность и прямолинейность. М-лле Фрицберг, которая была в Таллинне, слышала от знакомых Беликова самые лучшие отзывы о нем (даже от Гущика).¹⁰⁶ [Письма с гор: II, 126–129]

19–22 июля 1938 г. Рерих пишет Беликову два раза подряд, получив в промежутке его июньское письмо о возможностях «Международной книги». Письма фиксируют и резкое сближение Б. Х. Тагго-Новосадова с Беликовым и «рериховцами»:

Спасибо Вам и тем Таллинским друзьям, которые прислали мне книгу «Волга идет в Москву»¹⁰⁷. <...> Такие монументальные сооружения, как описанный в книге канал, принадлежат <...> каждому русскому. Также поблагодарите <...> Бориса Новосадова¹⁰⁸ за его тетрадь звучных стихов. У него есть несомненный поэтический дар, — пусть он не впадает в пессимизм <...> Слышали мы, что Вы теперь работаете в книжном магазине, а такая работа есть истинно культурное дело. <...> книжный магазин <...> уже является очагом культуры <...> своеобразным клубом. <...> у Анатоля Франса самые поучительные беседы происходят именно в книжной лавке. [НВ: I, 122]

Касается Рерих и своих огорчений:

Я Вам посылаю полученную мною из Америки статью «Будем Бережливы». <...> Столько неповторимых ценностей часто уничтожается человеческим невежеством. Получили мы книгу Грабаря¹⁰⁹ <...> приписаны мне слова, которых я никогда не произносил. <...> Меня уже три раза хоронили, а <...> профессор Коренчевский в Лондоне сообщил мне <...> что я вовсе не Рерих. [НВ: I, 122–123]

Наконец, Рерих переходит к взволновавшей его новости о возможном обнаружении в Эстонии родственника жены — Я. М. Шаховского:

¹⁰⁶ А. Н. Анненко утверждал, что среди знавших Беликова «существовала полушутливая мысль ввести в использование меру совершенства человека в “один Беликов”, сокращенно “1 бел”» [СДР: 5].

¹⁰⁷ П. Ф. Беликов в комментарии к письму пишет: «Книга “Волга идет в Москву” – книга о канале Москва-Волга. Получив эту книгу, Н. К. Р[ерих] по ее материалам написал очерк “Стихия”» [НВ: I, 122].

¹⁰⁸ П.Ф.Беликов комментировал: «Борис Новосадов (Борис Тагго), поэт. Проживал в Таллинне. Посылал Н.К.Р[ериху] сборник своих стихов “По следам бездомных Аонид”, Таллинн, 1938». [НВ: I, 122]

¹⁰⁹ П.Ф.Беликов: «Имеется в виду автобиография И.Грабаря “Моя жизнь”» [НВ: I, 122].

Н. Ф. Роот¹¹⁰ прислал мне номер журнала «Сельское Хозяйство» со своей статьей. Среди сотрудников <...> упоминается Я. М. Шаховской¹¹¹. Нельзя ли узнать, тот ли это Яков Михайлович Шаховской, бывший директором сельскохозяйственной школы во Пскове, и где он сейчас. <...> как я писал в моем очерке «По лицу Земли», прошли русские и много посеяли семян культуры. [НВ: I, 122–124]

22 июля 1938 г. Рерих пролжает затронутые темы, посылая привет и «супруге» Беликова (видимо, Беликов упомянул о грядущей в августе свадьбе):

Только что послал Вам письмо паровой почтой, благодаря за книгу, как пришло Ваше письмо от 21 июня, которое нас очень порадовало. Прежде всего, шлем привет Вашей супруге. Очень приятно слышать, что она и педагог и агрокультуристка, — оба эти обстоятельства так нужны в служении народу – человечеству. Если же Вы оба одинаково устремлены к Живой Этике, то это может создать истинное семейное счастье. [НВ: I, 123]

Рерих тяжело переживал прерваную связь с Россией, где он в последний раз побывал двенадцать лет назад и куда въезд ему был совершенно заказан. Лишенный всякого понимания происходящего,¹¹² он мечтал вернуться на родину или хотя бы иметь возможность общения с близкими (в частности, с братом), оставшимися на родине. Через Беликова открывалась возможность наладить хотя бы книжный обмен, а может быть и эпистолярный:¹¹³

<...> весьма порадовало Ваше сообщение, что Вы работаете в представительстве «Международной Книги».¹¹⁴ <...> возможно ли через Ваше представительство выписывать нужные нам книги с обычной издательской скидкой, так как у нас есть издательство. Так, например, сейчас нам хотелось бы иметь Поппе «Грамматика Монгольского языка», Л-д,

¹¹⁰ П.Ф.Беликов: «Николай Федорович Роот (1870–1960), художник. Проживая в Таллинне, переписывался с Н.К.Рерихом. Сколько мне известно, в пятидесятых годах передал свой архив с письмами Рериха в ЦГАЛИ» [НВ: I, 123].

¹¹¹ П.Ф.Беликов: «Шаховской Яков Михайлович — родственник Елены Ивановны Рерих (жены художника) действительно проживал в Печорах (Петсери), где работал агрономом» [НВ: I, 123].

¹¹² С 1930 г. в СССР начались репрессии художников группы «Амаравелла» (название предложено Рерихом), «все, связанное с именем Рериха, подвергалось гонению и сам Рерих был назван “мракобесом” и даже “фашистом”» [Тамплиеры: 324]. В постановлении на арест Б. А. Смирнова (Смирнов-Русецкий, 1905–1993) от 22 июня 1941 г. говорится: «Прикрываясь идеей всеобщего мира, братства, личного совершенствования, <...> “Рериховцы” ставят своей основной задачей — борьбу с Советским строем, с коммунизмом, с советской идеологией» [Тамплиеры: 324].

¹¹³ 6 сентября 1938 г. Рерих писал Рудзитису и Лукину, имея в виду свои июльские письма: «Не говорил ли Вам Беликов о налаживании сношений с Швецией? Я ему писал об этом...» [Письма с гор: II, 164].

¹¹⁴ Видимо, Беликов внес уточнение, и позднее Рерих будет правильно называть место его работы в письме к Н. Ф. Рооту от 6 июня 1939 г.: «книжная торговля Тöökool» [ПРС: 202].

1938 г. Кроме того, нельзя ли Вам протолкнуть туда книгу Всеволода Н. Иванова «Рерих: Художник-Мыслитель» ([Иванов] – *И.С.*) — ведь Вс. Иванов хотя еще недавно был в Шанхае, но он тамошний писатель и <...> туда же протолкнуть и статью Голлер[баха] <...> [«Не»]рушимое». <...> книга о канале еще раз доказывает размеры происходившего народного строительства. Никто не может быть против народного творчества. Может быть, Вы препроводите и прилагаемую статью «Чаша Неотпитая» туда. <...> не получаю писем от моего брата Бориса Конст[антиновича], хотя и имею его расписки в получении моих писем. <...> может быть его письма где-то пропадают. <...> Бандеролью посылаю Вам несколько воспроизведений и статью Голлербаха. [НВ: I, 123–124]

Рерих дает советы по общественной работе и почти настаивает на встрече с Шаховским:

Что касается нашего общества в Таллинне, то действуйте без излишней торопливости, <...> в летнее время все затихает. Не знает ли Ваша супруга Я. М. Шаховского (бывшего директора сельскохозяйственной школы во Пскове) – этот вопрос перегонит мое пароходное письмо, в котором я также спрашивал о нем. Если же Вы его знаете, то передайте ему наш привет. [НВ: I, 124]

На просьбу Северянина о помощи Рерих ответил 3 августа 1938 г. вынужденным отказом.¹¹⁵ А 12 августа 1938 г. газете «Päewaleht» (№ 216) появляется заметка: «Tallinna linna perekonnaseisuaametis reg: Pavel Belikov ja Galina Mahhov», сообщающая о бракосочетании Павла Беликова и Галины Маховой. Примечательно, что в том же году его друг Борис Тагго женился на пианистке Сусанне Поска. Судя по нашим собственным впечатлениям от рассказов Г. В. Беликовой, вдовы П. Ф. Беликова, в их семье Бориса Тагго воспринимали как очень близкого друга. Возможно, Беликовы и Тагго дружили семьями.

Вероятно, сразу после свадьбы через редакцию журнала «Сельское хозяйство» или или как-то иначе Беликов выяснил место жительства Я. М. Шаховского в Печорах и нанес ему визит, побеседовал с ним и сообщил ему адрес Рерихов в Индии. Шаховской был чрезвычайно обрадован и написал письмо сестре Ляле (Елене Рерих) и ее мужу 18 августа 1938 г.:

Дорогой Николай Константинович, давно искал твое настоящее местожительства, знал конечно и про Музей и про Пакт, а где именно ты и твоя семья, узнал только на днях от

¹¹⁵ «Мои личные средства совершенно истощены, а художественных продаж не предвидится <...> я никогда не был богачем. Если бы только можно было знать, где существуют те газеты или журналы, которые еще платят гонорары <...> во Франции за помещение статьи <...> требуют еще и денежный взнос. <...> мой друг А. М. Ремизов жестоко бедствует, а уж чем живет Бальмонт — и представить себе не могу. Если бы из голубого неба пришла какая-либо новая возможность, я прежде всего вспомнил бы о Вас; но говорить о голубом небе, когда <...> грохочут пушки, это весьма слабое утешение» [ПРС: 155].

некогого Беликова и получив адрес строчу, ибо страшно хочу узнать про всех вас и связаться со своими. <...> Как чувствует себя Ляля, как ребятишки? Да, эти ребятишки пожалуй уже отцы семейства. А Ляля ведь моя любимая двоюродная сестра и кроме того самая изящная из мной виденных женщин. <...> Виделись последний раз в 1913 году и теперь пожалуй, мы старики уже. Ужасно хочу поговорить с Лялей и перехожу в обращении к ней. [ПРС:157]

Шаховской продолжает, обращаясь уже напрямую к Е. И. Рерих:

Ляличка милая, дорогая, здравствуй! Помнишь ли ты хоть немного кузена Яшу? Твоего обожателя, и которого ты всегда кормила завтраком, когда он бывал в Петербурге? Так вот теперь этот самый Яша — старая галоша, а сердце у него прежнее <...> Надеюсь, ты выберешь ½ часика времени и пришлешь мне подробное свое жизнеописание. <...> насидевшись во всяких тюрьмах <...> я в 19-м году дал тягу в Эстонию <...> Оля, я и 5 ребят <...> служил агрономом, ибо у эстонцев своих еще не было <...> ребятишкам дал образование, а теперь сам получаю маленькую пенсию 50 крон в месяц и с женою сыты. А ребята, кроме последнего Миши, который в 7-м классе гимназии, все уже на ногах. Старший — Костя ударился в религиозность <...> Мне казалось диким увидеть его в рясе, но оказалось ничего, он умеет ее носить с достоинством. <...> Стася и Ксана служат учительницами и помогают мне тянуть Мишу, ибо на мои 50 кр. не распрыгаешься. <...> Мстислав <...> взят был в солдаты, где и умер 21 году от роду <...> Мамочка умерла у меня во Пскове <...> Сестры — Катя и Стася тоже уже на том свете <...> Ты ведь с Америкой имеешь связь? Как там поживает Ксана Муромцева <...>? Не знаешь ли что-либо про Степу Митусова? <...> Князь Яков Шаховской [ПРС: 157–159]

В Таллинне молодоженов Беликовых посетил Рихард Рудзитис,¹¹⁶ который остановился у них в 20-х числах августа на неделю, чтобы пообщаться с психотерапевтом Вальтером Пабсоном (Рудзитис боролся с заиканием) и ближе познакомиться с эстонскими сотрудниками. 27 августа 1938 г. Рудзитис передавал Рериху свои эстонские впечатления. Начал он с Пабсона, автора ряда книг, который, по-видимому, совсем недавно помог

¹¹⁶ В своем дневнике Рудзитис описал это позднее (5 октября 1938 г.) так: «В Таллине я оказался в воскресенье вечером, 21 августа. В первую очередь подыскал гостиницу, и так как было еще не поздно, то направился в „Nõmme“ – Лесной парк к Беликову. Следующие дни провел у него, <...> смог ближе прикоснуться к душе его и жены. Оба они очень серьезные люди <...> даже слишком серьезные для своих лет, ему еще только 27. Совсем недавно поженились <...> он очень мало зарабатывает <...> в книжном магазине. Его жена состоит в группе Учения, в которой, кроме них, еще трое. <...> У него был туберкулез, теперь – излечен. Его мать совсем больная. Жизнь их полна тягот и напряжений. <...> они все хорошо понимают и подходят к Учению с подлинным интересом и серьезностью. <...> Хотелось бы видеть в них больше звенящего простора. И его статья об Н. К. <...> написана несколько излишне интеллектуально» [Рудзитис: 416].

избавиться П. Ф. Беликову от курения (о своем курении Беликов упоминал в письмах к Маховой, но из-за туберкулеза, видимо, искал способа «завязать» с вредной привычкой):

<...> живу уже неделю в Таллинне и завтра утром уеду обратно в Ригу. <...> получил письмо из Таллинна и решил поехать <...> В Таллинне живет эстонец Пабсон, симпатичный человек, <...> лечит по методу внушения-самовнушения [Эмиля] Куэ, <...> когда-то вылечил Блюменталья и Беликова от курения <...> Он розенкрейцер <...> его взгляды близки Живой Этике. <...> свою брошюру о флетчеризме¹¹⁷ и вегетарианстве он издает на русском языке. [ПРС: 160]¹¹⁸

Подробнее Рудзитис рассказывает о Беликове, его семье и группе единомышленников, с которой Беликов провел собрание 24 августа 1938 г.

Я все время жил у Беликова в лесном парке (Nõmme), и мы еще больше подружились. Его простота и скромность, его глубокая серьезность, чувствуется в нем даже какая-то измученность — результат бывшей чахотки. Учением он не только интересуется, но и старается его везде провести в жизнь. <...> я только что застал на его столе книгу о Парацельсе, изданную в Швеции (в СССР – И. С.). [ПРС: 160]

Вероятно, это была книга Владимира Андреевича Проскуряков (1887–1975), педагога и психиатра, автора ряда популярных биографий (и позднее — книги «Об искусстве жить», 1966). В 1935 г. в «ЖЗЛ» вышла его небольшая биографическая повесть «Парацельс» (176 стр.), в которой была и глава «Геологи, философы и маги» (стр. 141–157). Возможно, уже тогда Беликов задумался о книге в «ЖЗЛ», посвященной Н. К. Рериху (тем более, что он находился в процессе подготовки эстонской брошюры о художнике). Рудзитис пишет:

Он собрал более 50 репродукций с Ваших картин, которые все поставил под стекло, большую часть послал в Нарву на выставку Ваших репродукций и книг, которая откроется, кажется, в октябре. Он любит и новейшую русскую поэзию, хотя в нем самом как-то хотелось бы больше поэтической звучности и полета, <...> на склад его существа, безусловно, свой отпечаток наложила и слабость здоровья. [ПРС: 160]

Но больше внимания Рудзитис уделяет Беликову как организатору своего кружка:

Он всегда деловой. Говорит сжато, сравнительно медленно. 24-го вечером он собрал у себя свою небольшую группу — кроме него и его супруги, были еще [Юлия] Иванова и

¹¹⁷ Американский физиолог Гораций Флетчер пропагандировал систему длительного пережевывания пищи.

¹¹⁸ 5 октября Рудзитис записал о Пабсоне: «Приятный, уравновешенный, духовный человек. <...> мы много говорили о духовных проблемах. <...> автор нескольких книг <...> пациентам, хотя бы на период курса лечения, полностью возбраняет курение и мясоедение» [Рудзитис: 418].

Абрамов. Пеаль уехал в Ригу. <...> присутствовал Блюменталь, <...> приехавший в Таллинн. К осени <...> присоединится, должно быть, еще пара лиц. [Там же]

Возможно, говоря Рудзитису о «паре лиц», Беликов имел в виду художника и поэта М. А. Сидорова, автора сборника «Листья» (Ревель, 1920) с женой, но Сидоров присоединится к нему только в мае 1940 г. Фигура Абрамова для нас пока остается загадкой, хотя он уже упоминался (и так же — без инициалов). Несколько строк Рудзитис посвятил и Г. В. Беликовой, а также его матери, Марии Матвеевне:

Молодая супруга Беликова, чуткая душа, для ее молодых лет даже слишком серьезная, оставляет впечатление как бы измученной, усталой. Она вскоре должна будет уехать в деревню учительницей <...> на средства мужа (всего 60 крон в месяц) три человека существовать не могут — мать Беликова все еще очень больна. [ПРС: 160–161]

Рудзитис переходит к характеристике Раннита:¹¹⁹

<...> встретился с ним уже три раза, он приехал лишь позавчера в Таллинн. Сперва он приехал <...> в Nõmme, где мы два часа беседовали о литературе, второй раз я его встретил в кофейной, где он ежедневно бывает по утрам и вечерам. Эту кофейную содержит его друг — молодой композитор [Генрих] Фейшнер, и здесь собираются художники и музыканты. <...> получилось впечатление, что он больше времени проводит в кофейной. Психологически я это вполне понимаю, но <...> было душно в той дымной атмосфере. Он служит декоратором в одной фирме мануфактурных товаров. <...> Раннит <...> раньше назывался Долгашев — по отцу-русскому, мать его — эстонка. <...> сегодня вечером <...> с ним встречу на полчаса, и вместе мы пойдём к художнице Карине Лутс (которой он посвятил стихотворение). [ПРС: 161]

Четвертая встреча с Раннитом дала возможность вынести более определенное мнение:

Сегодня вечером, при последней встрече, почувал глубокий дух Раннита. Как метко о нем сегодня выразился Кайгородов: «Он еще молод, он еще богемист, но у него данные, он когда-нибудь пойдет по другому пути». <...> Мы разговаривали о Ваших трудах, которые его увлекали, единственно его «меньше интересовал религиозный элемент». <...> его поле знания — литература. [ПРС: 164]

¹¹⁹ Резюме из дневника (5 октября): «Я встречался с ним несколько раз. Хотелось обнаружить в нем нечто большее, чем богемного поэта. Беседовали мы только о литературе. Очерками Н.К. он восторгался <...> как литературными сочинениями. «Элементы религии меня меньше интересуют» <...> Беликов в последних письмах сообщал мне о нескольких отрицательных чертах в характере Раннита. Я знаю, что Беликов преувеличивает и немного односторонен в оценках» [Рудзитис: 417].

Рудзитис пишет и про секретаря Комитета Альфреда Тамма, предполагаемого автора статьи о Пакте Рериха, который сердился на Раннита за то, «что он несколько раз не являлся на заседания Комитета, в то время как в кофейной он бывает регулярно»:

Вчера на минуту познакомился также с секретарем Комитета Таммом — деловой человек, долго проживал в Америке, журналист. Обещал ускорить издание эстонской книжки о Вас, где, как известно, будет помещена также его статья. [ПРС: 161]

Отчитался Рудзитис подробно и о часовом разговоре с председателем Комитета — Эдуардом Таска в его магазине художественных изделий по коже:

<...> гостил у председателя Комитета Э. Таски <...> советовал <...> пригласить в Общество лиц также других профессий <...> уже имеется проф. [Антон] Старкопф (в Тарту) <...> привлечь молодежь <...> Раннит привлечет из литературно-музыкальной среды, Беликов — из своей <...> создать различные кружки <...> устраивая литературно-музыкальные вечера, рефераты, выставки и пр. Таска жаловался, что в Таллинне еще мало популярны <...> Ваши картины. Я советовал устроить небольшую выставку <...> сможем для выставки дать <...> 5–6 картин. <...> Он согласился, что в доме Kunsthaus <...> надо было бы найти одну постоянную комнату <...> можем им одолжить на время нашу монографию «Гималаи» <...> он сам предложил продавать <...> репродукции <...> я обещал прислать комплект через Беликова <...> говорили об издаваемой эстонской брошюре. <...> Таска намекнул, нельзя ли получить уже готовые репродукции из Нью-Йоркского Музея <...> «Вы же получаете оттуда какие-то пособия» <...> постарался его разубедить <...> Он поразился <...> нашей филантропии и энтузиазму <...> когда я его увещевал об ускорении регистрации статутов, Таска совсем странно ответил: разве это так спешно <...> чисто эстонская натура. [ПРС: 161–163]

Й. Гренберга, Н. Ф. Роота и Милленда (Алексея Миллера, издателя метапсихического журнала „Vaimususe ideoloogia“, сменившего имя на Aulo Millend) Рудзитис не застал, но повидал инженера Н. Бушмана и художника Романа Нимана, члена Комитета («Помимо своего имени, он, должно быть, большой роли здесь не играет» [ПРС: 163]).

Из разговора с Кайгородовым Рудзитис вывел, что официальное открытие общества назначено на 6 октября 1938 г. (почти в годовщину прошедшего в Риге юбилея, привязанного к дню рождения Н. К. Рериха — 10 октября).

Я с ним познакомился уже в Риге. Он только что приехал из Печоры и привез целую сюиту прекрасных эскизов <...> этим летом следовал по Вашим стопам, был в Печоре и Изборске, рисовал курганы <...> В Печоре какой-то Конев, руководящий обществом местной молодежи, сильно интересуется Вашими идеями, а в Изборске — Макаровский¹²⁰

¹²⁰ Выдающийся педагог А. И. Макаровский, директор школы и автор учебника по истории.

<...> переговоры относительно <...> выставки Ваших оригиналов в Таллинне <...> Кайгородов обещал развить также музыкальную жизнь в Обществе, <...> он старый скрипач. Я предложил обратиться к г-же Пятс, супруге вице-министра и постоянного члена Комитета, не пожелает ли она войти в правление <...> она культурная и энергичная дама. Кайгородов с радостью согласился. Общество собираются открыть 6 октября. [ПРС: 164]

4.2. Организация кружка, расхождение с В. Гущиком и А. Раннитом

1 сентября 1938 г. Раннит отвечает Рериху на два письма сразу: благодарит за экземпляр своей статьи о Рерихе, присланный из Сан-Франциско, и разбирает невольные ошибки, чужие и собственные. Он посвящает Рериху стихотворение «Исповедь», но энтузиазма в его тоне поубавилось, прозвучали нотки подавленной ксенофобии и фамильярный тон по отношению к Северянину, которому Раннит, конечно, искренне хотел помочь (не без пользы и для своей поэтической репутации [Лавринец]):

Сердечное спасибо за Ваши два письма <...> признателен за «Новую Зарю» с моей статьей. <...> там меня называют латвийским поэтом, но вообще это пустяки. <...> латышей у нас <...> недолюбливают. Но я встречал <...> людей стоящих вне и выше своей нации <...> таким оказался и Р. Рудзитис, с которым я повидался теперь и в Риге, и в Таллинне. <...> Что касается моих стихов <...> я буду рад их видеть напечатанными и без гонорара, ибо если бы таковой и полагался я отказался бы от него на долю своего бедствующего дружка — Северянина. Я не думал в своем стихотворении «Видение», посвящая его Вам, о черных красках, но думал о стихийности так Вам присущей. Здесь, среди других стихов я прилагаю «Исповедь», которую покорно прошу принять посвящением в готовящемся <...> сборнике. [ПРС: 165]¹²¹

3 сентября 1938 г. в газете „Uus Eesti“ (№ 241, стр. 4) появилось сообщение «Президенту республики подарили “Золотую книгу” Рериха: Совместное издание Балтийских рериховских обществ к 50-летнему юбилею Н. К. Рериха».¹²² В «Золотой книге» был уже процитированный очерк «Эстония», в котором, в частности, говорилось и следующее:

¹²¹ В финале Раннит процитировал две строфы (2–3) из стихотворения «Юрию Верховскому» (1910) Блока, начиная со слов «И вот какой-то светлый гений с туманным факелом в руке...»

¹²² Цитируем в переводе А. П. Беликовой: «К 50-летнему юбилею творческой деятельности академика Н. Рериха <...> в Риге появилась совместное издание обществ Рериха в странах Балтии “Золотая книга” <...> о каждой из стран Балтии проф. Рерих написал свои воспоминания. <...> В этом году, весной, в Эстонии был основан комитет Рериха <...> Председатель комитета Эд. Таска и почетный председатель заместитель министра образования В. Пятс. От Эстонского комитета теперь пожертвовали “Золотую книгу” президенту страны К. Пятсу и министрам иностранных дел, образования и внутренних дел» [ПРС: 296].

В Таллинне живут несколько бывших учеников Школы Поощрения Художеств. Вспоминаю их сердечно и радуюсь, когда читаю в газетах об их успехах. <...> В Таллинне живут и два преподавателя Школы — Клара Феодоровна Цейдлер и Николай Феодорович Роот <...> и талантливый Анатолий Дмитриевич Кайгородов, который <...> был учеником Куинджи, а тем самым и нашим сотоварищем. <...> в Таллинне образовалась группа нашего Пакта по сохранению Культурных ценностей. Этот Красный Крест Культуры <...> должен быть близок, всем векам и народам. [ПРС: 302]¹²³

14 сентября 1938 г. Е. И. Рерих ответила Я. М. Шаховскому пространственным письмом, в котором обозначила и свою позицию («Мы ведь не эмигранты...»), не избежав, правда, национальных стереотипов, в отсутствии которых пыталась уверить В. Е. Гущика:

Нет ли у тебя фотографических карточек с твоей семьей? Ведь я так и не видела твоих деток. <...> революция застала нас в Финляндии, куда доктора послали Н. К. еще в 16 году набираться сил после ползучего воспаления легких. <...> Судьба привела нас на Ладожское озеро в бывший Сердоболь, и там мы спокойно пережили финскую революцию <...> А затем Н. К. смог устроить выставку своих вещей <...> и это дало нам возможность поехать в Англию для окончания образования мальчиков. Но в Англии мы остались всего год с небольшим, и, получив приглашение от директора Чикагского Института Искусств <...> двинулись в Новый Свет осенью 20 года. Художественный успех выставки был очень большой, и материально мы могли существовать и дать образование сыновьям в Гарвардском университете. Старший Юрий окончил юридический и восточный факультеты и был <...> звездой Гарварда. Младший Святослав пошел по архитектуре и художеству <...> исключительный талант <...> интересуется древней восточной медициной <...> травами и также... алхимией! Юрий <...> заканчивает первую часть огромной работы по истории народов Средней Азии. <...> Родина живет у них как самая прекрасная мечта, и они верят <...> в ее ближайший расцвет.¹²⁴ Н. К. <...> с друзьями начал Школу Объединенных Искусств. <...> присоединился и еще один американец-еврей <...> предложил финансировать <...> идея объединения просветительных Учреждений под

¹²³ Цитирует Рерих также стихи Ю. Балтрушайтиса и эссе поэта Р. Рудзитиса на тему Ф. М. Достоевского: «Рудзитис в своей книге “Сознание красоты спасет” говорит: “Сознание красоты воистину спасет человечество. Спасет через утончение, одухотворение и преображение форм <...> расширение и озарение сознания <...> очищение сердца — источника водопадов благодати <...> неугасимый свет сотрудничества, единения и любви <...> вмещение и воплощение высших Миров Красоты»» [ПРС: 303].

¹²⁴ Е. И. Рерих делится впечатлениями от России 1926 г. и своими утопическими мечтами: «<...> поразила нас жажда к знанию среди народа и молодого поколения <...> Магазины изобиловали съестными припасами. Но в остальном были большие нехватки. Поразила нас Сибирь <...> Яша, русский народ сохранил свою душу <...> и построит небывалую державу. <...> спасение мира придет от нашей родины. <...> нужно устремиться вверх <...> слепой очевидности в действительность и в будущее» [ПРС: 170].

одним куполом, воплотилась в огромный Небоскреб, в котором центральное место занял Музей, посвященный произведениям Н. К. К концу 30 года Музей этот уже вмещал свыше 1000 картин Н. К. и грандиозную <...> панораму Азии. Для получения этих полотен нами была предпринята пятилетняя экспедиция по Азии, которая финансировалась нашими просветительскими учреждениями. Успех Музея и Учреждений был совершенно исключительный, но <...> в конце 29 года в стране произошел неслыханный финансовый кризис <...> начались годы борьбы с кредиторами, и вот тут еврей-американец выказал всю свою чисто еврейскую ловкость, и разными махинациями, пользуясь отсутствием Н. К. <...> отстранил всех прочих участников и самого Н. К. от дел. <...> он имел на хранении все наши шеры, и их-то он и украл. <...> сотрудники начали судебное дело против такого захвата, и оно уже тянется три года <...> вся моя семья живет в Гималаях на высоте 6500 футов. Здесь у нас имеется дом и фруктовый сад. <...> Мы все заняты с утра до позднего вечера. Сыновья мои — большие работяги <...> я тоже веду обширную корреспонденцию <...> компилирую и перевожу разные полезные книги. Пошлю тебе собранную мною книжечку о Сергии Радонежском. Собрала я и <...> «Основы Буддизма» <...> Все книжечки подписываю псевдонимом, да еще разным. [ПРС: 166–168]

После пространного рассказа о родне и о России 1926 г. Е. И. Рерих делится заветным:

я глубоко верю, вернее, знаю <...> о сознательной жизни после телесной смерти и о возвращении на Землю в новой телесной оболочке, потому вопрос <...> смерти для меня утратил свою остроту. <...> Именно радость есть особая мудрость, которую мы черпаем из познания беспредельности бытия и беспредельности познания. Ну, пора кончать, а то ты устанешь читать мои разглагольствования. [ПРС: 170–171]

Накануне 6 октября 1938 г., когда эстонское общество должно было получить регистрацию, Рудзитис писал с горечью (в среду 5 октября 1938 г.):

Из Эстонии ничего не слышно, хотя и Таска, и Кайгородов обещали спешнее заняться регистрацией Общества. Единственно, кто понимает спешность, — это Беликов, но он не имеет влияния. [Письма с гор: II, 182]¹²⁵

9 октября 1938 г. Беликов сам написал Рериху (поведав, в частности, и о визите к Я. М. Шаховскому), и уже 19 октября 1938 г. Рерих сообщал об этом латвийским сотрудникам:

Сейчас получили хорошее письмо от Беликова. Кажется, он оказывается наиболее активным из всех таллинцев. Очень желаем, чтобы он удержался на нынешней своей

¹²⁵ Рудзитис записал и в дневнике 5 октября: «Кайгородов проявил большую заинтересованность <...> сказал, что в октябре обязательно общество откроется. Но прошло уже полтора месяца, а я еще не получил ни одной весты. Да, этих людей надо побуждать непрестанно. Жаль, что влияние Беликова пока небольшое» [ПРС: 229].

работе и постепенно углублял полезные сношения. Может быть, и Ваш магазин может получить через него практические советы [Там же: 192].

В тот же день Рерих написал самому Беликову, радуясь, что есть возможность посылать в СССР книги и огорчаясь, что Гущик злословит, используя письмо Е. И. Рерих:

Радуемся, что Вы держитесь крепко за Вашу работу, — именно ее нужно углублять и расширять по возможности. <...> Интересно, что посланная Вами ЗЕЛТА ГРАМАТА дошла по назначению. Может быть, при случае Вам удастся еще послать не только ее, но и книгу Всеволода Иванова.¹²⁶ <...> Спрашивается, к чему Гущик¹²⁷ портит свой собственный путь. Вы пишете, что он Вам показывал письмо Елены Ивановны, в котором она писала ему о мракобесии Ивашки Шаховского¹²⁸ (очень хорошо, что он не родственник нашим Шаховским). <...> Мы были рады, что Вы встретились с Яковым Шаховским. В одном он ошибся — к военному делу тяготел всегда Юрий, а не Святослав. Так радостно, когда встречаются хорошие люди. [НВ: I, 124–125]

При всей своей устной несдержанности Гущик не прекращал переписки с Рерихом и в своей книге «Забытая тропа. Четвертый сборник рассказов. Книга шестая» (Брюссель, 1938) на странице 358 поместил добрый отзыв Рериха о своем творчестве:

Проф. Н. К. Рерих: «Красота, значительность природы, слеза сердечных осознаний, зерно строительства и поиски героизма, все эти элементы Вашего творчества делают Ваши книги и близкими и нужными. <...> Вы не берете жизнь односторонне, но в ее настоящей сложности и не уходите от красоты. Это так нужно <...> сейчас, когда сердце, великое сердце человеческое, повелительно требует синтеза, строительства и героизма». [ПРС: 297]

¹²⁶ Рерих просит Беликова переслать в Россию книгу Вс. Н. Иванова «Рерих: Художник-Мыслитель».

¹²⁷ Письма Рериха Беликов считал ценностью, которой надо делиться, но репутацию Гущика он не хотел ставить под удар и зачеркнул его имя. При передаче письма в ЦГАЛИ он счел необходимым раскрыть зачеркнутое, сохранив имя Гущика для истории: «Зачеркнуто в письме мною имя “Гущик” — писатель Владимир Гущик, проживал в Таллинне. <...> Переписывался с Рерихом, А. Амфитеатовым, А. Куприным, В. Немировичем-Данченко, И. Шмелевым. Отличался крайне неуравновешенным характером <...> рассчитывал на некоторую материальную поддержку со стороны Нью-Йоркского музея им. Рериха, <...> написал <...> несдержанное письмо, о чем и было Н. К. Рериху сообщено. Последний запрашивал меня о Гущике несколько раз, так как Гущик переписки с ним не прекращал» [НВ: I, 125].

¹²⁸ П. Ф. Беликов: «“Ивашка Шаховской” — архиепископ Иоанн (князь Шаховской), проживал в Берлине и Париже, затем переехал в США. Ныне архиепископ Сан-Францисский, проповедующий с амвона “Голоса Америки”. В тридцатых годах между ним и Рерихом произошла небольшая дискуссия по вопросам религиозной философии, в которой православный пастырь оказался не на высоте, так как знал историю своей церкви хуже Рериха...» [НВ: I, 125]. Е. И. Рерих писала Гущику, что недостаточные знания Шаховской проявил в области толкования восточных религий. Однако в понимании Беликова это означало и плохое знание христианства (как составной части единой религии), что выглядит натяжкой.

Во вторник 11 октября 1938 г. «Вести дня» (№ 232, стр. 2) сообщили о желании Гущика выступать с лекциями о Рерихе и недавно почившем А. И. Куприне, с которым он состоял в давней дружбе и переписке, в русских деревнях Эстонии, где в это время Союзом русских просветительных обществ велась активная культурная работа:

Писатель В. Гущик предложил правлению Союза Русских просветительных об-в прочесть ряд лекций в русских деревнях. <...> «Жизнь и творчество А. И. Куприна», «Жизнь и творчество художника-философа Н. К. Рериха», «Духовный элемент в русской литературе» и др. [ПРС: 297]

7 ноября Беликов вновь написал Рериху, сообщив, что он намерен помочь с распространением рижской монографии о Рерихе в СССР и может заказать монгольско-русский словарь. Рассказал о продолжении занятий своего кружка и ссоре с Гущиком.

4 декабря 1938 г. в газете “Räewaleht” была опубликована статья Н. К. Рериха «Любите книгу» в переводе А. Раннита, о чем позднее сообщила хроника англоязычного американо-индийского журнала “Flamma” (1939, №5). В том же декабре 1938 г. Е. И. Рерих писала Я. М. Шаховскому в ответ на письмо с фотографиями, затронув весь спектр тем, от родственных до мировых, и сочетая наивную идеализацию СССР с точностью прогнозов относительно будущих военных событий:

Родной наш Яша, и сказать не могу, как порадовали нас присланные тобою карточки. Девочки твои прелестны <...> могу узнать милого Яшу, который в детстве писал мне письма с изображением голубков. Итак, Костя — духовный пастырь. <...> велика будет нужда в высокоинтеллигентных духовных наставниках <...> Наши старые наставники <...> грешили недостатком просвещения, косностью и страшной нетерпимостью, отсюда и такое рушение церкви. <...> Свет новых научных достижений, особенно в области парапсихических явлений, должен проникнуть и за церковную ограду. <...> Скоро можно будет с радостью фотографировать наше невидимое окружение, и мы увидим наших ушедших близких, стоящих около нас. <...> уже имеется немало таких снимков, и весьма удачных. <...> наш народ не только не хуже, но во многом лучше иных народностей. <...> народ-Богоискатель, и самый протест его против многих отживших понятий указывает лишь на огонь, таящийся под наносным сором. <...> думают, что Мюнхенским соглашением удалось предотвратить опасность, но <...> опасность еще осложнилась. <...> Щит Преподобного Сергия поднят над нашей родиной... [ПРС: 177–180]

1 декабря 1938 г. Рерих благодарит Беликова за «доброе письмо от 7-го ноября», хвалит группу Беликова и Раннита с Северяниным, сетуя на неоднозначное поведение Гущика:

Очень приятно, что Ваша супруга и вся Ваша группа продолжают полезное занятие. <...> Расширение сознания не есть искание каких-то скоропостижных чудес, но именно

обогащение духа <...> Раннит выпускает книгу своих стихов в переводе Северянина. <...> хорошо, что <...> еще можно <...> думать об искусстве. Человечество привыкло в случае каких-либо мировых событий прежде всего пренебрегать просвещением и творчеством. А ведь без этих двух основ вкрадывается одичание и огрубление, а за ними появляются и разные гуштики. Вы пишете, что перестали с ним видаться, и очень хорошо <...> И так уже каждый газетный лист отягощен массою клеветы и лжи. [НВ: I, 126–127]

К письму прилагалось и письмо от Ю. Н. Рериха с заказами по монголистике [НВ: I, 137]. До конца месяца Беликов еще дважды успел написать Рериху. 7 декабря 1938 г. он сообщал, что ему не удалось зарегистрировать свой кружок официально, но удалось распространить рекламу монографии «Рерих» в СССР через «Международную книгу». О Ранните он отозвался сдержанно, возможно, отчасти — из-за задержки эстонской брошюры о Рерихе (в то время как книга Северянина в переводе Раннита вышла из печати, что вполне объяснимо).

Последнее письмо Рериху в этом году Беликов посылает 27-го декабря, возможно, стараясь успеть с поздравлением к Рождеству. С наступлением нового года Рериха поздравляет и вся группа Беликова из пяти человек.

4.3. Доклад «После прочтения книги “Л. С. М.”»

Памятником деятельности кружка П. Ф. Беликова по изучению Живой Этики остался текст доклада «После прочтения книги “Л. С. М.”». Аббревиатура означает «Листы сада Мории». Мория — духовный учитель, герой прозы Е. И. Блаватской, перешедший в творчество многих ее последователей, включая Рерихов. Лично Николаю Рериху принадлежит книга верлибров «Цветы Мории» (1921). Название «Листы сада Мории» содержит жанровую семантику, отсылающую к типичным названиям сборников фрагментов, записей и афоризмов (ср. название книги В. В. Розанова «Опавшие листья»). В 1924–1925 гг. вышли два тома «Листов сада Мории» — «Зов» и «Озарение». За ними последовала «Община» (1926), затем «Агни Йога» (1929), давшая название и всей серии.

Точно датировать доклад не представляется возможным. В нем упомянута последняя из прижизненно изданных Рерихами книг серии — «Братство» (Рига, 1937), и, следовательно, раньше этого года (вопреки прежним догадкам) он не мог быть сделан, но мог быть сделан позже. По содержанию доклад представляет собой текст, подводящий итог первому циклу занятий кружка («Сегодня мы закончили чтение первой книги Учения “Л. С. М.” или “Зов”» [СДР: 11]). То, что сохранился только один доклад подобного рода, свидетельствует в пользу более поздней датировки. Беликов просто не мог полноценно вести кружок в период советской оккупации.

Беликов начинает с пояснения «некоторых важнейших принципов», поскольку «книга содержит все главнейшие принципы Учения». По Беликову, Живая Этика — путь «беспредельного познания» и «труда» для создания «своей жизни», «служения общему благу» и сотрудничества с «жизнью космической». Она помогает прожить жизнь «красиво, бережно и стремительно» [СДР: 10].¹²⁹ Сотрудничество выражается в необходимости встречных усилий. «На первое место выдвигается самостоятельность»: «лук можем дать, но стрелу должны пустить сами»,¹³⁰ и «стрела» здесь — «мы сами, наша жизнь» [Там же].

Парафразируя источник, Беликов включается в художественно-интеллектуальную игру с текстом, к которой приглашает книга «Зов». Ее фрагментарный характер побуждает к сотворчеству, которое воспринимается как творчество самой жизни, процесс сознательный и интуитивный одновременно: «Из афоризмов, мыслей и символов изучающий <...> должен составить <...> систему всей жизни <...> Ключ к Учению каждый должен найти в сердце своем» [Там же].

В своем докладе Беликов поясняет и многообразие источников учения. Во-первых, это все образцы сплава религиозной философии с наукой («под разными наименованиями мы находим его в каждом периоде истории»), а во-вторых, — теософское движение Е. П. Блаватской, которая поколебала «устои материализма», синтезировав все «Учения и Религии» и обратив внимание на «обойденные наукой» «тайны природы» [Там же].

В Живой Этике сделан следующий шаг — попытка «синтезировать <...> все истинно культурные ценности <...> ЖЭ призывает к самой щедрой всеобъемлющей культуре <...> знанию и науке, к великой Красоте и Искусству» [Там же]. Тут и приводится ссылка на параграф из книги «Братство» (§447), завершавшей серию в 30-е гг., где содержался призыв не «отсекать здоровые побеги, ибо нельзя мгновенно создать нечто новое и более прекрасное» [СДР: 12]. Смысл призыва в необходимости сотрудничества со всеми людьми, а не только с вовлеченными в изучение Живой Этики, а это требует поиска общего языка и отказа от специальной лексики, группового жаргона:

¹²⁹ Цитата из финального трехстишия книги «Зов». Беликов очень любил его и Писал Ивану Ефремову, что видит его эпитафией к роману Ефремова «Лезвие бритвы» (1963): «Спросят: как перейти жизнь? / Отвечайте: как по струне бездну — / Красиво, бережно и стремительно» [Зов: 170].

¹³⁰ Вариация частотных символов и мотивов диалогии. Ср. в первой книге «Зов» (§386): «Прошу обострить волю — помогает полету стрел. Воля есть тетива лука сознания» [Зов: 147]. Во второй книге «Озарение»: «Дверь вам открыл, но войти можете только сами»; «Нитку Можем дать, но заострить иглу должны сами, материал дается, но проткнуть должны сами» [Озарение: 23, 31].

<...> каждый последователь ЖЭ, сталкиваясь с бескорыстными и искренними борцами за культуру и науку, должен всегда найти с ними <...> возможности совместных действий, хотя бы последние не имели понятия по эзотерическим вопросам. Потому нашими Водителями не особенно приветствуются слова «оккультный» <...> «эзотерический» — их можно употреблять <...> зная, где и как <...> истинное Знание и истинная Наука лишь одна, и можно найти для них один язык. [СДР: 10]¹³¹

В то же время к изучающим Живую Этику предъявляется требование серьезного отношения к нему. Мысль должна преобразиться в действие, ибо «всякое неиспользованное» знание является «лишь тяжестью для того, кто его получает» (тут к слову приходится и фраза про «многие знания» и «многие печали» из Книги Екклесиаста): «Основы Жизни <...> должны преобразовывать жизнь <...> расширенное сознание должно <...> направлять нашу жизнь по правильному руслу». [СДР: 11].

Чтобы это произошло, чтение требует и доверия, и критического восприятия, а для этого нужна полнота картины: «...сознание перерождается лишь после тщательного изучения и следования Учению, но для начала надо открыть сознание. Открытие сознания дается моментально одной волею <...> проверим себя — открыто ли у нас сознание <...> можем ли мы <...> принимать в свое сознание ВСЕ, что дается нам Учением»¹³² [СДР: 11]. На критике (и текста, и своего понимания текста) Беликов останавливается особо:

Это не значит, что следует принимать все без рассуждений. Верить — еще не значит отказаться от проверки. <...> Учение требует <...> самой тщательной проверки <...> всех указов Учения, ибо лишь таким путем оно может быть нами воспринято. [Там же]

Все это требует систематичности и постоянства¹³³. Беликов рекомендует «для начала ежедневно хоть несколько минут <...> читать хоть по одному параграфу» книги и передает предложение «членов латвийской группы <...> посылать каждый день добрые мысли на Общее Благо, где бы и кто не находился — утром в 7 часов и вечером в 9

¹³¹ Приводится и цитата: «Учитель, сидящий под деревом и запрещающий, в наше время не пригоден» [СДР: 11], варьирующая фразу из параграфа 114 второй книги «Озарение».

¹³² Здесь дается ссылка на «Озарение» и в примечаниях ряд ярких притчеобразных цитат-сравнений, иллюстрирующих положение об опасности неполноты: «Ждали вестника десять лет, но за день до его прихода закрыли дверь. <...> пусть за одною пазухой лежит часть блага, за другою можно сохранить милых тараканов. <...> решили только на минуту выскочить из поезда...» [СДР: 12] Заканчивается ряд призывом принять «вместо частицы» «всю Чашу Общего Блага», а тем, кому она «покажется тяжелой», иронически сообщается, что «Учение — не кедровые орешки в сахаре...» [Там же].

¹³³ Беликов ссылается на книгу «Община» (§153), в которой польза постоянства иллюстрируется на примере музыканта: «Истинный музыкант не думает над каждым пальцем, вызывающим звук» [СДР: 13].

часов», а также почаще возвращаться к прочитанному и может быть потом повторить группой¹³⁴ [СДР: 12].

Повторимся, мы не знаем в точности, когда прошло заседание, на котором был прочитан этот доклад, но Беликов рассказывал о своей группе Рериху, что видно из письма Рериха от 7 января 1939 г. (ответ на письмо Беликова от 7 декабря 1938 г.):

Приятно слышать, что в Таллинне была выставка книги, ибо книга есть истинный друг человека, <...> уверены, что и Вы, и Ваша супруга, и вся ваша дружеская группа глубоко устремлены к познанию нравственных основ жизни. [НВ: I, 129]

Рерих также благодарит за книги по монголистике и образец «рекламных листовок фирмы “Тёёкооль”, которая распространяла некоторые рижские издания, в том числе и изданную монографию о Рерихе» [НВ: I, 129], как пояснял Беликов. Рерих живо интересуется подробностями и высказывает пожелание о появлении рекламы в эстонской прессе:

Спасибо <...> интересно, как удалось Вам протолкнуть листовку, в каком количестве и в какие места, и с какими последствиями. <...> Вероятно, и в эстонской печати будут отзывы <...> Или Вы сами, или Раннит могли бы это сделать. <...> почему именно Вы так сдержанно говорите о Ранните? <...> все, что он до сих пор сделал, было полезно. У него есть какая-то связь с Литвою и Литовской прессою. [НВ: I, 128]

Беликов пояснял: «Моя сдержанность <...> была вызвана его узко-националистическими политическими убеждениями» [Там же]. В этом объяснении сквозит ситуативная прагматика советского времени, и ранее звучали другие аргументы, но анти-латышские мотивы (правда, не политические) уже встречались нам в письмах Раннита.

С официальной регистрацией кружка Рерих советует не спешить («Что касается до Общества, то <...> не столько важно его полицейское утверждение, сколько групповая работа, которая может быть полезна в культурном отношении»), рекомендует поддерживать связь с Латвийским и Литовским обществами.

Рерих также расспрашивает о Кайгородове (о перевозке рериховской картины, якобы хранящейся на Сааремаа, в Таллиннский музей, — сведения Кайгородова о картине не подтвердились), о Гущике («жаль, когда способный человек нравственно падает»), о бывших учениках школы ИОПХ, предлагает сотрудничество с журналом «Фламма»:

¹³⁴ Цитируется «АУМ» (§169): «Напрасно думают, что книга, прочитанная три года назад, не будет новой при следующем чтении. <...> При обновленном кругозоре человек усмотрит новое содержание...» [СДР: 13]. Сходную мысль повторяет М. И. Цветаева в эссе «Пушкин и Пугачев» (1937), В. Изер в статье «Процесс чтения: феноменологический подход» и Ю. М. Лотман во многих своих работах (в частности, в «Лекциях по структуральной поэтике»).

Если у Вас будут какие-либо новости о беседах Вашей группы, то, пожалуйста, совершенно кратко сообщите их нам для включения в хронику журнала «Фламмь». <...> может быть, через книжный магазин появится и какая-либо подписка на «Фламму». В Латвии и в Литве этот журнал уже имеет три десятка с лишним подписчиков. [НВ: I, 128]

22 января Беликов пишет Рериху, что собрания его группы начались (видимо, возобновились в новом году), и что теософ П. Н. Раггис, председатель общества «Китеж» (ревельского отделения Международного теософического общества), критически высказался о книге Е. П. Блаватской, переведенной Еленой Рерих.

23 января 1939 г. Рерих отвечает Беликову на письмо от 27 декабря 1938 г.: благодарит группу Беликова из пяти человек за новогоднюю открытку и просит о фотографии, расспрашивает о Е. Ф. Гагемейстер, советует осмотрительно привлекать новых сотрудников и не форсировать официальную регистрацию («Если существует Комитет, то это вполне достаточно»). Интересуется успешностью отправки книг в Россию («Нет ли у Вас вестей с Родины?»). Передает привет эстонцам и просит помогать латышам. Возможно, первые слова приводимой цитаты относятся к переводам Раннита:

<...> если кто-либо хотя бы статьи переводит, то и это уже ладно. <...> Одновременно с Вашим письмом получилось письмо от К. Гагемейстер, которая деятельно работает в Таллинском Обществе Психических исследований. <...> пишет, что сейчас Таллинн является наиболее дешевым местом для печатания книг.¹³⁵ <...> Спасибо всем пяти подписавшимся под Новогодней карточкой. Пусть такое ядро Вашей группы крепнет и бережно растет. <...> Боюсь, что выход монографии запаздывает по типографской вине. <...> От Кайгородова¹³⁶ уже целый год я ничего не слышал <...> [НВ 2001: I, 129–130]

Пожелание Рериха о рекламе рижской монографии на эстонском языке осуществилось. 29 января 1939 г. в газете „Uus Eesti“ (№ 28; стр. 7) появилось сообщение «В Риге вышла монография Рериха» (перевод А. Г. Николаева):

Николай Рерих относится к числу величайших художников современности. <...> Рерих получил известность в качестве художника и мыслителя, а также борца за доброе и светлое

¹³⁵ Действительно, в Эстонии печатались русские авторы, жившие в других странах (в частности, был здесь опубликован и единственный сборник Б. Поплавского «Флаги»), при этом на обложках порой обозначалось место, где живет автор, а не где вышла книга [Исаков 2008: 229].

¹³⁶ 28 января 1939 г. Рерих писал Рудзитису и Лукину с Блюменталем: «...если бы что-то удалось протолкнуть в Швеции (России – И.С.) <...> как бы А.Д.К[айгородов] не начал влиять на группу П.Ф. Беликова...» [Письма с гор: II, 268]. Видимо, Рерих опасался, что прогерманские настроения Кайгородова помешают работе Беликова по распространению рериховской литературы в СССР.

будущее <...> Рерих живет в самом сердце Азии — в Гималаях, где <...> возглавляет свое движение, поддерживаемое во всем мире. <...> В музее Рериха в Риге собираются многие латышские деятели культуры <...> В ближайшее время в издательстве музея выйдет большая монография о художнике («Рерих». Монография. Рига, 1939 г.) <...> В сборник вошли две статьи: Всеволода Иванова <...> и Э. Голлербаха <...> Эта статья также была напечатана в СССР по случаю празднования 60-летия художника. [ПРС: 306]

2 февраля 1939 года Рерих отвечает на письмо Беликова от 22 января, возвращаясь к теме регистрации общества и вспоминая об истории Общества поощрения художеств:

Поистине, Ваши вести добрые. <...> пришло письмо от Кайгородова и тоже — доброе <...> Ваши собрания начались и пусть себе благоприятно продолжаются. <...> не важен срок, когда общество будет зарегистрировано, если вообще это нужно. Вы, вероятно, слышали о нашем огромном обществе, Императорском Обществе поощрения художеств, которое владело пятью домами, имело музей, издательство, выставки и многолюднейшую школу — более 2000 учащихся ежегодно. А первоначально <...> во времена Александра I <...> помещалось в одной комнате. Но зерно <...> произросло в мощное дерево. [НВ: I, 130]

Рерих комментирует отзывы на сделанный Е. И. Рерих перевод «Тайной Доктрины»:

Удивился я словам [П. Н.] Раггиса. Казалось бы, каждый хороший теософ (а доброжелательство входит в кодекс теософии) должен бы приветствовать издание «Т.Д.» <...> мы получили чудесное письмо от Елены Федоровны Писаревой, в котором она приветствует жертвенный труд Елены Ивановны <...> «Действительно Россия может гордиться своими женщинами, ведь это настоящий подвиг». Вот какова оценка <...> старейшей <...> русской теософки.¹³⁷ <...> бывает, что иссохшие сердца даже вообще не умеют радоваться. А ведь эволюция совершается лишь в радости. [НВ: I, 130–131]

Рерих также благодарит за распространение отзывов о монографии (возможно, публикация в „Uus Eesti“ — дело рук Беликова) и предлагает «протолкнуть» свою статью «Чаша Неотпитая» через «Международную книгу» в СССР:

Не помню, получили ли Вы мою статью «Чаша Неотпитая» <...> приложу ее, а Вы, может быть, найдете случай протолкнуть ее <...> как Вы сделали и с листовками монографии. Спасибо, что помогаете нашим латвийским друзьям в распространении и в отзывах о монографии <...> Крепко держитесь за книжное уважаемое дело. [НВ: I, 130–131]

¹³⁷ Елена Писарева — теософ и антропософ, председатель калужского теософского о-ва, вице-президент теософского о-ва России, жена Н. В. Писарева, создателя в Калуге первого российского теософского изд-ва «Лотос». С 1922 г. жила в Италии (Удине), где организовала «Союз служения России» (1924).

В четверг 9 февраля 1939 г. Ф. Стогов (П. М. Пильский) опубликовал в газете «Сегодня» (№ 40, стр. 4), статью «Рерих вспоминает о Латвии, Литве и Эстонии». Это была статья о прошлогодней «Золотой книге» (1938), но в ней содержался и анонс новой монографии.¹³⁸

Тем временем до Индии дошла книга Раннита в переводе И. Северянина, возможно, посланная не самому Рериху, а его сыну Святославу, который и поблагодарил поэта в ответном письме 12 февраля 1939 г.¹³⁹ А 14 февраля 1939 г. Н. К. Рерих вновь поблагодарил группу Беликова (за поддержку жены, за либретто кантаты «Александр Невский» С. С. Прокофьева на слова В. А. Луговского), вспомнив и о Новосадове. Он также поясняет, кто такая Гагемейстер, пишет о своей бывшей сотруднице К.Ф.Цейдлер, о перерегистрации общества в Риге и будущем двухтомнике писем Е. И. Рерих:

Дорогой Павел Федорович, Елена Ивановна была очень тронута, получив душевный привет от Вашей группы. Также мы все порадовались либретто «Александр Невский» <...> нравится нам также и Ваше отношение к Родине. <...> выросло новое поколение, проявилось новое строительство, а <...> иссохшие сердца полагают, что <...> существуют только они сами. Хорошо, что Вы собираетесь, обсуждаете культурные темы <...> Досмотрите, чтобы <...> бесполезные темы не вторгались в Ваши беседы. [НВ: I, 131–132]

П. Ф. Беликов, видимо, помня свое письмо, поясняет: «Рерих намекает на прогерманские настроения Кайгородова, женатого на прибалтийской немке и эмигрировавшего в 1940 году в Германию» [НВ: I, 132]. Возможно, Рерих боялся споров между своими сторонниками ввиду назревавшей войны.

Вероятно, Беликов хотел привлечь Тагго к работе рериховских обществ и писал об этом художнику. Рерих пишет в своем ответном письме:

¹³⁸ «Приводит Рерих <...> беседу с известным критиком В. В. Стасовым и философом-поэтом Владимиром Соловьевым. <...> Вспоминается прекрасный художник Чюрленис, цитирует Рерих <...> Балтрушайтиса <...> Тут отклики писателя Георгия Гребенщикова, эстонских художников А. Кайгородова и Н. Роота, <...> философа Лосского <...> откликнулись актриса М. Ведринская, писатель А. Ремизов <...> С. Горный и В. Третьяков. <...> Одним из первых сказал свое слово писатель Леонид Андреев. Статья его называлась «Держава Рериха» <...> «Гениальная фантазия Рериха достигает тех пределов, когда она становится уже ясновидением. Бесплодной будет всякая попытка передать словами ее очарование и красоту». О Рерихе писали <...> Тагор, Клод Брэгдон, Бенуа <...> скоро должно появиться в Риге большое юбилейное издание — «Монография о Рерихе» <...> «Есть нечто глубоко философское, спокойно серьезное в отношении Рериха к миру, — говорит Голлербах. — Это — художник без “улыбки”, без “игры”, сосредоточенный и строгий» [ПРС: 308–309].

¹³⁹ «Большое Вам спасибо за Вашу книгу, она доставила мне истинное удовольствие. Всегда жалею, когда приходится читать что-либо в переводе, особенно же поэзию, перевод которой почти всегда должен терять, но Вы были очень счастливы найти такого прекрасного переводчика» [С. Рерих: I, 218].

О поэте Новосадове я уже Вам давно поминал — он талантливый, и очень хорошо, если Вы встречаетесь с ним и в Ваших прочих убеждениях. Вероятно, ему тоже живется нелегко, и может ли сейчас легко житься писателю, да еще поэту. Тем более необходимо, чтобы все художники слова, кисти и всех прочих областей хотя бы до известной степени держались вместе. И без того слишком много человеконенавистничества... [НВ: I, 132]

Рерих чрезвычайно ценит работу Беликова в „Töökool“ и не только из-за возможности посылать свои издания на родину:

Вы находитесь в центре борьбы за Свет и познание. И сколько душевного и неотложного Вы можете сделать во время своей каждодневной работы. К Вам придут молодые, и Вы сумеете принять их <...> разовьете в себе терпимость и усмотрите в каждом наиболее ценную его черту. Именно в книжную лавку придут молодые искатели... [НВ: I, 132]

В начале марта 1939 г. монография «Рерих», наконец, вышла из печати. В продолжение своей недавней статьи, но уже под собственным именем в воскресенье 12 марта 1939 г. Петр Пильский опубликовал статью «Седой вековой туман. Новая монография «Рерих» Издательство Музея Рериха в Риге» (Сегодня, № 71, стр. 4). Это уже не реферат, а поэтическое эссе о символическом искусстве Николая Рериха:

Сокрытая всемогущая, таинственная сила мудро и спокойно властвует над миром. <...> кажется, эти массивы хранят в себе письма наших судеб. Гималаи, Тибет, Монголия <...> их неразгаданная душа заставляют трепетать сердца <...> древняя мистическая жизнь чувствуется повсюду <...> и в святых и тихих мотивах православия: «Прокопий Праведный отводит тучу каменную», «Сергий-строитель» <...> «Ранние звоны» — символ. В нем воплощается светлое пробуждение человеческих душ. Смирением и покоем веет от картин «И Мы...». Два инока, рядом медведь, снега — «И Мы не боимся». Потом с ведрами на коромыслах идут из монастыря вниз к реке три монаха: «И Мы трудимся». На третьей картине — они в лодках тащат сеть: «И Мы продолжаем лов». <...> раскрываются пред нами следы и тайны <...> восток, но и наш север, — скандинавская, скифская, русская жизнь, мифология <...> в каменном веке своим чутьем Рерих разбирается как проницательный геолог. Гимназистом 4 класса он уже производил самостоятельные раскопки, тогда искал свои образы в уснувших пластах земли. И он нашел их в могиле — золотые вещи X века. <...> Рериховский человек мал. С виду слабый, рядом с громадами камня, он предстает любопытствующим исследователем мира, разгадывающим его смысл. [ПРС: 310–314]

Чуть позже был написан отзыв Б. Х. Тагго-Новосадова (первый черновой вариант, о котором будет сказано ниже) и статья некоего NN.¹⁴⁰

В письме от 13 марта 1939 г. Рерих благодарит Беликова за письма себе и сыну Юрию, радуется нарвским новостям о книжном магазине¹⁴¹ и выставке репродукций. Еще не зная, что уже 12 марта появился отзыв П. М. Пильского, сожалеет о задержке публикации рижской монографии и просит послать рекламу книги директору Академии художеств в Ленинграде И. И. Бродскому:

Большое спасибо за Ваши письма ко мне и к Юрию и за описание Ваших собраний. <...> Интересно, какое впечатление Вы вынесете от знакомства с Гагемейстер и Рудниковой. Мы их совсем не знаем, но Гагемейстер даже хотела устраивать в их обществе группу или отдел моего имени. <...> Хорошо, если бы Вам удалось послать большую листовку И. И. Бродскому, директору Академии художеств в Л[енинграде]. [НВ: I, 133–134]

19 марта 1939 г. Беликов пишет Рериху о первопубликации статьи Голлербаха в журнале «Искусство», о посещении собраний у Кайгородова и о своей бурной книготорговой деятельности, которая резко увеличила доходы русского отдела „Töökool“ и поправила материальное положение молодой семьи Беликовых. Рерих отвечает на письмо необычайно быстро, уже 31 марта 1939 г. Он дает советы по распространению монографии, надеясь и на помощь Северянина:

Приятно слышать о Вашей деятельности, которая так развивается. <...> Такое дело стоит поверх всех человеческих делений, и Вы имеете возможность приносить столько пользы, а, кстати, и завязывать новые хорошие сношения. Вы спрашиваете, рассылать ли монографию по незнакомым редакциям и журналам. <...> лучше двигать по тем направлениям, где уже имеются хотя бы предположительные добрые вехи. <...> Радостно

¹⁴⁰ 26 марта 1939 г. в «Газете для всех» (стр. 8) появилась также статья N. N. «“Рерих” Статья Всев. Н. Иванова и Э. Голербаха. Художественная редакция А. М. Пранде. Издание Музея Рериха в Риге, 1939 г.», написанная в духе небольшого автобиографического очерка: «У меня в руках было то, чего жаждала душа: истинное произведение искусства, создание “гения чистой красоты”... Почему-то на ум пришел Пушкин, когда он в деревне писал: — “В тиши, во мраке заточенья...” От книги, изданной с большим вкусом и изяществом, нельзя было оторваться: творчество Рериха так красочно, глубоко и самобытно, что захватывает человека целиком, будит в нем самые глубокие, возвышенные мысли, заставляет <...> переноситься на тысячелетия назад или уноситься мыслями в вечность... Какой громадный талант Божию милостью, какая сила красок, какая глубина мысли! <...> о нем необходимо писать целое исследование...» [ПРС: 315–316]. Существует также пристрастный отзыв А. Бенуа, перепечатанный в книге «Александр Бенуа размышляет» (М., 1968, стр. 235).

¹⁴¹ 17 марта 1939 г. Рерих писал Рудзитису товарищами: «Так хочется, чтобы магазин широко развернулся <...> П.Ф.Беликов <...> наверное, будет рад поделиться всем своим опытом» [Письма с гор: II, 328].

слышать, что и во время собрания у Кайгородова Вы охраняете основы. <...> Также Вы поступаете совершенно правильно, не делая лишних врагов. [НВ: I, 134].

Рерих касается болезненной для него темы оценки перевода «Тайной Доктрины», сообщив об одобрении труда, полученного от лидера русских теософов Анны Алексеевны Каменской (1867–1952), которая притом весьма настороженно относилась к Агни Йоге:

Вы уже знаете, что А. А. Каменская и Е. Ф. Писарева прекрасно отозвались о «Тайной Доктрине», изданной в Риге. Таким образом уже не может быть никаких недоразумений с Раггисом, который очевидно не знал, что это издание будет так сердечно принято председательницей Русского Т[еософского] О[бщества]. Значит теперь можно двинуть это издание по всем полезным направлениям. [Там же].

Рерих развивает свою постоянную тему Армагеддона, в котором живет человечество:

Вы сами видите, как своеобразно разрастается Армагеддон. <...> мирное дело не только нарушается громом пушечным, но главным образом ненавистью, которая одурманила сердца человеческие. <...> Когда мы говорим о мире, мы имеем в виду истинный мир, а не только пушечный. <...> война вовсе не заповедана человечеству. [Там же]

Дальше Рерих вновь тепло отзывается о книжной работе Беликова, в том числе библиотечной (иногда магазины за плату выдавали книги для чтения [Исаков 2008: 231]):

Очень интересны Ваши сведения о новом магазине в Н[арве] <...> о развитии библиотечного дела. Ищущих и стучащихся душ немало, но, к сожалению, они так разрознены <...> каждый культурный очаг, каждая библиотека, каждый книжный магазин уже являются прекраснейшими вехами на путях культуры. Книжное и художественное дело стоят особняком в мировой торговле. Обе эти области уже не базар, но храм <...> Северянин говорит по радио — не скажет ли он о монографии? [НВ: I, 134–135].

К тому же письму от 31 марта прилагалось и деловое письмо Ю. Н. Рериха с многочисленными заказами по востоковедению [НВ: I, 138].

Беликов начал посылать корреспонденции в индийско-американский журнал «Flamma», издававшийся на средства рериховских организаций всего мира (1938–1939), организовал подписку журнала в Эстонии и подключил к своей работе Тагго-Новосадова, который написал свой отзыв на монографию «Рерих» (1939) для публикации в США (в итоге она попала в газету «Рассвет»). 7 апреля 1939 г. И. Г. Блюменталь писал Рериху:

В Америку статьи тоже отправлены, только бы З. Л[ихтман] сумела бы поместить в <...> газетах. Статьи писал Борис Христианович Новосадов в Таллинне, друг Беликова. [АМР]¹⁴²

¹⁴² <https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PNKR/PNKR-223.pdf>

4.4. Б. Новосадов и попытка репатриации Н. К. Рериха

Сохранился первоначальный вариант статьи Новосадова, написанный в марте 1939 г., который не был принят. Новосадов начал с оправдания Рериха по таким пунктам, которые сразу выделили нем самом опасения перед названными явлениями: «Иногда причисляют его к оккультистам, иногда к вездесущим жидомасонам» [ПРС: 317]. Но Рерих по Новосадову — это «Художник с большой буквы. И его основная миссия — служить Красоте, служить Искусству». Поклонникам рериховской литературы не могло понравиться и сведение Рериха к ипостаси художника, хотя Тагго и указал на связи между книгами и картинами мастера: «Конечно и в своих книгах Николай Константинович говорит о том же, но его книги — это как бы комментарии к его картинам...» [Там же].

Все же Тагго упоминает отмеченную Всев. Н. Ивановым традицию, связывающую Рериха с идеей Ф. М. Достоевского «Красота спасет мир». Тагго несколько наивно выразил восторг перед энергией уже немолодого художника: «Здесь мы встречаем и ранние вещи мастера <...> и картины, написанные позже — и во время бесконечных скитаний неутомленного и нестареющего Рериха...» [Там же]. Отмечая поразительное «и разнообразие, и внутреннее единство его творчества», Тагго все же проявил определенное «славянофильство» в оценке работ художника: «Может быть, нашему русскому сердцу ближе те вещи мастера, в которых <...> воплотилась сама сущность нашего русского православия. <...> Чужими кажутся нам с первого взгляда Гималаи, чужими кажутся восточные легенды, <...> мы русские со своим Достоевским и Блоком — все-таки дети Запада, дети Христа» [ПРС: 318].

Эта оппозиция преодолевается синтезом: «Но вместе с тем нас захватывает величавость этих гор <...> когда мы находим тень Христа на одном из горных пейзажей Рериха, это не кажется нам кощунством» [Там же]. Не принимая самостоятельной значимости текстов Рериха, Новосадов все же находит в его живописи идеологию:

В чем же тайна Красоты художника? Не в том ли, что эта красота не красивость <...> а нечто высшее <...> что Рерих не снисходит до наших слабостей <...> зовет нас на подвиг духовный, не веселит наших сердец, а влечет их к смирению и к труду, к бесстрашию и к борьбе со злом. Не мечтания, которые по <...> выражению Новгородской летописи «от бесов», а жизнь в труде и молитве — вот о чем говорит нам Рерих <...> [Там же]

То, что Рерих «не веселит наших сердец», также могло вызвать дискуссию, равно как и робкие оправдания восточным мотивам Рериха:

<...> может быть и в этих не наших легендах скрыто какое-то горчичное зерно Истины, может быть и они по своему узрят Вочеловечившегося Христа. [Там же]

Тагго также совершенно верно отметил патриотизм Рериха, игнорирующий идеологические различия, к чему и сам Тагго был склонен:

И нет в нем ненависти к теперешним вершителям судеб нашей Родины. <...> не ведают, что творят. Наше задание <...> остаться русскими, ибо Культура может быть только тогда великой и общечеловеческой, если она возвращена на народной, национальной основе. Об этом говорит и Всеволод Иванов <...> и сам Рерих. И не должны нас смущать <...> полные ненависти <...> лозунги временных вождей нынешнего человечества, <...> несущих Миру не Крест, а окровавленный меч. Рерих идет под знаменем Мира, под знаменем Любви, Добра и Красоты. И пусть его путь не вполне совпадает с нашим, он — наш попутчик. [ПРС: 319]

Последняя фраза, несколько отдающая советской фразеологией (при всех иллюзиях относительно СССР), также могла покоробить.¹⁴³ Но заканчивает Тагго с надеждой, цитируя мысль, явно прочитанную у Рерихов, а не увиденную на картинах художника:

И его творчество — благотворный подвиг, служение Возвышенной Красоте — может служить нам лишь примером. Оно говорит нам, что не все еще потеряно. Что Россия не в прошлом, а в грядущем. [Там же]

Статья Новосадова появилась в субботу 6 мая 1939 г. в чикагской газете «Рассвет» (стр. 4). Она называлась «О Рерихе». Проблема национального и вселенского (эпитет «космополитический» еще не имел негативного оттенка) осталась, но была решена иначе:

<...> огромное мироощущение его, расширенное до космических масштабов, символически может быть обозначено как всеобъемлющее сердце русское, жадно влекущееся к миру, «космолитическое сердце», пишет живущий в СССР искусствовед Э. Голлербах. И он прав. Именно русскость Рериха сделала его вселенским. И живя у подножия Гималайских гор, он неукоснительно думает о Руси, о ее судьбах. [ПРС: 320]

Возможно, новая трактовка испытала на себе влияние Беликова. Новосадов активнее цитирует высказывания Рериха, а именно — книгу «Нерушимое» (1936):

Рерих — чужд духу современного общества, его идеалы: Добро и Красота не смогут воплотиться в мире, где строительство является лишь привилегией <...> капитала. Культура в понятии Н. К. Рериха не прихоть, не роскошь: «Культура есть песнь мирового труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей, <...> она живет во всем мыслящем и сознательном. <...> защищает историческое значение народа». [Там же]

¹⁴³ Ср. горький сарказм В. В. Маяковского в стихотворении «Город» (1925) по поводу эпитета «попутчик».

Совсем избавиться от своего западнического взгляда на рериховский Восток Новосадов не мог, равно как и от страха перед «оккультистами» и «вездесущими жидомасонами», но его формулировки приобрели больше такта, поскольку он использовал цитату Голлербаха:

Его вера — не внешний блеск церкви, не исследование догматов, нет, ему нравится проявление возвышенного. <...> русские святители его — это <...> человеколюбцы, <...> кроткие работники, строители. А сейчас он пишет азиатских святых, пишет на мифологические темы близкой победы Истины и Добра. Нам, воспитанным на европейской <...> культуре <...> этот мир <...> холодных небес далек. Но <...> Э. Голлербах говорит о Рерихе: «мистицизм Рериха не имеет ничего общего с дешевой «теософией» или «популярным мистицизмом» дурного тона — в нем нет упаднической психологии...». [ПРС: 320–321]

Голлербах в СССР и не мог писать иначе. Чтобы не солгать, он использовал прилагательные, позволяющие уточнить, что у Рериха теософия отнюдь не «дешевая», а мистицизм не «дурного тона». Но мистицизм Рериха не отрицается, а как бы риторически «очищается». Для Тагго, возможно, это выглядело как отрицание оккультно-мистического элемента в принципе (как у Беликова поначалу). При всей взаимной симпатии Беликова и Тагго, Тагго и Рериха, мы не видим признаков того, чтобы Тагго посещал занятия по Живой Этике. Возможно, как и Раннит, он остался в той категории сторонников Рериха, которые в первую очередь воспринимали его искусство (ср. концепцию Раннита «Рерих — поэт»), не вдаваясь в философию, по большей части исходящую от Е. И. Рерих. Но с очерками Н. К. Рериха Новосадов ознакомился, он пишет:

Мифология — это стиль Рериха, через величественные сказания воспринимает он мир. Он говорит о Красоте, не ходячей, обыденной, <...> а о Красоте вечной и прекрасной. И вот глядя мы на картины гор <...> много не понимаем в них, но вот как-то отлетает от нас мирская забота, как-то кажется нам мир величественнее и больше. [ПРС: 321]

Мотив «неугомонного и нестареющего Рериха» преобразился в описание активной общественной позиции художника — и в плане охраны культуры, и в плане выбора «оборончества», а не «пораженчества» в отношении Советской России. Неслучайно упомянут и М. Горький, вернувшийся в СССР:

Рерих — не пассивный мистик, нет, он стоит в жизни. Он кровно заинтересован в сохранности земных сокровищ Науки и Искусства. Его Пакт о защите культурных ценностей — дело человеческое, земное. И он не отходит от России <...> он опечален смертью Максима Горького, он ободряет идущих путем оборончества, путем сознания необходимости и здесь, на чужбине, стоять на страже своего отечества. [Там же]

При этом Новосадов полон презрения к «засилью невежественных вождей», то есть к Сталину (в годы войны он будет в стихах так же описывать лидеров Италии и Германии):

Он знает, что человечество <...> несмотря на временное засилие невежественных вождей, идет к <...> светлому Будущему. Не в довольстве собой это Будущее, а в <...> радостном строительстве новой жизни, в которой осуществляется Правда, Добро и Красота. [Там же]

В №7 американо-индийского журнала “Flamma” сообщалось, что в апреле 1939 г. П. Ф. Беликов прочел лекцию о Рерихе и его искусстве в Союзе русских академических женщин, основанном З. Н. Дормидонтовой в 1932 г. Как мы помним, Дормидонтова уже приглашала с похожей лекцией Н. Ф. Роота, своего коллегу по гимназии, на занятия своего литературного кружка (перевод наш — *И.С.*):

Г-н Павел Беликов, член эстонской Рериховской группы, прочитал в апреле в Таллине (Эстония) лекцию о профессоре Рерихе и его искусстве в Союзе русских академических женщин. Г-н Беликов особо подчеркнул высокое уважение профессора Рериха к женскому движению и прочитал выдержки из сочинений проф. Рериха по этому предмету.¹⁴⁴

15 апреля 1939 г. Рерих писал Рудзитису и Лукину с Блюменталем по поводу продажи рижских изданий:

Даже <...> небольшое книжное дело, в котором участвует Беликов, видимо, начинает расширяться и накапливать иностранные сношения. <...> полезно дать монографию Северянину и Ранниту. Кстати, у них заваривается какой-то журнал *Витязь*,¹⁴⁵ а если верить газете, Северянин говорит по радио. Очень интересно, как отзовется Ремизов. [Письма с гор: II, 350]

27 апреля 1939 г. Рерих продолжает:

Беликов пишет о растущем интересе к монографии, к открыткам и ко всем нашим изданиям. Кстати, он получил из Швеции (России — *И.С.*) краткое уведомление о возможности заказов <...> Очень отраднo, что Беликов получает возможность иностранных сношений и тем увеличится и наш оборот. Будем надеяться, что <...> и туда

¹⁴⁴ «Mr. Paul Belikoff, Member of the Estonian Roerich group, has delivered in April, in Tallinn (Estonia) a lecture on Prof. Roerich and his art at the Russian Society of women-academicians. Mr. Belikoff especially stressed Prof. Roerich's high regard for the women's movement and read quotations from Prof. Roerich's writings on this subject.» [...]

¹⁴⁵ В августовском номере альманаха «Витязь» (Таллинн, лето 1939 г.) вышла статья Г. Гребенщикова «Св. преподобный Сергей Радонежский — Строитель Руси» (стр. 17) появилась с репродукцией картины Рериха «Св. преподобный Сергей Радонежский» по снимку из музея им. Рериха в Нью-Йорке. Об участии Гребенщикова упоминал и С. Г. Исаков [Исаков 1996: 112–113].

(в Литву — *И. С.*) проникнет как монография, так и *Т[айная] Д[октрина]* <...> там народонаселение больше, чем в стране П. Ф. Беликова. [Письма с гор: II, 358]

14 мая 1939 г. Н. Ф. Роот послал Рериху письмо, возможно, напомнив о своем желании написать воспоминания. Вероятно, упоминалась в письме новая монография «Рерих», которой у него не было. На следующий день, 15 мая 1939 г., было написано последнее известное нам письмо Н. К. Рериха Беликову. Что помешало переписке в оставшийся до советской оккупации год, неизвестно. Но как только Эстония стала советской, эпистолярный доступ к ней Рерихам был закрыт. Рерих писал:

В каждом Вашем письме заключено что-то строительное и бодрое. Вот и И. Г. Блюменталь о Вас всегда помянет добрым словом. Сам он деятельный и открытый к правде. Потому и в Вас он ценит эти качества. [НВ: I, 135]

Неожиданно речь заходит о В. Е. Гущике, причем в позитивном тоне, но важно и то, что Рерих не хочет сам отвечать на его письмо, а просит Беликова передать свой отзыв:

...передайте ему благодарность мою за присланную мне книгу «Забытая тропа». <...> много в ней внимательности и к природе, и к человеческим обычаям. Право жаль, если даровитый человек так неразборчив на слова и оценки <...> человек должен с годами понимать, что есть великая ответственность за каждое его деяние, за каждое слово, за каждую мысль. Посылаю Вам газетные вырезки, а также не для печати один из последних моих листов дневника «Самое Утомительное». <...> захотелось отметить, как много вредят друг другу люди, болтая без всякого разбора все что придет в голову. Прав был народ <...> «прост как дрозд — нагадил в шапку и зла не помнит». [НВ: I, 135]

Приведенная пословица в данном контексте, конечно, относится к Гущику, но Рерих постарался сделать это не прямо, ощущая и собственную ответственность «за каждое слово». Все же художник не выдержал и сам написал В. Е. Гущику через неделю (22 мая 1939 г.) авиа-письмом. 31 мая оно было уже получено.

В письме же к Беликову Рерих радуется, что монография со статьями Иванова и Голлербаха попала в библиотеку семьи Пятсов и иронизирует на теми, кого не устраивает, что в книгу попала статья советского искусствоведа:

Интересно Ваше сведение о покупке монографии президентом и его сыном. А вот в некоторых других местах не могут стерпеть местонахождение авторов статей. Казалось бы, всегда нужно судить по существу, а <...> судят по каким-то косвенным условным причинам. <...> при нынешнем Армагеддоне <...> слово справедливость выпадает из словаря. [НВ: I, 136]

Беликов объяснял это место так, специально педалируя «советскую» составляющую (Вс. Н. Иванов еще не переехал в СССР, и это не могло вызывать нареканий):

Рижская монография «Рерих» <...> имеет две статьи — советского художественного критика Э. Голлербаха и просоветски настроенного писателя Вс. Иванова, переехавшего впоследствии в СССР. Это обстоятельство вызвало ряд критических отзывов в эмигрантской печати. <...> Рерих намекает на отзыв Александра Бенуа, появившийся в Парижской эмигрантской печати <...> Бенуа знал о выходе монографии и выражал готовность принять в ней участие, однако Рерих <...> предпочел советского автора и собиравшегося выехать из Харбина в СССР писателя В. Иванова. [Там же]

Рерих, действительно, мечтал вернуться на родину, и это соображение, скорее всего, учитывалось им при выборе статьи Голлербаха, но с Бенуа у него были и другие застарелые разногласия. Зато с Вс. Н. Ивановым отношения были вполне доверительными. Понравилась Рериху и статья Новосадова:

Читал я и радовался статье Новосадова в «Газете для всех». Передайте ему мой привет. Он даровитый человек. Пусть навсегда удержит в себе широту взгляда и бодрость. В жизни много сложностей, но не в прошлое, а в будущее нужно устремлять взгляд. [Там же]

Здесь, по-видимому, произошла ошибка: в «Газете для всех» была напечатана статья некоего N.N. Либо Рерих принял N.N. за намек на Новосадова, либо он читал его в газете «Рассвет», но перепутал название газеты, либо речь идет о неизвестной нам статье. В последнем своем письме Рерих удостоил Беликова серьезной похвалы, и справедливой, и объясняющей его дальнейшую судьбу и эволюцию:

Пишите про все Ваши достижения — письма Ваши такие содержательные. <...> Пусть будет миру хорошо. Привет Вашей супруге. Духом с Вами, Н. Рерих [НВ: I, 136]

20 мая 1939 г. Рерих писал Рудзитису с товарищами о болтливости латвийского художника Алексея Юпатов (1911–75), который критиковал Беликову галерею «Русского музея» в Праге, а также о нехватке средств на издание эстонской монографии:

Если Юпатов незнакомому для него человеку Беликову говорил, что [В. Ф.] Булгаков набрал хламу, то нечто подобное и о Праге, и о Риге он мог шепнуть и в других местах. <...> Прикладываю Вам для сведения копию моего письма к П. Ф. Беликову. Они там говорят об эстонской монографии, но откуда же деньги на нее? Нужна крайняя бережливость. [Письма с гор: II, 372]

29 мая 1939 г. Рерих повторил ту же мысль о Юпатове и продолжил:

Голлербах <...> живет в Швеции (в России — И.С.) <...> Иванов там же и имеет службу как представитель ТАССа на Дальнем Востоке. <...> рады, что конгресс в Литве состоится

<...> согласны с мнением Р. Я. [Рудзитиса] относительно Новосадова. В нем <...> замечается неуравновешенность <...> трудно сказать, почему он лучше Раннита. [Письма с гор: II, 382]

В июне Рерих получил письмо Северянина от 27 мая 1939 г., посланное из Нарва-Йыэсуу.¹⁴⁶ Возможно, той же почтой пришло и письмо В. Е. Гущика от 31 мая 1939 г.:

Да хранит Вас Господь Дорогой Учитель Николай Константинович! Сегодня, 31 мая, получил Ваше авиа-письмо <...> на девятый день из сердца Азии на север Прибалтики! <...> Вы правильно заметили, что устремленность моя только ко Благу Человека. <...> болезненность поисков лучшего доходит иногда до уродливости возмущений перед <...> ханжеством и святотатством. <...> Я очень часто думаю о Вас и о Вашей супруге <...> большое письмо которой я не раз перечитываю <...> В конце июля или в начале августа выйдет из печати мой пятый том рассказов. <...> Абрам Саулович Каган <...> имел огромное издательство в Берлине — «Петрополис» <...> наци обобрали его, как липку. <...> он <...> поселился в Бельгии, где открыл <...> другой «Петрополис» <...> Там вышла книжка стихов моего Олежки (Вам она уже послана) <...> мой пятый том <...> выйдет на 15-ти листах <...> нет ли в Вашем окружении таких лиц, которые могли бы <...> выписать <...> «Жизнь» <...> возьмите клочок бумаги <...> и не откажите набросать на ней что-нибудь <...> Помните моего Христа на озере с дурачком-Васькой («Забытая тропа»)? Если бы этот рассказ мог Вас вдохновить! <...> поклон от меня, Марии Ивановны и наших сыновей Юрия и Олега с женами. [ПРС: 199–200]

В предпоследнем номере журнала «Flamma» (1939, №6), в материалах, связанных с Эстонией, сообщалось о собраниях у А. Кайгородова (перевод наш — И.С.):

Параллельно с уже существующим Комитетом Рерихов, в состав которого входят многие эстонские художники, в настоящее время создана и начала свою регулярную деятельность новая группа. Цель этой группы — как можно шире познакомиться с творчеством Николая Рериха как художника и философа. В состав группы входят художник А. Кайгородов, поэт и литературный критик Б. Тагго-Новосадов, художница В. Борхерт, журналист А. Миллер, П. Беликов и др. <...> имя Рериха сблизило лица, принадлежащие к разным организациям

¹⁴⁶ «Так давно не писал Вам, но всегда помнил и светлел при воспоминании о Вас, а таких людей так немного осталось в эпоху особачившегося человечества <...> спасибо Вам за прекрасный портрет Ваш, пересланный мне Раннитом. Я поместил его около Римского-Корсакова, Рахманинова, Блока и некоторых других Бессмертных <...> предварит[ельно] застеклив. <...> жив еще <...> благодаря С. В. Рахманинову <...> Но <...> его дар иссяк <...> я поселился на окраине, на берегу Наровы, недалеко от «Уголка» Случевского. Знакомый врач <...> пользуется меня *gratis*. Изредка приезжает Раннит, вторую книгу стихов которого готовлю к осени. <...> пишите хоть иногда из своей Святой Красоты Праведной! Переклик с Вами поддерживает готовый из тела испариться дух». [АМР]

с различным мировоззрением, еще раз доказав, что широкое сотрудничество возможно, если принципы синтеза проф. Рериха применяются в жизни.¹⁴⁷

6 июня 1939 г. Рудзитис записал в дневнике, что Беликов приезжал в воскресенье в Ригу, но на конгресс сотрудничества Балтийских стран в Каунас «очевидно, не поедет», как и Кайгородов. Видимо, от Беликова получена и следующая информация:

Эстонский временный Комитет Рериха пребывает в полном бездействии, но, не в пример ему, вокруг Кайгородова образовался кружок культурных людей, где читаются труды Н. К. [Рудзитис: 473]

В тот же день, 6 июня 1939 г., Рерих написал Н. Ф. Рооту, поощряя к написанию мемуаров, а заодно и рецензии на монографию, которую можно получить в подарок:

Ваша мысль написать воспоминания очень хороша. <...> напишите их в размере фельетона и пошлете нашим рижским друзьям <...> это будет и своевременно, и полезно. <...> если Вы скажете П. Ф. Беликову (книжная торговля Töökool) о Вашем намерении писать по поводу монографии <...> он устроит Вам даровой экземпляр. Я никогда не встречал Беликова, но по письмам он производит прекраснейшее впечатление. [ПРС: 201–202]

В письме от 28 июня 1939 г. Ю. Н. Рерих поблагодарил Беликова за присланные книги и сделал новые заказы.¹⁴⁸

9 июля 1939 г. Раннит просит Рериха поделиться своими впечатлениями о встречах с Блоком для писательницы из Харбина Н. С. Резниковой и помочь в получении автографа Р. Тагора для своей коллекции. Он также не прочь написать рецензию на монографию «Рерих», если получит ее экземпляр, благодарит за репродукцию портрета Рериха кисти сына, обещая ее хранить (видимо, в замен той, что была отдана Северянину, если это не была одна и та же репродукция):

¹⁴⁷ “Parallel with the already existing Roerich Committee, which includes many Estonian artists, there has now been formed and commenced its regular activity a new group. The aim of this group is to acquaint itself as widely as possible with the oeuvre of Nicholas Roerich, as artist and as philosopher. The group consists of the artist A. Kaigorodoff, the poet and literary critic B. Taggo-Novosadoff, the artist V. Borchardt, the journalist A. Miller, P. Belikoff, etc. <...> the name of Roerich has united in close contact persons belonging to different organizations with different world outlook, thus proving once more that a wide cooperation is possible if Prof. Roerich’s principles of synthesis are applied in life” [Flamma: VI, 109–111].

¹⁴⁸ «Получил Вашу посылку, содержащую Поппе: “Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб” и Санжеева: “Монгольская повесть о хане Харангуй” <...> Надеюсь, что Вы сможете раздобыть и остальные книги, <...> в особенности же работу академика В. В. Бартольда. <...> Нельзя ли в Ваших краях раздобыть антикварный экз. сочинения Пржевальского “Монголия и страна тангутов”, а также Св. Гедина: “В Сердце Азии. Памир–Тибет–Вост. Туркестан”, 1893–97 гг., СПб., изд. Девриена. [НВ: I. 138–139].

... моя личная жизнь за последний год превратилась в сплошные странствия между Таллинном, Берлином и Каунасом. <...> возможность работать общественно изъята совершенно <...> Ваши слова о Вийральте меня сильно обрадовали. Вийральт живет уже больше чем 10 лет в Париже и в Африке. <...> Изредка он посылает свои работы и на наши выставки, вызывая всегда и страстный обмен мнений. Ваше письмо <...> я дал в печать <...> будет еще одна победа <...> за настоящее осмеливающееся думать по-своему искусство. 20 июля я еду в Париж <...> смогу и лично передать ему Ваш привет <...> встречаюсь с Лифарем, с которым переписываюсь, <...> навещу Бальмонта. <...> увижу <...> Сергея Горного. <...> наша общая с Горным литературная подруга — Наталия Семеновна Резникова, <...> член редакции еженедельного русского журнала «Рубеж», проживающая в Харбине, — пишет сейчас книгу о Александре Блоке; <...> Она хочет обратиться к Вам <...> поделиться впечатлениями от встреч с Блоком. <...> мне бы очень хотелось иметь автограф Тагора. Можете ли <...> сообщить мне его адрес, и можно ли его беспокоить столь глупой просьбой от Вашего имени? Я слышал и читал много хороших отзывов в новой монографии о Вас <...> не смог приобрести эту замечательную книгу, а потому не имел и возможностей написать о ней в нашей газете. Присылка Вами мне Вашего портрета останется мне на память, как живой знак Вашей неизменной и вечно животворной личности... [ПРС: 204–205]

Далее следует первая строфа послания Блока «Валерию Брюсову» (1912). В тот же день в „Kunst ja Kirjandus“ (№ 25, стр. 99) появилась заметка «Рерих о Вийральте» с отрывком из письма к А. Ранниту без указания имени последнего [ПРС: 322].

24 июля 1939 г. Рерих писал в Латвию Р. Я. Рудзитису и его сотрудникам о «длинном хорошем письме от П. Ф. Беликова», по-видимому, отправленном не позднее 15 июля и содержащем мнение о последних письмах Северянина и Гущика:

<...> я вполне согласен с суждениями П. Ф. Б[еликова] о Гущике и Северянине. Именно не следует чем-либо осложнять этих отношений, но, конечно, невозможно поверить, чтобы сущность Гущика изменилась. П. Ф. Б[еликов] правильно замечает, что от Гущика всегда можно ожидать неожиданных и необоснованных выпадов. [Письма с гор: II, 422]

Важнейшей темой письма были представительские поручения, выполненные Новосадовым и Беликовым, передавшим монографию «Рерих» официальным лицам:

Также очень рад <...> что Новосадов <...> с П. Ф. Беликовым <...> могут оберегать добрые отношения. Интересно бы слышать, как именно Новосадов передал монографию и какие при этом были разговоры. Сейчас пришло длинное хорошее письмо от П. Ф. Беликова. Мы очень радовались его описанию, как он передал две монографии представителям и какими добрыми словами о сущности моего творчества ему удалось сопроводить передачу. [ПРС: 206]

В случае Беликова речь идет, по-видимому, о передаче книги российским дипломатам:

Приятно слышать, что беседа с представителями была в добрых тонах и <...> правильные сведения будут просачиваться, вопреки всяким выдумкам. [ПРС: 206]

Видимо, в июльском письме были и фотографии Беликовых. Е. И. Рерих писала Г. Ф. Лукину 29 июля 1939 г.:

Получили и фотографию супруги П. Ф. Беликова. Очень понравилась она всем нам. Такой вдумчивый и ясный взор. Думаю, что оба они могут быть прекрасными работниками на ниве труда просвещения. [ПРС: 207]

Понравились Елене Ивановне и рассуждения Беликова, в которых она не могла не почувствовать свою «школу»:

Мысли, высказываемые П. Ф. [Беликовым] в его последнем письме к Н. К. [Рериху], пришлись мне очень по душе. <...> Именно, радость жизни — не в роскоши и изобилии, но в проникновенном осознании глубокого смысла и назначения жизни, <...> тогда всякий труд становится источником радости и восхождения. [ПРС: 207–208]

5 августа 1939 г. Рерих писал Рудзитису и Лукину с Блюменталем о передаче монографии советскому дипломату и заместителю наркома иностранных дел В. П. Потемкину:

Последнее письмо от И. Г. Блюменталю было от 10 июля. <...> так и не знаем, была ли переслана монография с моим письмом В. П. Потемкину. <...> П. Ф. Беликов передал две монографии и сопроводил их очень удачной беседой. Таким образом <...> выявляются правильные сведения. <...> Конечно, П.Ф.Б[еликов] может знать о записном листе *Друзьям художникам*. <...> посылаю в обор[онческую] газету еще статью *Шведская Слава* (Русская слава, — И.С.). [Письма с гор: II 407]

Участие Новосадова в рериховских изданиях протекало не гладко. 15 ноября 1939 г. Рудзитис записал в дневнике:

Статья Новосадова, которую Блюменталь заказал, не годилась. Телеграфировали в Эстонию, чтобы прислали <...> другую работу об эстонской живописи. [Рудзитис: 488]¹⁴⁹

В той же записи Рудзитис сообщал о намерении Рериха вернуться в Россию:

Блюменталь получил письмо, в котором Н.К. высказывает желание вернуться в Россию — устроить выставку своих работ или цикл лекций. <...> хочет, чтобы переговоры Блюменталю [о визах] скорее завершились. <...> Н. К. направил официальную просьбу разрешить ему вернуться в Россию и участвовать в труде нового строительства и защите

¹⁴⁹ Те же оценки и в письмах Рудзитиса Рерихам от 12 декабря 1939 г. и 26 января 1940 г. (в связи с альманахом «Мысль»).

культурных памятников. <...> Всеми силами надо способствовать возвращению Н.К. <...> Блюменталь <...> уже установил дружеские отношения. [Там же]

Рериху не позволили вернуться, но если бы это произошло, его могла ожидать судьба многих «сменовеховцев» и других репатриантов, то есть травля, репрессии и гибель.¹⁵⁰

20 ноября 1939 г. «Вести дня» (№ 265, стр. 2) сообщили о том, что Литературно-исторический кружок нарвского Русского Общественного Собрания устроил вечер писателя В. Е. Гущика с чтением рассказов из его последнего сборника «Забытая тропа». Кружок запланировал также собрание, «посвященное художнику-философу Н. Рериху» и литературный суд по произведению И. А. Бунина «Дело корнета Елагина». Возможно, он предложил повторить то, что уже когда-то с успехом прошло в Таллинне.

22 ноября 1939 года И. Блюменталь снова упоминает Беликова, его статью о М. Ю Лермонтове и неудачу с отправкой монографии «Рерих» в СССР:

Отношения с друзьями приличные, но Павел Федорович писал, что им получено сообщение, и <...> монография возвращается за неимением покупателя на эту книгу. <...> Имеются статьи о музыке, о театрах, Павел Федорович готовит статью о Лермонтове, надеемся получить хорошую статью об эстонской лирике <...> Кайгородов вместе с немецкими переселенцами отправился на свою новую родину. [AMP] ¹⁵¹

8 марта 1940 года Блюменталь пишет про второй сборник «Литературные записки»:

Второй выпуск было бы желательно выпустить под знаком обороны Родины. Думалось использовать <...> выписки из книг Учения о героизме и подвиге, затем хорошую статью Новосадова о русской поэзии, статью Беликова о выставке русских книг <...> [Там же]

2 мая 1940 г. Елене Рерих в Индию написал из Эстонии художник и поэт М. А. Сидоров:

В начале ноября прошлого года я решился написать Вам письмо. <...> Может быть, письмо мое и не дошло <...> вчера я ясно ощутил Ваш ответ, выразившийся в возможности начать работать с Павл. Фёдор. Беликовым и вступить в контакт Ал. Ив. Клизовским. Интересно, что время Вашего предполагавшегося ответа совпало с началом образования кружка У[чения] Ж[ивой] Э[тики] <...> Это такая радость прикасаться сознанием к книгам Учения и Вашим Письмам. <...> И нет, кажется, ни одного раньше данного Учения, которое бы так просто и ясно, и нам, нам современным людям так понятно, разъясняло и освещало Светом все вопросы, запросы, загадки, тайны и т. д. жизни

¹⁵⁰ Насколько наивны были ожидания рериховцев, показывает та же запись: «У Блюментала возник конфликт с Клизовским. Последний <...> обращался в русское посольство с просьбой разрешить распространять его книги в России. <...> ныне там церковная религия, мол, рушится, ее следует заменить научным мировоззрением...» [Рудзитис: 489]. В 1942 г. Клизовский был расстрелян.

¹⁵¹ <https://roerichsmuseum.website.yandexcloud.net/PNKR/PNKR-013.pdf>

<...> Какие чудные комментарии к Учению в статьях «Нерушимого». <...> «Сердце воспитывается в трудах». <...> Когда спрашиваешь церковников и религиозников как воспитать сердце, обычно получаешь невероятно путанные ответы. А совсем просто — труд смягчает сердце и воспитывает его. [ПРС: 209]¹⁵²

В 1940 г. вышел второй сборник Раннита «Via dolorosa» в переводе И. Северянина и с его предисловием, в котором содержался подробный перечень отзывов о его поэзии, включая рериховский («В поэзии Раннита чувствую родственную душу...» [ПРС: 330]).

С приходом советской власти в Прибалтику в 1940 г. деятельность «рериховцев» была полностью прекращена или ушла в глубокое подполье. Многие были репрессированы, однако не все. Больше всего пострадали члены активного Латвийского общества, организация которых была официально зарегистрирована и задокументирована печатной деятельностью. Наиболее активно печатавшийся из эстонских «рериховцев» Алексис Раннит счастливо избежал репрессий и эмигрировал в годы войны на Запад. Его другу Игорю Северянину довелось умереть своей смертью во время немецкой оккупации, несмотря на контакты с экс-послом в Эстонии Ф. Ф. Раскольниковым. Б. Х. Тагго-Новосадова репрессировали за работу в прогерманской газете уже в 1945 г. Избежала ареста и Нина Рудникова, работавшая на две разведки, поскольку выехала в Германию еще в 1939 г. (но умерла уже в 1940 г.). Хуже всего пришлось В. Е. Гущику, который активно сотрудничал с советской разведкой и, как и большинство советских агентов из числа раскаявшихся «белогвардейцев», был репрессирован, когда нужда в нем отпала. Важно то, что эстонских рериховцев преследовали не из-за Рериха. Само по себе это не было фатально. Официального отражения деятельность эстонских «рериховцев» так и не получила, что оказалось большой удачей.

Беликов не был арестован до войны (пострадали его родственники). Предъявить ему было нечего, кроме статьи о Пушкине и книготорговли. С. Г. Исаков в своей статье о Гущике приводит факт знакомства Беликова с представителями советского посольства:

Предложение о встрече, видимо, с резидентом советской разведки в Эстонской Республике (формально атташе советского посольства) А. М. Исаковым В. Е. Гущик получил от П. Ф. Беликова, заведующего советским книжным магазином в Таллинне, большого поклонника и позже исследователя учения Н. К. Рериха. [Исаков 1996а: 251]

¹⁵² М. А. Сидоров еще раз написал Е. И. Рерих 31 марта 1946 г.: «...написал Вам в первый раз из Ревеля, получив Ваш адрес от Беликова. <...> осенью 1939 г. <...> мы — моя жена и я <...> живем в эстонском лагере в Баварии <...> знакомы с различными областями эзотеризма. Я долго работал в Ложе вольных каменщиков, в теософских ложах <...> Ваши «Письма» <...> поддерживали нас в минуты трудности. В 39–40 гг. был в переписке с Клизовским...» [ПРС: 210–211].

Это вполне правдоподобно, учитывая активное стремление Н. К. Рериха и большинства его помощников в Прибалтике к наведению «мостов» с СССР. Беликов целенаправленно искал возможности сотрудничества с советскими официальными лицами и советской книготорговой сетью, чтобы наладить книгообмен и сделать рериховские издания достоянием советского читателя, а также помочь возвращению самого Рериха на родину. Из этого факта некоторые читатели статьи С. Г. Исакова делают вывод, что и Беликов мог быть вовлечен в шпионскую деятельность, как и Гущик. Но это и не правдоподобно, и не подтверждается фактами.

Неправдоподобно это потому, что Беликов был моральным ригористом, убежденным в том, что даже любая сомнительная мысль может стоить очень дорого и ему самому, и всему вселенскому эволюционному замыслу. Репутация его была безупречна, авантюрной «жилки» в нем не было вовсе. Воспользоваться таким человеком было бы крайне тяжело. Кроме того, он не обладал нужными связями в военной среде, которых у Гущика было в избытке: основная работа Гущика заключалась в слежке за своими бывшими сослуживцами-военными (в том числе – за К. Г. Бадендиком, возглавлявшим общество «Витязь»).

Мы знаем, как реагировали официальные советские представители на выступления «индоктринированных» рериховцев. С ними не хотели иметь дело. Гущик же уже не позиционировал себя как рериховца, зато был самым плодовитым литератором, вхожим во все сферы эстонско-русского культурного пространства. К тому же он постоянно искал средств на свои проекты, в отличие от Беликова, который научился их зарабатывать, и этим в случае Гущика также было удобно воспользоваться.

Но это всё предположения. Факт же заключается в том, что подробное описание агентурной работы Гущика не содержит никаких следов сотрудничества с Беликовым. То же можно сказать и про все остальные дела. Они известны, и Беликов в них не фигурирует. Если бы Беликов был посвящен в дела спецслужб и уже «засветился» как связной между А. М. Исаковым и Гущиком, ему не дали бы остаться в стороне, а в случае «разоблачения» Гущика был бы разоблачен и Беликов как пособник. При всех своих прекраснотушных иллюзиях Беликов оказался чист и не замешан ни во что. Поэтому и С. Г. Исаков, хорошо знающий дело Гущика, сообщает только один факт: приглашение встретиться с кем-то из посольства было передано через Беликова.

Полагаем, принципа «отойди от зла» Беликов придерживался и в дальнейшем. Он никогда не вступал в компартию, во время войны не сотрудничал с немцами (прятался на хуторе у родственников), не вступил в Союз Писателей СССР после публикации книги «Рерих» (1972), хотя ему это предлагали сделать. При первой возможности уехал из

Таллинна в эстонский колхоз, чтобы и в обычную городскую суету не погружаться (правда, для этого были и медицинские причины).

Не случайно возникла шутка о «мере совершенства человека в “один Беликов”, сокращенно “1 бел”» [СДР: 5]. Беликов, возможно, серьезнее всех в Эстонии относился к этической составляющей Живой Этики, и вся его послевоенная жизнь была подвигом по возвращению русской культуре ее большого пласта, связанного с семьей Рерихов. Пытался он сохранить и память о репрессированном Борисе Тагго, хранил его лирику военных лет, до сих пор еще не полностью опубликованную (см. Приложение), хотя это было крайне опасно с учетом обвинений, предъявленных Тагго (некоторые даже боялись произносить вслух его фамилию, как сообщают очевидцы). Беликов надеялся, что антифашистский характер стихов Новосадова поможет когда-нибудь его реабилитации. Думается, и это время настало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Павел Федорович Беликов (1911–1982) — независимый исследователь, один из основоположников научного рериховедения в СССР, но в довоенной независимой Эстонии его деятельность была связана не с рериховедением как таковым, а с рериховским движением и общекультурной просветительской деятельностью.

Рериховское движение было многоуровневым. Можно выделить в нем три направления: 1) борьба с разрушением культуры; 2) развитие культурных центров; 3) распространение рериховского творчества и философии Живой Этики (Агни Йоги). В 30-е гг. наиболее важным было первое направление, которое и придало всему движению почти всемирный масштаб. Но сама эта работа была возможна только при наличии культурных организаций, которые ее поддерживают. Это могли быть обычные сообщества художников, литераторов, философов и музыкантов. Рерих только давал им новый стимул для деятельности. Третье направление для самой семьи Рерихов было важно, но к Живой Этике имела склонность лишь малая часть сторонников движения.

Беликов оказался большим ценителем именно публицистики и пост-теософской мысли Рерихов, но с удовольствием поддерживал все разнообразие культурной жизни Таллинна, даже никак с Рерихом не связанное. Рерих не упоминается ни в докладе Беликова о Канте, ни в его статье о Пушкине, ни в сохранившихся стихах Беликова. В четырех главах нашей работы мы постарались проследить эволюцию П. Ф. Беликова как деятеля культуры на протяжении примерно шести лет (с конца 1934 по первую половину 1940 г.) на фоне общей картины участия Эстонии в рериховском движении 30-х гг. Естественными границами для под-периодов в этом промежутке выступает не календарная граница лет, а летний период. Мы выделили три под-периода, каждый из которых включает условно по два «учебных года»: вторая глава 1934–36; третья: 1936–38; четвертая: 1938–40.

Необходимая экспозиция всему этому дана в первой главе, охватывающей вкратце деятельность Рериха до 1933 г. и попытки В. Е. Гущика к ней присоединиться. Кажется, впервые в научной литературе здесь обозначено начало проникновения рериховских идей в эстонское культурное пространство — визит посла Эстонии К. Р. Пуста в парижский рериховский комитет и последующая переписка Рериха с ним, а также ответный визит Михаила Таубе в Эстонию. Ранее уже было известно письмо К. И. Стуре (по цитате в письме Е. И. Рерих от 13 октября 1934 г.), в котором подробно описан визит председателя Латвийского общества Рериха в Эстонию и его встречи со множеством людей, поддержавших идею Пакта Рериха. Среди них и могущественный клан Пятсов,

укрепившийся в результате мартовского переворота («Президент <...> православный, большой почитатель искусства Н. К., еще больше его брат-художник, работавший у Н. К., жена художника – самый близкий друг Президента и тоже ревностная поклонница искусства Н. К. Она обещала всеми мерами поддержать основание местного Общества <...> и устройство выставки репродукций картин Н. К.»). Йоханна Пятс, действительно, поддержала Гущика, а ее муж Вольдемар Пятс — Комитет Пакта Рериха.

В начале второй главы мы дали краткий очерк юности Беликова до 1934 г. Мы остановились на ленинградском эпизоде его жизни, отчасти объясняющем, как нам представляется, его высокие культурные стандарты и некоторое влияние В. В. Маяковского в ранних стихах. Мы рассмотрели, к каким выводам пришел Беликов, занимаясь философией и читая литературу писателей-символистов. Все это он изложил в 27 письмах к Галине Маховой, охватывающих период ее последнего года учебы в Тартуском университете и еще одного учебного года — до поступления в таллиннский Педагогиум (1934–1936). Беликов описывает себя как наблюдателя и мыслителя-парадоксалиста, последователя Гераклита и отчасти Д. С. Мережковского. В самом большом втором письме он предлагает взгляд на культуру как многоуровневую структуру, в которой каждый из деятелей создает своего рода «этаж», преодолеваемый на следующем уровне, но необходимый и неустрашимый (верхний этаж не может держаться без нижних). В этой структуре свое место занимают наука, религия, философия, теософия, Гомер, Л. Н. Толстой и т.д., но самое высокое положение принадлежит Рериху, которому удалось объединить религиозное и научное знание и приблизиться к той науке-религии, которой владело человечество с древнейших времен. Беликов выступает за синтез религий.

В февральских письмах 1936 г. он сосредоточен на путях самосовершенствования человека, противопоставляя внешнее (цивилизацию) и внутреннее (культуру) и призывая к непрерывному движению к идеалу, понимаемому не как отвлеченность, а как целеполагание, которое усилием мысли может осуществиться (позже он заметит: «“не хлебом единым жив человек” и не аэропланами небо открывается»). Внутренняя культура — цель, цивилизация — лишь средство. При этом цитируются Шекспир, Ремарк, Байрон, Рерих, Библия и т.д. Главное в любой идее для Беликова – ее практическое воплощение, а не преклонение: надо не поклоняться Сократу и Христу, а пройти их путь, стать ими.

16 марта 1935 г. Беликов впервые зафиксирован местной прессой как участник заседания литературного отделения общества «Витязь». В письмах он разъясняет Маховой, как велика сила мысли, и пишет стихотворение «К мысли» (1935), «текучая» форма которого передает основное требование, предъявляемое к мысли — не стоять на месте («лучше окончить безумьем прекрасного, / Чем здравого смысла проникнуться

хламом»). Он объясняет Маховой, что такое «Тонкий мир» («астральный план»), в котором все мысли сохраняются. Дурные мысли грозят счастьем (эволюции) всего человечества, поэтому необходима строгая умственная гигиена (которой способствуют и молитвы, необходимые не Богу, а самим молящимся). В этой концепции невозможно «покаяться», сделанное (и даже помысленное) остается с человеком до самой смерти.

7 апреля 1935 г. Беликов пишет почти трактат о космологии, о происхождении всего мира из «Первичной Материи» или «Первичной Энергии». Привлекаются «Упанишады» и Библия, доказывається, что стремление к эволюции возводит материю от неживых форм к божественным, а Бог (в сущности не отличающийся от пепельницы в своей материальной основе) тянет за собой человечество, которое само виновато, если доводит себя до катастрофы, поскольку обладает свободой воли («всякое насилие есть беззаконие», Бог не может себе его позволить). В этой концепции физика и метафизика объединены, как у древних атомистов (Демокрита, Лукреция, Эпикура), и мысль Беликова, несомненно, колеблется между идеализмом и материализмом, как у героя его стихотворения «Из Дидро» (1935).

15 апреля 1935 г. Пакт Рериха подписали в Вашингтоне почти все американские страны. А 18 мая Беликов вновь участвовал в вечере общества «Витязь». В майском письме к Маховой он предлагает смотреть на мир как на единый дом и искать согласия своей воли с общими задачами Вселенной («Каждый человек <...> разумом, силой, волей должен выбраться из кухмистерской жизни и не только для себя лично, но помогая всем другим, как Христос»). Ту же мысль он продолжает и в летних письмах, утверждая изоморфизм макрокосмоса и микрокосмоса (человек), человека и общества (как своеобразного «тела»). Он рассуждает и о понятии свободы, в котором видит добровольное, осознанное следование полезной истине.

При этом Беликов озабочен тем, чтобы стремление к высокому не приводило к срывам под воздействием среды (Беликов цитирует «Спротивление злу» Рериха и его рассуждение о библейской формуле «Отойди от зла и сотвори благо»). Он также цитирует статью Рериха «Огонь претворяющий», впервые опубликованную в Эстонии Гушиком, где Рерих вспоминает слова Толстого: «Случалось ли вам <...> переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше: иначе снесет. Так и в области нравственных требований...».

В 1935 г. умирает отец Беликова, и его письмо от 7 октября 1935 г. посвящено ответственности человека за свою земную жизнь. Беликов верит в теорию реинкарнации и постепенной эволюции (или инволюции) личности. Он объясняет Маховой представление о трехчастной (в полном развитии — семичастной) структуре человека и космоса и

причину страданий в «астральном плане» тех, кто в жизни предавался неумеренным желаниям и не оберегал сознания от хаотических дурных мыслей. В описание вводятся и данные физики, и объяснение вредных привычек, и цитаты из Бальмонта, и рериховская трактовка любви, восходящая к теории Платона («Любить – значит прощать. Прощать – значит понять. Понять – значит знать. Знать – значит приблизиться к порогу Мудрости»).

4 ноября 1935 г. Беликов выступает с докладом «Пути современной молодежи» в Таллиннском русском Литературном кружке. Доклад имел резонанс и подробный отклик, как в прессе, так и в письмах Беликова. В письмах он развивает свои мысли о молитве и о музыке (музыка «зовет и тревожит», без нее жизнь — «самодовольный сон живых трупов»), о том, «трамвай для человека или человек для трамвая созданы?» Последнюю цитату он приписывает М. М. Зощенко, но найти источник этих слов нам не удалось. Беликов признается, что пишет стихи и посылает Маховой стихотворение «Не пой священных гимнов, жрец...» (1935) о том, что Бог – в созидательной жизни «пахаря», а не в «сером камне» храмовых изваяний. Ему явно близок Тютчев и неприятен басенник и атеист Демьян Бедный, которого он высмеивает в эпиграмме.

23 декабря Беликов прочел в Литературном кружке доклад «Философия Иммануила Канта и ее значение» и прокомментировал свой успех в письме к Маховой. Свое преклонение перед философией он иллюстрирует образом вечно парящего орла из стихотворения Н. С. Гумилева «Орел». И далее в письмах дает восторженную характеристику поэзии Гумилева. В предновогодний вечер 30 декабря 1935 г. Беликов побывал на оперетте «Марица» в театре «Эстония» и оставил нечто вроде краткой рецензии на творчество Мильви Лайд и Константина Сави.

В январе 1936 г. Беликов поведал Маховой об русском философе Н. Ф. Федорове, которому многие обязаны (Достоевский, Толстой, Соловьев и др.) и философии которого якобы скрыто придерживаются даже в СССР. Он размышляет о необходимости управления своими чувствами, что не означает их ослабления. А 24 января рассказывает о прошедших и предстоящих заседаниях Литературного кружка (посвященных Мережковскому, Толстому, Островскому, рассказу Бунина и т.д.).

В одном из следующих писем он возвращается к Рериху, его книге «Пути благословения» (1924) и развивает тему «радость — есть особая мудрость» (апокрифические слова Христа). Когда разум отказывает, помогает сердце («Сердце» — одна из книг Живой Этики). Он пишет, что в жизни очень важно целеполагание и совмещение «пути» и «жизни» воедино, как в земном пути Христа, поскольку невозможно сначала подготовиться, а потом жить.

3 марта 1936 г. Беликов пишет подробное мемуарное письмо и рассуждение о принципах педагогики А. К. Янсона. Беликов против концепции «среднего ученика» (школы выпускают «средних людей», «как фабрики выпускают патентованные подтяжки») и выступает за то, чтобы в школе было больше уроков практической нравственности (кажется, и толстовские идеи не забыты: «геометрия... учит мерить землю, но не учит о том – сколько человеку земли надо», — пишет Беликов).

22 мая 1936 г. Беликов выступает на Литературном вечере В. Е. Гущика. В статье И. Николаева (видимо, корреспондента из Вильянди) весь вечер описывается как цельное выступление группы литераторов, объединенных идеями Рериха, изложенными Беликовым («любовь — красота — действие»). Это первый известный нам рериховский доклад Беликова, и именно на него отозвался через полгода сам Н. К. Рерих, воспользовавшись поводом пожелать здоровья заболевшему автору доклада.

В письме Маховой от 31 мая 1936 г. Беликов пишет, что Агни Йога и вообще устремленность к космическим задачам («Я иногда даже чувствую как бы биение Космического пульса») не обезличивает человека а, напротив, углубляет его индивидуальность. 22 июля 1936 г., цитируя «Эвтаназию» Байрона (где встречается та же, что и в рассказе Буниным о корнете Елагине), Беликов признается, что «не быть» легче, чем быть, но теперь он считает «трусостью отвергать бессмертие». В последнем из известных нам писем к Маховой (26 июля 1936 г.) Беликов знакомит ее с Агни Йогой и сообщает, что сторонники оккультных наук мало согласны друг с другом, поэтому Гущику приходится много объяснять (он человек «культурный и многознающий», но философской подготовки не имеет). На этом изложение взглядов Беликова обрывается и более или менее подробно он возвращается к ним только в докладе «После прочтения “Л.С.М.”», рассмотренном нами в последней главе.

В третьей главе дана преимущественно картина вовлечения Беликова и Эстонии в более активную рериховскую деятельность. Рерих пишет свое первое письмо Беликову 5 октября 1936 г., еще не предполагая, что этот юноша позднее станет едва ли не самым преданным его учеником в Эстонии. А пока, 14 декабря 1936 г., Беликов выступает в Литературном кружке с докладом «Русская литература до А. С. Пушкина. Поэзия Г. Р. Державина». Корреспондент — рь весьма подробно и уважительно пересказывает этот доклад в газете «Вести дня». В том же году Беликов получил от Б. Новосадова патриотическое стихотворение «Ни глад, ни кары, ни крамола...» (1936), возможно отмечающее начало их дружбы. Беликов также не оставляет своих поэтических упражнений. В 1937 г. он пишет стихотворение «В минуты близости ты нежной лаской...».

В 1937 г. с Рерихом связывается А. Раннит, который на какой-то период становится фаворитом художника в Эстонии: он пишет статьи о Рерихе, делает переводы его статей и публикует их, посвящает Рериху уже написанные стихи и пишет новые. Видимо, именно под влиянием Раннита с Рерихом год спустя связался и И. Северянин, попросивший помощи на издание поэмы «Солнечный дикарь». Рерих послал Северянину деньги, а через Беликова ему были пересланы рижские издания. Признавая таланты обоих, Беликов относился и к Северянину, и к Ранниту с определенной настороженностью, что стало даже темой в переписке рижан с Рерихом. Р. Я. Рудзитис считал, что недостатки Раннита возрастные и влияние людей нравственных поможет ему исправиться, и в этом плане возлагал надежды на Беликова. Беликов, Раннит и художник А. Тамм задумали издать эстонскую монографию Рериха со статьями о Пакте, живописи и философии Рериха, но по разным причинам проект не осуществился.

С 1937 г. Рерих писал Беликову уже очень тепло и неформально («Дорогой мой П. Ф.»), переслал ему из Индии книгу, полученную из Латвии, дал адрес А. И. Клизовского и наставлял: «Сейчас особенно необходимо дружелюбие в общечеловеческом понимании. Человечность во всем мире сейчас страдает». Рерих настаивал, что чистота помыслов — «не отвлеченность, но профилактика каждого дня, когда с утра до вечера человек сеет или добро или зло».

Тем временем к идеям Живой Этики пожелала примкнуть и таллинская поэтесса-мистик Нина Рудникова со своей новой группой «Солнечный Путь». 24 апреля 1937 г. под влиянием визита Г. Лукина и И. Блюменталья эстонский вице-министр Министерства просвещения Вольдемар Пятс взялся собирать подписи под меморандумом рериховцев для вручения эстонскому правительству.

10 октября 1937 г. в Риге был открыт Музей имени Рериха и проведен балтийский конгресс рериховских обществ, где Эстония была представлена делегатами от инициативной группы (Й. Гренберг, опоздавший А. Кайгородов) и приветственными посланиями (А. Раннита, А. Кайгорова, Н. Роота и К. Цейдлер). В следующем году материалы конгресса вышли в книге «Zelta grāmata» («Золотая книга»), где были напечатаны и очерки Рериха о прибалтийских странах, включая его воспоминания об Эстонии. Среди откликов на это событие была и большая статья «Художник Николай Рерих и Эстония» Яана Перта (этот факт может быть неизвестен эстонским искусствоведам, поскольку статья подписана инициалами; мы установили авторство по одному из писем А. Раннита). Появилась и статья в журнале Алексея Миллера „Vaimuse ideoloogia“ (1937, №5), — «Академик Н. К. Рерих как преобразователь жизни».

Именно в это время Беликов полон желания создать свою группу, но Рерих пытается объединить усилия и советует ему сотрудничать с Ригой и другими группами в Таллинне. В дневнике Р. Я. Рудзитиса появляется имя П. Ф. Беликова: «И. Г. Блюменталь познакомился с Беликовым, который переписывается с Клизовским и Рерихом, — молодым, энергичным, симпатичным человеком, которому всего 24 года, уже болеет туберкулезом. У него будто бы великий талант объединителя. Его мать держит столовую, и по вечерам в этом помещении собираются разные юношеские и культурные сообщества. Со всеми Беликов умеет найти общий язык».

9 декабря 1937 г. было объявлено о создании постоянного комитета общества имени Рериха в Эстонии (учредители — И. Васар, И. Гринберг, А. Кайгородов, Р. Ниман, А. Старкопф, А. Тамм, временный председатель — Э. Таска, почетный член — «товарищ министра народного просвещения В. Пятс»). Беликов не мог сразу войти в рериховский комитет, а его участие в сборнике Гущика «Поток Евразии» (1938) насторожило и Рериха, но, познакомившись со статьей Гущика «Куприн уехал» и Беликова «Пушкин и государственность», Рерих нашел для них добрые слова. В статье о Пушкине он не мог не узнать своих (и своей жены) идей. Рассуждения о радости, свободе, о примате этического над политическим были близки Рериху. Беликов нашел свое объяснение парадоксальной «всеядности» Пушкина, прославлявшего и царя Петра, и республиканцев-декабристов. Беликов считал, что для Пушкина самое главное — творческая личность под охраной высшего закона, а политическая система вторична. Но закон должен быть непреложен, и государь не может быть тираном.

Деятельность эстонского комитета развивалась вяло. Беликов сообщал Рудзитису, что в Таллинне существует четыре мало связанных между собой группы («ядро-комитет Общества, потом группа Беликова, далее — Роот, Цейдлер, Раннит и другие художники» и «группа Рудниковой-Милленда», то есть А. Миллера). Беликов мечтает их объединить, но Кайгородов не сочетается с Ниной Рудниковой. Рерих советовал дать им возможность самостоятельно развиваться. В это время Рериху впервые пишет И. Северянин, рассчитывая на публикацию в американском издательстве «Алатас» Г. Гребенщикова. Некоторое время они переписываются, и Северянин вешает у себя дома портрет Рериха.

Беликов в марте пишет грустное любовное стихотворение «На незатейливых весах мы проверяем наше счастье...» (1938). В августе он вступает в брак с Г. В. Маховой. До этого, еще в начале лета, он при помощи Б. Тагго-Новосадова получил место в книготорговой фирме „Tõökool“, где поначалу зарабатывал немного, но позднее развил бурную деятельность и увеличил продажу русских книг едва ли не в десять раз, искусно

пользуясь возможностями советской «Международной книги», имевшей в магазине свое представительство.

Рерих чрезвычайно одобрял эту работу и благодарил за присланные книги, а затем начал делать и заказы. К переписке подключился и Ю. Н. Рерих, которому очень не хватало востоковедческой литературы. С помощью Беликова Рерихи смогли найти в Печорах своего родственника — кузена Е. И. Рерих князя Я. М. Шаховского. Между Печорами и долиной Кулу в Индии также завязалась переписка. Уже по этой переписке видно, что Е. И. Рерих и вся семья (особенно Юрий) мечтают вернуться на родину. Позднее это становится ясно и по письмам Рериха к Беликову. И. Г. Блюменталь в Риге пытался добыть Рериху визу в СССР. Беликов и Тагго (который подключился к рериховской работе) получают задания передать рижские издания официальным лицам Эстонии и русским дипломатам. Некие сотрудники посольства выходят через Беликова на семью Гушика, который оказывается втянут в работу советской разведки, что впоследствии стоило ему жизни.

Беликов налаживает деятельность своей группы, бывает в группе Кайгородова. Раннит, напротив, теряет возможность активного участия в работе, и Рерих постепенно осознает, что Беликов — его главная надежда в Эстонии. Деятельность беликовского кружка длится до мая 1940 г., когда поэт и художник М. Сидоров еще сообщает о своем участии в нем Е. И. Рерих. Но присоединение Эстонии к СССР в 1940 г. становится крахом для всей структуры эстонской жизни, в том числе и для ее русского сегмента. Беликову пришлось умолкнуть почти на три десятилетия.

Его первая публикация в СССР произошла только через 27 лет [Беликов 1967], и это был уже другой период, другая история и другой Павел Беликов, не философ и просветитель в широком смысле, а ученый-рериховед. Но эта часть его биографии также полна интересных для историка культуры событий и обстоятельств, о которых мы уже отчасти писали и собираемся еще написать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикации из архива П. Ф. Беликова

П. Ф. Беликов

Философия Иммануила Канта и ее значение (1935)

До того, как приступить непосредственно к философии Канта, попытаемся обрисовать состояние философии ему предшествовавшей и его воспитавшей. В начале 18 века французский философ Декарт провозгласил великий принцип рационализма, который задал тон умственному движению целого ряда поколений. Принцип этот был таков — для разума все открыто, — чего он не может понять, того нет совсем. Лучшие умы, проникнутые этим убеждением, со всей добросовестностью хотели проникнуть все тайны бытия. Разумом строили религию, нравственность и(з) него пытались обосновать правила художественного творчества. И вот за долговременным увлечением последовало тяжелое разочарование, разум обманул обращенные к нему надежды. Последнее слово рационализма того времени было сказано философом Юмом. Он рассуждал: если опыт единственный источник знания, то нет нечего известного. Мы ничего не знаем ни о материальном мире, ни о духовном и нам недоступны ни наши общие истины о реальных вещах. Намечался кризис рационализма, рационализм клонился к скептицизму. Подвиг Декарта, выведшего философскую мысль из путаницы схоластических бредней, терял свое значение. И вот на этой почве колеблющегося рационализма и появилась философия Канта. Сам Кант, воспитанный на рационализме, остался верен ему до конца дней своих и приложил все усилия своего воистину гениального ума на спасение рационализма от грозящего ему упадка. Вопрос спорный — насколько это ему удалось, но не забудем, что такая задача непосильна не только для одного человека, но даже и для одной эпохи. Ознакомимся теперь с тем, как разрешил ее Кант.

Обычно о философии думают, что в ней бесчисленное количество различных теорий, гипотез и построений, в которых, как в лесу дремучем, обречены блуждать простые смертные. Но, к большому огорчению философов, это не так. При изучении философии бросается в глаза противоположное. Лес гордят лить многочисленные вариации малочисленных основных идей. Сказать в философии новое слово редко кому удавалось, и такая удача выпала на долю Канта. Сторонники рационализма до Канта, как я уже упомянул, защищали свои убеждения следующим образом — что разуму доступно, то и существует, а что не доступно, того и нет вообще. Кант пошел другим путем. Защищая

рациональное, он прежде всего утвердил иррациональное, т.е. принял и существование вещей, для разума недоступных. При чем сразу же заявил, а раз такие-то и такие вещи разум постигнуть не может, то и не старается к их объяснению подходить, то есть они для нас существуют, но и только. Все рассуждения по их адресу никаких оснований не имеют, не пытайтесь, одним словом, объять необъятное, по выражению нашего соотечественника Козьмы Пруtkова.

Но, конечно, став на такую позицию, Кант должен был строго разграничить рациональное и иррациональное, т.е. точно определить границы познаваемого и непознаваемого. В этом направлении главным образом и строится вся философия Канта. Границей нашего сознания Кант определяет вещь в себе. Что представляет из себя вещь в себе мы знать не можем, нам доступен лишь феноменальный мир, мир явлений. Возьмем простой пример — скажем огонь — что мы знаем об огне? Мы знаем, что он является для нас источником света, мы знаем, что он нам приносит тепло, знаем, что он нам в известном отношении полезен. Но уберем слово «нам» и спросим, что представляет из себя огонь без нас для себя? А вот это-то мы и не знаем, и знать не можем, отвечает Кант. Нашему пониманию доступно лишь изучение отношения огня к нам, а не изучения самого огня, т.е. мы знаем не огонь, а лишь явление огня для нас. Приведу слова самого Канта: «Все наши умозаключения, стремящиеся выйти за пределы опыта, призрачны и лишены основания. Не только идея Верховного Существа (Бога), но и понятие реальности, субстанции, причинности, необходимости теряют всякий смысл и обращаются в пустые знаки понятий без всякого содержания, когда вместе с ними решаются выйти из границ чувственных вещей».

Как рационалист, Кант признает разум верховным законодателем природы, но лишь природы познаваемой, в круг же природы познаваемой он включает явления вещей, а не сами вещи. Вещи сами в себе — пограничное понятие нашего сознания, без которого нельзя обойтись. Вещи сами в себе существуют, мы можем убрать человечество с лица земли, земля будет существовать и без нас, а раз будет существовать, то значит есть тому причина, цель и значение, но этих причины, цели и значения земли самой для себя без нас мы не можем узнать и все попытки в этом направлении — безрезультатны. Так разграничил Кант познаваемое от непознаваемого.

Но такого разграничения мало. Надо объяснить, почему мы, неспособные познавать вещи в себе, можем познавать явления вещей по отношению к нам. Давая такое объяснение, Кант, по собственному выражению, произвел в области философии такой же переворот, как в области астрономии произвел Коперник. Коперник перенес центр с Земли на Солнце. Так и Кант перенес центр с объекта, т.е. с мира познаваемого на

субъект, т.е. на сознание познающего. Он заявил, что то, что мы принимаем за отношение явления к себе, есть на самом деле лишь наше личное отношение к данному явлению.

Рационализм до Канта учил, что душа человека — белый лист бумаги, на котором жизненный опыт пишет законы знания. Кант перевернул это понятие и сказал, что человек является в мир с уже готовыми законами знания, которые даны ему a priori, т.е. раньше всякого опыта, и с этими готовыми законами подходит человек к изучению явлений. Следовательно продукт нашего разума — это только наши способы созерцать вещи, это наше собственное отношение к явлению, а отнюдь не отношение явления к нам.

Суждение должно основываться не на опыте, а на разуме, оно должно стоять выше опыта, предупреждать его, ибо не на наш разум действуют окружающие нас вещи и явления, а наоборот — наш разум предписывает вещам и явлениям законы, ему присущие. Возьмем для примера любопытное и своеобразное учение Канта о пространстве и времени.

Как известно, человеческий разум без этих понятий пространства и времени обойтись не может. Все нами мыслимое должно находиться в пространстве и происходить во времени. Отсюда мы делаем вывод, что время и пространство в высшей степени реальны, т.к. без них ничто не [объяс]нимо. Но не так думал Кант. Кант сказал, что пространства и времени как таковых вообще не существует. Пространство и время есть лишь наши способы суждения, наша мерка, с которой мы подходим к окружению окружающего. Наш разум не может обходиться без этих понятий и лишь поэтому наделяет ими все видимое и невидимое, но из этого отнюдь не следует делать вывода будто пространство и время на самом деле существуют. Их нет.

Предположим, что мы будем смотреть на мир через красное стекло, тогда нам будет казаться все окрашенным в красный цвет, но подлинный, натуральный цвет мира остается нам неизвестным. Или через синее стекло — тогда все будет казаться синим, но это не значит, что все и на самом деле синее. Так вот, пространство и время есть такие же стекла, через которые мы наблюдаем нас окружающее. Смотря через них, мы видим все заключенным в пространстве и времени, но это самообман, или вернее наш личный взгляд, представляемый нам законами и качествами нашего же разума. На самом же деле никаких пространства и времени — нет. Так и во всем.

Например, мы предполагаем, что все изменения совершаются по закону причины и действия. Но это вовсе не значит, что причинная зависимость существует в самих явлениях, нет — она налагается на них нашим разумом. Мы мерим все на свой аршин, приписываем всему свои законы, но подлинные мерки и законы вещей и явлений для нас тайна, которую мы раскрыли бы, если бы обладали высшим интеллектуальным

созерцанием вещей в себе. Но вещей в себе мы не знаем, вещь в себе — это граница нашего сознания. Так что строго выражаясь, наше познание есть лишь самопознание, мы реализуем на окружающей нас обстановке свои качества, а не познаем окружающее, как обычно это думают. Такова кантовская критика чистого разума.

Исходя из нее очень легко прийти к скептицизму, но от таких путей Кант отбивался всеми силами. Не забудем, что Кант был рационалист и поставил себе задачей как раз спасти рационализм от скептицизма. Поэтому в своей критике практического разума он проводит такое учение — в своей области выводы нашего разума безошибочны, когда разум не выходит из своих границ, границ самопознания, он для нас — закон.

Например, мы не знаем, существует ли бессмертная душа, выходя за свои пределы, разум не может доказать ее существования, но разум подсказывает ее нам без всякого доказательства, понятие бессмертной души заложено в разуме а'ргіогі и, следовательно, мы должны считаться с тем, что бессмертная душа существует. Так же и долг есть закон, которому мы свободно подчиняемся. Доказать необходимость долга нельзя. Но сомнение здесь недопустимо, потому что дело идет о нашем собственном желании, исходящем из нашего собственного разума — единственного источника наших знаний. Это есть нечто непоколебимое, своего рода философский камень, которого напрасно искали метафизики в чистом разуме. Общий смысл кантовской философии можно передать так: в действительности мы ничего не знаем и во всех научных приобретениях имеем дело с творчеством собственного разума, но в нас живет стремление к добру, и оно заставляет нас видеть в добре не только безусловный закон нашей воли, но и подлинную суть мировой жизни.

Теоретических обоснований для такого предположения нет никаких. С точки зрения знания, оно есть только мечта, не имеющая за собой никаких оправданий. И мы все-таки не можем ее изгонять: эта мечта нравственно выше всех трезвых заключений нашего рассудка, хотя все же она только мечта. Такова вкратце философия Канта.

Безусловно, в его постановке немало разладу. Философского камня Кант не открыл, как не открыли его ни предшествующая, ни последующая философия. Застраховать свою философию от скептицизма окончательно Канту не удалось, ибо мечта, конечно, не может быть выше всех истин. Кроме того, философия Канта гораздо более гипотетическое построение, чем это обычно полагают. Наряду со стройностью и законченностью общей системы его идей наблюдается недоказанность основных посылок, на которых она зиждется. Исходит Кант, собственно говоря, из гипотезы, которая психологически далеко не оправдывается. Психология — одно из самых слабых мест Канта.

Укажем еще на одно противоречие, вытекающее из философии Канта и исходящее из нее же. Как уже было сказано, для Канта причинная связь явлений не есть действительный факт даже в мире явлений — она только предполагается нами, накладывается на явления нашим же разумом. Однако его же система есть опровержение такого объяснения. Например — «вещи в себе» — что они такое? — Очевидно, они причины наших чувственных восприятий, существующие вне нашего сознания. Следовательно, причинная деятельность им принадлежит, как их собственное свойство. Какие-то общие законы и качества должны быть как в нас, так и в «вещах в себе». Иначе невозможно не только гносеология, т.е. познание, но и вообще единство как связь вещей и явлений между собою, как некая мировая жизнь, имеющая подлинную суть и ценность, которых Кант не отвергал.

Почему чувственный мир соответствует своим строем требованиям рассудка, почему окружающие нас «вещи в себе» дают нам возможность реализовать на себе аргументные, т.е. независимые от них законы нашего разума? Этот вопрос Кантом не разрешен и является самым слабым местом его философии. Между кантовскими критикой чистого разума и критикой практического разума существует противоречие, Кантом не преодоленное, которое можно уничтожить лишь путем отвержения основных посылок его философии.

Однако, это не умаляет значение Канта как мыслителя. Ключа, открывающего все тайны, философского камня никому не удавалось найти. Прав был Гете, сказавший, что

...Судьба своих даров,

Заслуг не видя, не истратит!

Имей вы камень мудрецов —

Для камня мудреца не хватит. (Перевод Н. А. Холодковского, — *И.С.*)

Нам ли ждать и требовать разрешения вечных вопросов высшего порядка, когда даже простых вопросов справедливого распределения продуктов плодородной земли одолеть не можем? И в области философии заслуги оцениваются не скороспелым, безапелляционным и якобы окончательным разрешением тех или иных вопросов, а правильной постановкой этих вопросов к разрешению, которое может завершиться лишь в далеких лучших временах.

Считаясь с этим, можно сказать, что заслуги Канта перед философией действительно неопределимы. Своею последовательностью до конца, которая есть далеко не истина, он принес все же пользу, а не вред. Чтобы признать безусловный долг, который не допускает никаких ограничений и колебаний, никакой относительной оценки, надобно

вложить законченный, ни от каких наших субъективных условий не зависимый смысл в бытие в его целом. Кант этого не сделал.

Наоборот, он весь смысл, всю возможность познания его вложил в субъект и ограничил субъектом. И такой постановкой вопроса доказал — насколько слабо и необоснованно философия опиралась на плохо познанные ценности, вне человека заключенные, доказал, насколько недостоверны наши субъективные суждения, насколько плохо мы разбираемся, где начинается и где кончается наше собственное «я» и в чем заключается та связь, которой наше «я» соприкасается с единством бытия и его внешним, ускользающим от нас смыслом.

После Канта стало уже невозможно с легкостью утверждать, что теми или иными стремлениями и поставленными перед собой задачами мы сотрудничаем с бытием в его целом, осуществляем общей значимости цели. Потребовался пересмотр и фильтрование всех, обоснованных на внешнем объективном мире, положений. И величайшая заслуга Канта в том, что он поставил и обострил перед последующими ему поколениями [эту проблему,] обострил ее так, что с нею нельзя было больше не считаться. Вот уже около столетия исполнилось со времени появления кантовской философии, но имя Канта не сходит со страниц философских трудов и, хотя многие современные философы заявляют, что с Кантом у них все кончено, все-таки это далеко не так.

Имя Канта войдет в философию в ореоле вечности, как имена Сократа, Платона, Аристотеля и других великих мыслителей, потому что опровергнуть Канта — значит доказать правильность его сомнений при определенных посылах человеческого суждения. Если во времена увлечения Кантом приводили его теории, как доказательство, то после преодоления философии Канта будут их приводить как серьезное предупреждение от всегда возможных ошибок человеческого разума.

Теперь кончим с Кантом и обратимся к философии, им порожденной. Так или иначе он повлиял почти на всю последующую ему философию. Границы, поставленные Кантом между явлениями и «вещами в себе», долго удерживаться не могли, т.к. противоречили его же собственной философии. Кантовское «вещей в себе» мы понять не можем» заменилось: мы можем познать лишь такой мир, который не чужд нашему духу, а напротив по своему бытию и качеству представляет всецелую возможность реализации законов и свойств нашего духа; всякое иное предположение о действительно существующем ничего не может дать, кроме лжи и противоречий — эта мысль легла в основу великих идеалистических систем Фихте, Шеллинга и Гегеля. Мысль, как видите, с Кантом уже не согласная, но вызванная к жизни и получившая актуальность именно благодаря Канту.

Наметилось и много других направлений, например, философ Маймонд, учивший, что в мысли о «вещи в себе», мы имеем только сознание об иррациональном пределе рационального знания, или технологическая школа, которая строит познание не на разуме, как Кант, а на фактическом анализе душевной жизни. Уходить в разбор этих учений сейчас не место. Скажем только пару слов о Гегеле. Гегель завоевал громадное влияние в философии, влияние это даже вышло из рамок чистой философии. Кто из нас не слышал о русском гегельянстве? На нем выросла целая плеяда русских литераторов. И по сейчас значение Гегеля не умалилось, а скорее наоборот возрастает. Последователем некоторых Гегелевских мыслей мы имеем в русской литературе такого представителя, как Мережковский. Гегелевскую диалектику можно встретить в идеях нынешнего еврейства. В левом своем крыле гегельянство дошло до Марксизма.

Материалист Маркс, как это ни странно на первый взгляд, непосредственно возникает путем развития некоторых положений идеалиста Гегеля. Как и почему — опять-таки не входит в рамки сегодняшней темы. Но если кому-нибудь из нас придется столкнуться с изучением этих разнообразных и часто противоречивых идей, то мы убедимся, что их нельзя понять без знания философии Канта, которая в новой философии действительно является камнем, легшим в основание угла.

[Авторские маргиналии к докладу]

Привести пример, почему по Канту невозможно уничтожить в человеке стремление к злему.

Пропущено о «трансцендентальном субъекте». Сомнение Канта по этому поводу. К окончательному решению Кант не пришел. Разница между первым и вторым изданием «Критики чистого разума». Идея трансцендентального субъекта получила оформление у субъект-идеалистов.

Сдержав себя в «Критике чистого разума», Кант дал себе волю в «Критике практического разума».

В предисловии — связь философии с литературой. Необоснованность натурализма, восставшего против философии (противоречие Золя).

Кант — волюнтарист.

П. Ф. Беликов

Борису Новосадову (Тагго)

Обретший родину, найдет
Под сенью и в свою могилу,
И час последний унесет
Бессильем сломленную силу.

Блуждая средь чужих племен,
Ты о своем дерзал провидеть
И, воспевая вещей сон,
Лишь с ним любить и ненавидеть.

Там, чуя зарево огней
Грядущих бурных поколений,
Ты честь мятежности своей
Не расточил в чужих волненьях.

И участь будущих времен
Тебя, как будто, не забыла
И, расщедрясь на смертный стон,
В своем подножье схоронила.

Октябрь 1956

Б. Х. Тагго-Новосадов

Неопубликованные стихи¹⁵³

Ни глад, ни кары, ни крамола
Не повергают верных в грусть,
Ни гибель царского престола —
Не то испытывала Русь
Скрывались мы в лесные дали,
Нас гнал поганый Тахтамыш,
Но русских воинов видали
И Византии и Париж.
И казни мы познали в меру
При Иоанне и Петре
И за отеческую веру
Мы смерть искали на костре
Но супротив иноплеменных
Шла неуступчивая рать
В песках пустынь, во льдах студеных
Приученная умирать.
И пусть нам гибелью напрасной
Грозит крушение эпох,
За нас и страждущий и страстный
Вочеловечившийся Бог.

1936

* * *

Я не певец войны, и разве смеет
О ней судачить немощный пиит,
Я трепещу, и мой язык немеет
В сознании, что гибель предстоит
Стольким в рассвете дней своих стоящим,
И полным сил, и дышащим легко,

¹⁵³ В архиве сохранилось больше стихотворений поэта, не опубликованных им при жизни. Здесь приводятся только те, которые еще не появлялись в печати (но уже готовятся и скоро будут обнародованы).

Таким, быть может, самым настоящим,
Чья слава пронеслась бы далеко.
Они найдут в могилах безымянных
Успокоение неопытным сердцам.
И их, на поле брани убиенных,
Не воскресить державящим лжецам.

1941

* * *

Проклятый год, война и голод
И пепелища городов,
И даже тот, кто сердцем молод,
Познает твой мертвящий холод,
И не изжить его следов.
За легионом легионы
Идут покорные войне,
Идут и гибнут миллионы,
И вновь смыкаются колонны.
Вокруг пустыня и тоска,
Свершается народов участь.
Но ты не сетуй и не трусь —
В невиданной неволе мучась.
Свою двужильную живучесть
Испытывает снова Русь!

1942

* * *

Грядет зловещий — сорок третий,
В крови рождающийся год,
И мы беспомощны, как дети,
В тисках лишений и невзгод
И войны шествуют по землям,
И множатся грехи вождей,
Но мы отчаянно не внемлем
В торжественной тоске своей

На оргии царство-крушений
И, чаем, будет заклемен
Сей год внезапностью решений
Судеб, народов и племен.

<1942>

* * *

В года сплошного безучастья
Нельзя рассчитывать на счастье.
Оно приходит вопреки
Тому, что бают старики.
Среди забот, среди лишений,
Среди невиданных свершений
Как неожиданность, как случай,
Как приступ немочи падучей
И обреченным на удачи
Грозят в грядущем неудачи
Разочарованность и смерть —
Зане неумолима твердь

1943

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

1

1. **АМР:** Архив Музея Рерихов: 01-2. Н.К.Рерих - эпистолярный архив.
<http://roerichsmuseum.ru/index.php/museum/arkhiv/255-pisma-nkr>
2. **Архив Г. Рудзите:** Архив Гунты Рудзите.
3. **Архив П. Ф. Беликова:** Личный архив Павла Федоровича Беликова.
4. **Е. Рерих:** *Рерих Е. И.* Письма: В 9 т. М., 1999–.
5. **Знамя мира:** Знамя мира, М., 1996.
6. **НВ [I–III]:** Непрерывное восхождение: Сб., посв. 90-летию со дня рождения П. Ф. Беликова: В 2 т. (т. II – в 2 кн.) / Сост. К. А. Молчанова, И. В. Сяэск. М., 2001–2003.¹⁵⁴
7. **Письма с гор:** Письма с гор: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом: В 2 т. / Вступ. ст., примеч. и комм. Г. Р. Рудзите. Минск, 2000.
8. **ПРС:** Петербургский Рериховский сборник. [Рерихи и Эстония] / Сост. А. П. Соболев. СПб., 2019. Вып. XII.
9. **С. Рерих 1991:** *Рерих С. Н.* Письма С. Н. Рериха П. Ф. Беликову // Рериховский Вестник. Л.; Извара, 1991. № 3. С. 13–17.
10. **С. Рерих 1993:** *Рерих С. Н.* Стремиться к прекрасному. М., 1993.
11. **С. Рерих:** *Рерих С.Н.* Письма: В 2 т. М., 2004–2005. Т. 1.
12. **СДР:** Странник Державы Рериха: Сб., посв. 100-летию со дня рождения П. Ф. Беликова. Абакан, 2011.
13. **Хроника:** Хроника русской культурной и общественной жизни в Эстонии (1918–1940). Из истории русского зарубежья. Т. II. 1932–1940 / Сост. С. Г. Исаков, Т. К. Шор, Т. Т. Гузаиров. Таллинн, 2017. [<http://estorussica.ut.ee/hronika.htm>]
14. **Flamma:** Flamma. A quarterly. 1938–1939. Vol. I–VII // Nicholas Roerich Museum.
<https://www.roerich.org/roerich-museum-archive/periodicals.php>

2

15. **Беликов 1938:** *Беликов П. Ф.* Пушкин и государственность // Поток Евразии. Таллин, 1938. С. 77–83.
16. **Беликов 1965:** *Belikov P.* The Art of Svetoslav Roerich // Svetoslav Roerich. A Collective Monograph. Bangalore, W. Q. Judge Press, 1965.
17. **Беликов 1967:** *Беликов П. Ф.* Предисловие и комментарии к публикации: Н. К. Рерих. Моя жизнь // Наш современник. 1967. № 7.
18. **Беликов 1968b:** *Беликов П. Ф.* Библиография трудов Н.К.Рериха // Горьковский сборник:

¹⁵⁴ Цитируется как трехтомное издание: II – второй том, книга первая, III — второй том, книга вторая.

- Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1968. Вып. 217. С. 265–282.
19. **Беликов 1968:** *Беликов П. Ф.* Рерих и Горький // Труды по русской и славянской филологии. XIII: Горьковский сборник / Отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1968. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 217). С. 251–265.
 20. **Беликов 1971:** *Беликов П. Ф.* Предисловие и примечание к публикации: Рерих Н. К. Листы дневника // Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М., 1971.
 21. **Беликов 1972:** *Беликов П. Ф.* Николай Рерих и Индия // Страны и народы Востока. Сб. Восточной комиссии Географического общества СССР Академии наук СССР. М.: «Наука», 1972. Вып. XIV.
 22. **Беликов* 1972¹⁵⁵:** *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих. М., 1972. (Серия «Жизнь замечательных людей»)¹⁵⁶
 23. **Беликов* 1972а:** *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Рерих: В поисках своего пути. Сердце Азии (Отр. из книги) // Московский комсомолец. 1972. 23-25 марта.
 24. **Беликов 1974:** *Беликов П. Ф.* Н. К. Рерих. // Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 14–46.¹⁵⁷
 25. **Беликов* 1974а:** *Беликов П. Ф., Маточкин Е. П., Окладников А. П.* Рерих — исследователь Азии // Сибирские огни. 1974. № 10.
 26. **Беликов 1974б:** *Беликов П. Ф.* О литературном наследии Н. К. Рериха // Контекст-1973. Литературно-теоретические исследования. Сб. Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. М.: Наука, 1974.
 27. **Беликов 1976:** *Беликов П. Ф.* Последняя научно-исследовательская экспедиция Н. К. Рериха // Рериховские чтения: К 50-летию исследования Н. К. Рерихом Алтая. Тезисы конференции СО АН СССР. Новосибирск, 1976.
 28. **Беликов* 1977:** *Беликов П. Ф., Шапошникова Л. В.* Институт «Урусвати»: Научная деятельность Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха в Индии // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1977. Вып. XIX. С. 225–236.
 29. **Беликов 1978:** *Беликов П. Ф.* Пакт Н. К. Рериха по охране культурных ценностей; В Гималаях // Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. М., 1978. С. 186–191; 201–219.¹⁵⁸
 30. **Беликов 1978а:** *Беликов П. Ф.* «Принадлежит моей родине» // Огонек. 1978. № 35. С. 16–17.

¹⁵⁵ Здесь и далее знак астериска означает, что работа написана в соавторстве.

¹⁵⁶ Републикации: Москва – 1973, Самара – 1996, Новосибирск – 2009. Переводы: на литовском (1975), непали (1979), бенгали (1979), на румынском языке (1980).

¹⁵⁷ В этом издании Беликову (участнику редколлегии сборника) принадлежит не только биографический очерк, но и библиография, примечания и указатель имен (в соавторстве с другими), а также составление раздела «Листы дневника. Моя жизнь (избранное)».

¹⁵⁸ П. Ф. Беликов – член редколлегии этого сборника, подготовленного НИИ теории и истории изобразительных искусств Академии художеств СССР.

31. **Беликов 1980:** *Беликов П. Ф.* Личное участие членов семьи Н. К. Рериха в работе института «Урусвати» // Рериховские чтения-1979: К 50-летию Института «Урусвати». Материалы конференции СО АН СССР. Новосибирск, 1980. С. 291–301.
32. **Беликов 1982:** *Беликов П. Ф.* «Величайший победитель в битве...»: Памяти востоковеда Ю. Н. Рериха // Огонек. М., 1982. № 9. С. 20–22.
33. **Беликов 1994:** *Беликов П. Ф.* Рерих (Опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994.
34. **Беликов 2004:** *Беликов П. Ф.* Святослав Рерих. Жизнь и творчество. М., 2004.
35. **Беликов 2008:** *Беликов П. Ф.* Письма Павла Федоровича Беликова (1975–1982) / Сост., предисл., вступ статья Е. Петренко. Одесса, 2008.
36. **Беликов 2011:** *Беликов П. Ф.* Рерих: опыт духовной биографии / Предисл. О. Е. Цветковой. М., 2011.

3

37. **Агни-Йога:** Агни Йога. М., 1994.
38. **АУМ:** Аум. М., 1996.
39. **Беликов К. 2011:** Письма Кирилла Павловича Беликова / Сост., вступ. ст. Е. Г. Петренко. Одесса, 2011.
40. **Беспредельность:** Беспредельность I. М., 1995.
41. **Братство:** Братство. М., 1996.
42. **Бунин:** *Бунин И. А.* Митина любовь. М., 2011.
43. **Ефремов 2016:** *Ефремов И. А.* Переписка Ивана Антоновича Ефремова / Сост. О. А. Еремина. М., 2016.
44. **Зелта грамата:** *Zelta grāmata.* Rīga, 1938.
45. **Зов:** Листы сада Мории I. Зов. М., 1994.
46. **Иванов:** *Иванов Вс. Н.* Рерих: Художник-Мыслитель. Рига, 1937.
47. **Иерархия:** Иерархия. М., 1995.
48. **Клизовский:** *Клизовский А. И.* Основы миропонимания Новой Эпохи. Рига, 1934-1936. Т. I-II.
49. **Криптограммы:** Криптограммы Востока. Париж, 1929.
50. **Лотман 1997:** *Лотман Ю. М.* Письма. 1940–1993. М., 1997.
51. **Мережковский 1925:** *Мережковский Д.С.* Тайна Трех. Египет и Вавилон. Прага, 1925.
52. **Мережковский 1930:** *Мережковский Д.С.* Тайна Запада. Атлантида – Европа. Берлин, 1930.
53. **Мережковский 1934:** *Мережковский Д.С.* Иисус Неизвестный. Белград, 1934.
54. **Община:** Община. М., 1994.
55. **Одоевский:** *Одоевский В. Ф.* Последний квартет Бетховена / Сост., вступит. статья, примеч. Вл. Муравьева. М., 1982.
56. **Озарение:** Листы Сада Мории II. Озарение. М., 1994.
57. **Пуста:** *Pusta C.* L'idée de l'union européenne devant les gouvernements et la Société des Nations // Revue de droit international et de législation comparée. 1931. №12. P. 150–162.
58. **Северянин:** *Северянин И.* Рояль Леандра. (Lugne): Роман в строфах. Бухарест, 1935.

59. **Сенека:** Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1993.
60. **Сердце:** Сердце. М., 1995.
61. **Сидоров:** *Сидоров М. А.* Листья. Ревель, 1920.
62. **Спирина:** Письма Наталии Дмитриевны Спириной / Пред. Е. Петренко. Одесса, 2011.
63. **Тагор:** *Тагор Р.* Гитанджали, Москва 2013
64. **Тютчев:** *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. М., 1966.
65. **Ходасевич:** *Ходасевич В. Ф.* Имена. М.; Берлин, 2017.

II. Исследования и критика

66. **Алехин:** *Алехин А.Д.* Художник, ученый, педагог // Книжное обозрение. 1972. 7 июля. [http://www.facets.ru/biograph/13_srch.htm]
67. **Андросова, Спирина:** *Андросова Л. А., Спирина Н. Д.* Павел Федорович Беликов — исследователь творчества Н. К. Рериха. Препринт. Новосибирск, 1983.
68. **Андросова:** *Андросова Л. А.* О Павле Федоровиче Беликове // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие». СПб., 2008. Т. VI. С. 500–503. То же: Грани эпохи. №45. 24.03.2011. [<http://www.facets.ru/biograph/androsova.htm>]
69. **Анненко 1995:** *Анненко А. Н.* «Рериховские университеты» Павла Беликова // Хакасия, 1995, 14 ноября. То же: Новая Эпоха. 1997. №3 (14). [http://www.newepoch.ru/journals/14/annenko_belikov.html]
70. **Анненко:** *Анненко А.* Библиография работ о П. Ф. Беликове / Век П. Ф. Беликова // Грани Эпохи. №86. 1.06.2021. [<http://www.facets.ru/index.htm?issue=86&article=8610>]
71. **Беликов К. 1987:** *Беликов К. П.* Архив доступный всем // Вечерний Кишинев. 1987. 26 марта.
72. **Беликов К. 1993:** *Беликов К. П.* «В центре борьбы за свет и познание...» (Новые материалы о Павле Федоровиче Беликове) // Библиография. 1993. № 6. Ноябрь – декабрь. С. 115–119.
73. **Богомолов:** *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 1999.
74. **Будникова:** *Будникова Ю. Ю.* Ученик Ю. Н. Рериха востоковед Александр Моисеевич Пятигорский // Музей-институт семьи Рерихов. [<http://www.roerich.spb.ru>]. 05.12.2009.
75. **Геродник:** *Геродник Г.* «Рерих» и автор // Советская Эстония. 1973. №117 (8993). 20 мая. [http://www.facets.ru/biograph/32_srch.htm]
76. **Гузаиров:** *Гузаиров Т. Т.* Назад в СССР: Куприн и Горький в изображении В. Е. Гущика (1938-1940) // Имагология и компаративистика. 2017. № 7. С. 53–70.
77. **Дико:** *Дико Н.* Наследие Рериха // Азия и Африка сегодня. 1984. № 10. С. 46–48.
78. **ЖЗЛ:** ЖЗЛ. Каталог. 1933 – 1973. Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 14 (546). М., 1974.
79. **Зобнин:** *Зобнин Ю. В.* Дмитрий Мережковский: жизнь и деяния. М., 2008.
80. **Исаков 1996:** *Исаков С. Г.* Русские в Эстонии 1918 – 1940. Тарту, 1996.

81. **Исаков 1996а:** *Исаков С.* Жизнь и творчество В. Е. Гущика. Статья I. Биография // Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 244–260.
82. **Исаков 2005:** *Исаков С.* Сквозь «гибель жизни и надежд»: Возвращение архива К. К. Гершельмана // Вышгород. Таллин, 2005. № 5/6. С. 36-49.
83. **Исаков 2008:** *Исаков С. Г.* Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии: История культуры. Ч. I. Таллинн, 2008.
84. **Калугина:** *Калугина Т.* Пути восхождения. М., 1984.
85. **Карклия:** *Карклия И.-Г.* Капли живой воды. Самара, 1997.
86. **Кеввай:** *Kevvai L.* Kamina õhtu Pavel Belikoviga. // Edasi. 1977. № 27. 27 veebruar. Lk. 2.
87. **Кеввай 2011:** *Kevvai L.* Вечер у камина: Павел Беликов / Перевод с эст. L.-А. Luukas // Грани эпохи. №48. 7.12.2011. [http://www.facets.ru/biograph/35_srch.htm]
88. **Книжник:** *Книжник Т. О.* Хранитель // Культура и время. 2002. №1/2. [<http://lib.icr.su/node/436>]
89. **Князева 1963:** *Князева В. П.* Николай Константинович Рерих (1874–1947). Л.; М., 1963.
90. **Князева 1968:** *Князева В. П.* Николай Константинович Рерих. М., 1968.
91. **Кузнецов 100:** Программа и тезисы докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н. И. Кузнецова: 17-20 декабря 1964 г. Тарту, 1964.
92. **Лавринец:** *Лавринец П.* Статус писателя в диалоге культур: казус Алексиса Раннита // Блоковский сборник XVIII: Россия и Эстония в XX веке: Диалог культур. Тарту, 2010. С. 137–150.
93. **Лысая:** *Лысая Е.* Игорь Северянин и Алексис Раннит: творческие и биографические контакты (1930-е – начало 1940-х гг.) // Русская филология 17. Тарту, 2006. С. 101–107.
94. **Мельников:** *Мельников В. Л.* О влиянии Н. К. Рериха на культуру первой Эстонской республики // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 2001. Вып. IV. С. 601–639. Цит. по [https://www.roerich.ee/articles/rus_vm2001-1.htm]
95. **Мельников 2009:** *Мельников В. Л.* Универсанты-филологи в мемориальном собрании Митусовых // Музей-институт семьи Рерихов. 04.12.2009. [<http://www.roerich.spb.ru>].
96. **Молчанова 1983:** *Молчанова К.* Пик Беликова // Вечерний Таллин. 1983. 8 декабря.
97. **Молчанова 1984:** *Молчанова К.* Талант на службе гуманизма // Вечерний Таллин. 1984. 12 октября.
98. **Молчанова 1984а:** *Молчанова К.* Творческое наследие художника-гуманиста // Вечерний Таллин. 1984. 21 ноября.
99. **Молчанова 1987:** *Молчанова К.* Эстония — Индия // Вперед. 1987. № 110–114. 17–26 сентября.
100. **Молчанова 1995:** *Молчанова К. А.* Вклад Эстонии в исследование художественно-философского наследия Н. К. Рериха // Пути восхождения: Мат. межд. общ.-науч. конференций (1993, 1994). М., 1995.

101. **Надточий 1972:** *Надточий Н.* «По специальности я не искусствовед...» (В гостях у П. Ф. Беликова) // Вечерний Таллин. 1972. 18 ноября. [<http://www.facets.ru/articles1/Belikov.htm>]
102. **Надточий 1975:** *Надточий Н.* Рерих и Эстония // Советская Эстония. 1975. № 204. 31 августа. Воскресенье. С. 2.
103. **Надточий 1984:** *Надточий-Санникова Н.* В Эстонию — к Рериху // Таллинн. 1984. № 6. С. 112–116.
104. **Надточий 1986:** *Надточий-Санникова Н.* Козе – Алтай – Гималаи: (О П. Ф. Беликове) // Таллинн. 1986. № 4. С. 119–123.
105. **Надточий 1986а:** *Санникова Н.* Изварские памятки // Молодежь Эстонии. 1986. № 83. 26 апреля. То же: [ПРС: 350–354]
106. **Нарышкин:** Нарышкин Г. Из библиотеки Н. К. Рериха // Новгородская правда, 18.01.1977 г. То же: Грани эпохи. №71. 1.09.2017 [<http://www.facets.ru/index.htm?issue=71&article=7124>]
107. **Пинегин:** *Пинегин А.* «Рериховские университеты» Павла Беликова // Левша. 1997. № 4. С. 5.
108. **Пихлак:** *Пихлак Э. Н.* Рерих и эстонское изобразительное искусство / Доклад на научной конференции «Рерих — гуманист», посвященной памяти П. Ф. Беликова. Институт истории Эстонской АН, 16 февраля 1991 г. [https://www.roerich.ee/articles/rus_19910216.htm]
109. **Пономарева 2000:** *Пономарева Г.* Рассказы М. М. Зощенко как зеркало советского языка и быта (восприятие творчества Зощенко в Эстонии) // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. VII. Helsinki, 2000. (Slavica Helsingiensia. 20). С. 265–278.
110. **Пономарева 2000а:** *Пономарева Г.* К рецепции творчества З. Н. Гиппиус в Эстонии (1920–1930-е гг.) // Блоковский сборник. XV: Русский символизм в литературном контексте рубежа XIX–XX вв. Тарту, 2000. С. 205–209.
111. **Пономарева 2009:** *Пономарева Г. М.* Русские писатели в Таллинне во время немецкой оккупации (1941–1944) // . Tallinn, 2009. С. 105–118.
112. **Пономарева, Шор:** *Пономарева Г. М., Шор Т.К.* «Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939—1945). Таллинн, 2009
113. **Попова:** *Попова Р.* «Красотою молимся. Красотою объединяемся» // Молодежь Эстонии. 1991. 16 февр.
114. **Семенова:** *Семенова В. Г.* Носитель культуры (Павел Федорович Беликов), Библиография. 1993. № 1. январь.
115. **Сойни 1983:** *Сойни Е. Г.* Проблемы финского неоромантизма и литературно-эстетическое наследие Н. К. Рериха: Вопросы финско-русских литературных связей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
116. **Сойни 1987:** *Сойни Е. Г.* Николай Рерих и Север. Петрозаводск, 1987.
117. **Сойни 2001:** *Сойни Е. Г.* Северный лик Николая Рериха. Самара, 2001.
118. **Сяэск 2001:** *Сяэск И. В.* Знание для Жизни и подвиг в Жизни: К 90-летию со дня рождения Павла Федоровича Беликова // Культура и время. 2001. №1–2. [http://grani.agni-age.net/biograph/36_srch.htm]

119. **Сязск 2017:** *Сязск И.* Что скрывает «Туманность Андромеды?» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. М., 2017. Вып. 9 (781). С. 145–152.
120. **Сязск 2018:** *Сязск И.* Пушкин в «Потоке Евразии» (Таллин, 1938): к биографии П. Ф. Беликова // Сборник тезисов участников XIX международной конференции молодых филологов, Таллин 15–17 февраля 2018. Таллинн, 2018. С. 15–16.
121. **Сязск 2018а:** *Сязск И.* Несоветское в советском: рериховский субстрат в романе И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» // Русская филология. 29. Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2018. С. 332–344.
122. **Сязск 2020:** *Сязск И.* Дальние миры в романе Ивана Ефремова Туманность Андромеды» // *Studia rossica posnaniensia*. 2020. Vol. XLV/1. Pp. 81–88.
123. **Сязск, Войтехович:** *Сязск И., Войтехович Р.* О советском и немецком в поэзии Б. Тагго-Новосадова: (По материалам архива П. Ф. Беликова) // Культура русской диаспоры: эмигрантское восприятие «советского» – советское восприятие «эмигрантского». (*В печати*)
124. **Тамплиеры:** Орден российских тамплиеров / Публ., вступ. статьи, комм., указатель А. Л. Никитина. М., 2003. Т. II. Документы 1930–1944 гг.
125. **Танклер:** *Танклер Х.* Папка с надписью «Рерихи» // Советская Эстония. 1984. № 275. 30 ноября. Пятница. С. 3. То же: Грани эпохи. №45. 24.03.2011. [http://www.facets.ru/biograph/06_srch.htm]
126. **Цветкова:** *Цветкова О. Е.* «Непрерывное восхождение». 2004 г. // Содружество [Газета Международного Совета Рериховских организаций]. № 16. Ноябрь 2004 – февраль 2005 гг. [http://www.facets.ru/biograph/17_srch.htm]
127. **Цветкова 2011:** *Цветкова О. Е.* Классик рериховедения. К 100-летию Павла Федоровича Беликова // Беликов П. Ф. Рерих: опыт духовной биографии. М., 2011. С. 346–400.
128. **Шевеленко 2017:** *Шевеленко И.Д.* Модернизм как архаизм. М., 2017.
129. **Юшков:** *Юшков А.* Чуткость сотрудничества // Перед Восходом. 1998. № 8. То же: Грани эпохи. 2011. № 46. [http://www.facets.ru/biograph/25_srch.htm]

Pavel Belikov (1911–1982) kui sõjaeelse eesti kultuuritegelane 1930. aastatel

Kokkuvõte

Uurimistöö eesmärgiks oli leida rohkem informatsiooni Pavel Belikovi tegevuse kohta sõjaeelsel perioodil, kuna varem oli tuntud üksnes tema 1938. aastal ilmunud artikkel "Puškin ja omariiklus" ning fakt, et pärast sõda oli ta maailmas tuntud Nicholas Roerichi teoste uurijana. Kogusin andmeid P. Belikovi kohta erinevatest arhiividest ja ajalehtedest nii Eestis, USA-s kui Venemaal. Leidsin ning analüüsisin palju uusi andmeid ning samuti ka Belikovi luuletusi tema isiklikust arhiivist.

Pavel Belikov (1911–1982) oli luuletaja, kirjanik, filosoof, teadlane ning Nicholas Roerichi teoste uurija. 1935. aastast osales Belikov Eesti kultuuritegelaste liikumises Eesti ühinemiseks Roerichi paktiga (Pax Cultura), mis sõlmiti Washingtonis (USA). Samast, 1935. aastast alustas Belikov aktiivset tööd Tallinna kirjandusorganisatsioonides: Vene Kirjandusringis, Vityazi seltsi kirjandusosakonnas, Vene Akadeemiliste Naiste Liidus, oma ringis jne. Ta esines ettekannetega G. Derzhavini luuletustest, I. Kanti filosoofiast, N. Roerichi loomingust, korraldas maalide (reproduktsioonide), raamatute jm. näitusi. Ajakirjas "Potok Jevrasii" (1938, nr.1) ilmus tema artikkel "Puškin ja omariiklus". Tehes koostööd N. Roerich'i nimeliste Läti ja Leedu seltsidega, saavutasid Eesti kultuuritegelased selle, et 1937. aastal otsustasid Leedu, Läti ja Eesti välisministrid ühiskonverentsil liita oma riigid kultuuripaktiga. Eestis toetasid seda ühiskondlikku liikumist V. Guštšik, A. Rannit, I. Severjanin, B. Taggo (B. Novosadov), haridusministri asetäitja V. Päts, tema abikaasa J. Päts (Weiler), president K. Päts, kunstnikud A. Tamm, E. Taska, R. Niemann, skulptor A. Starkopf jt. Kultuuripakti komitee moodustati 9. detsembril 1937. aastal. Belikovil oli Elava Eetika (Agni Jooga) uurimiseks oma ring ja ta tegi koostööd teiste Roerichi ideede järgijatega Eestis, Lätis, USA-s jne.

Oluliseks tulemuseks oli, et õnnestus leida ja analüüsida Pavel Belikovi avaldamata luuletusi, tema ettekannet Kanti kohta, aruannet Agni Joogi õpetuste kohta (seda pärast raamatu "Morya aia lehed" ja Galina Mahhovale adresseeritud filosoofiliste kirjade lugemist). Galina Mahhova oli Tartu Ülikooli üliõpilane aastatel 1934–1936. Käesolevas uurimuses selgitan Pavel Belikovi tegevuse kronoloogiat ja olulisi fakte, mis olid seotud tema tööga tehases "Eesti Siid" ja ettevõttes "Töökool". Belikovi arhiivist õnnestus leida ka Boriss Novosadovi (Boris Taggo) avaldamata luuletusi. Belikovi sõjaeelse perioodi tegevuste analüüs selgitab, miks just temast sai üks Roerichi juhtivaid uurijaid ning mis moel ta suutis luua koostöö Juri Lotmani, Aleksander Pjatigorski, Ivan Efremovi, Dmitri Lihatšovi ja teistega. Tema tegevuse sõjajärgne periood väärib eraldi uurimist.

Lihlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Irina Säask,

(autori nimi)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihlitsentsi) minu loodud teose
Pavel Belikov (1911–1982) nagu sõjaeelse Eesti kultuuri tegelane (1930ndad aa.)

(lõputöö pealkiri)

mille juhendaja on Roman Voitehovitš,

(juhendaja nimi)

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Irina Säask

24.08.2021